ISSN 2072-7607

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Научный журнал

Выпуск 2 (41)

Рязань 2017

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 23 ноября 2012 г.
Регистрационный номер ПИ № ФС 77-51731

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.И. Минаев, д-р ист. наук, ректор Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина,

Т.В. Еременко, д-р пед. наук, проф., проректор по научной деятельности Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина,

М.Н. Махмудов, канд. физ-мат. наук, доц., начальник управления научной и инновацинной деятельности Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина,

Я.М. Колкер, главный редактор, канд. пед. наук, проф. каф. лингвистики и межкультурной коммуникации Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина,

Е.С. Устинова, заместитель главного редактора, канд. пед. наук, доц. Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.Н. Бабаян, д-р филол. наук (Ярославское высшее военное училище ПВО),

Ван Цзиньлин, д-р филол. наук, проф. (Чанчуньский ун-т, Чанчунь, КНР),

А.Г. Голодов, д-р филол. наук, проф. каф. герман. яз. и методики преподавания (Рязанский гос. ун-т имени С.А. Есенина),

Г.-Г. Дрёссигер, д-р филол. наук, проф. (Каунасский филиал Вильнюсского ун-та, Литва),

В.И. Жельвис, д-р филол. наук, проф. (Ярославский гос. пед. ун-т имени К.Д. Ушинского),

С.Т. Золян, д-р филол. наук, проф. (Ин-т философии и права Национальной акад. Армении, Ереван, Армения),

Е.В. Игнатова, канд. пед. наук, доц. (Рязанский гос. ун-т имени С.А. Есенина),

Т.Я. Кузнецова, д-р филол. наук, проф. (Северный (Арктический) федер. ун-т, Архангельск),

С.С. Куклина, д-р пед. наук, проф. (Вятский гос. ун-т, Киров),

Е.Г. Логинова, канд. филол. наук, доц. (Рязанский гос. ун-т имени С.А. Есенина),

А.М. Поликарпов, д-р филол. наук, проф. (Северный (Арктический) федер. ун-т, Архангельск),

С.Ю. Потапова, д-р филол. наук, проф. (Международная акад. бизнеса и новых технологий, Ярославль),

Т.С. Серова, д-р пед. наук, проф. (Пермский гос. техн. ун-т),

Е.Н. Соловова, д-р пед. наук, проф. (Высшая школа экономики, Москва),

В.Н. Степанов, д-р филол. наук, проф. (Международная акад. бизнеса и новых технологий, Ярославль),

И.М. Шеина, канд. филол. наук, проф. каф. вост. яз. и методики преподавания (Рязанский гос. ун-т имени С.А. Есенина).

По вопросам публикации обращаться по адресу: e.ustinova@rsu.edu.ru

Журнал выходит 4 раза в год. С 01.12.2015 г. **входит в перечень российских рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес и телефон редакции: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46; тел.: (4912) 21-57-23

Ссылка на журнал «Иностранные языки в высшей школе» обязательна.
Редакция не всегда разделяет мнение авторов.

Подписаться на журнал можно в любом отделении связи.
Подписной индекс издания № 36852 в каталоге «Роспечать»

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», 2017
© «Иностранные языки в высшей школе», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I
Анализ дискурса в социолингвистическом, лингвокультурном и переводческом аспектах

Запруднова А.А.
Теория концептуальной интеграции как метод оценки адекватности перевода (на примере анализа перевода отрывков пьесы А.П. Чехова «Иванов») 7

Кузнецова Т.Я.
Оценка качества перевода с позиций антропоцентризма 18

Логинова Е.Г.
Теоретическое обоснование функционирования семиотического резонанса как основы процесса семиозиса 28

Лунькова Л.Н., Никонов А.А.
Лингвопрагматические особенности футбольных блогов на английском языке 34

Потапова С.Ю., Робертус М.М.
Фактор «Дональд Трамп»: портрет американского президента в немецкоязычной прессе 39

Теребихина И.Ю.
Изучение несобственно-прямой речи: от структурализма к теории психосистематики 45

Раздел II
Системный подход к исследованию языковых единиц с позиций социолингвистики, прикладной лингвистики и лингводидактики

Банкова Л.Л.
Китайские комплекты цифр 56

Гриц М.А.
Онтология как средство формализации лексического значения (*на английском языке*) 60

Кошкин М.А.
Особенности выражения пассива в китайском языке 72

Панаити Н.Н.
Основные концепты, лежащие в основе реализации принципа системности в обучении иностранному языку как специальности 79

Петренко А.Д., Храбскова Д.М., Петренко Д.А.
Языковые изменения в аспекте социально ориентированной фонетики 90

Семенова Э.В.
Экстра- и интралингвистические факторы реализации межкультурной коммуникации юристов (на материале английского языка) 104

Раздел III
Институт Конфуция: поэтический текст как переводческая проблема

Ван Цзиньлин
Сопоставление тактики передачи образов в переводе древнекитайской поэзии на русском и английском языках (на примере стихотворения Мэн Хаожаня «Посещаю хутор старого друга») 111

Маяцкий Д.И.
Некоторые необычные выразительные средства художественного языка в ариях китайской классической драмы (на примере *юаньцюй* XIII–XIV веков) 118

Требования к публикациям и правила представления рукописей авторами 129

TABLE OF CONTENTS

Part I
Discourse Analysis from the Sociolinguistic, Linguocultural and Translation Perspectives

Zaprudnova, Anastasia
Conceptual Integration Theory as a Basis for Assessing the Adequacy of Translation (illustrated by excerpts from A. Chekhov's "Ivanov" translated into English) 7

Kuznetsova, Tatiana
Evaluation of Translation Quality from the Viewpoint of Anthropocentrism 18

Loginova, Elena
Semiotic Resonance as a Basis for Semiosis: Theoretical Assumptions 28

Lun'kova, Larisa; Nikonov Andrei
Linguapragmatic Features of Football Internet Resources in English 34

Potapova, Svetlana; Robertus, Maja
The "Donald Trump" Factor: The American President as Portrayed in the German Press 39

Terebikhina, Inna
Study of Experienced Speech: from Structuralism to the Theory of Psycho-Systematics 45

Part II
A Systemic Approach to Language Studies from the Perspectives of Sociolinguistics, Applied Linguistics and Linguodidactics

Bankova, Liudmila
Chinese Sets of Characters for Numbers 56

Gritz, Maria
An Ontology as a Medium of Lexical Meaning Formal Representation 60

Koshkin, Maxim
Peculiarities of Expressing Passivity in Chinese 72

Panaïti, Natalia
The Basic Concepts of the Principle of Systematization in Foreign Language Teaching and Learning 79

Petrenko, Aleksandr; Khrabskova, Danuta; **Petrenko, Daniil**
Language Changes from the Perspective of Socially Oriented Phonetics 90

Semenova, Ella
Extra- and Intralinguistic Factors of Intercultural Communication Affecting Legal Discourse in English (illustrated by examples in English) 104

Part III
Confucius Institute: Studies in Translation of Poetry

Wang Jinling
Translation of Ancient Chinese Poetry into English and Russian:
Comparing Translation Strategies (illustrated by Meng Haoran's verse
"A Visit to an Old Friend's Farm") 111

Maiatsky, Dmitry
Some Unusual Expressive Means of Artistic Language in the Arias of Chinese Classical Drama
(based on the example of the *yuanqu* of XIII–XIV centuries) 118

Requirements to the Papers Submitted (in Russ.)* 129

* Available in English at : http://fljournal.rsu.edu.ru/en

РАЗДЕЛ I

АНАЛИЗ ДИСКУРСА В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ, ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ И ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

УДК 81.373.612.2+811.581.11

А.А. Запруднова

Теория концептуальной интеграции как метод оценки адекватности перевода (на примере анализа перевода отрывков пьесы А.П. Чехова «Иванов»)

Проводится краткий экскурс в научные лингвистические теории метафоры. Обсуждается ограниченность семантических подходов к метафоре в риторике и стилистике. Подробно рассматривается трактовка метафоры в когнитивной лингвистике. Впервые теория концептуальной интеграции применяется как метод оценки относительной эффективности высказывания на языке оригинала и на языке перевода с целью выявления адекватности и точности последнего. В ходе анализа отрывков из пьесы А.П. Чехова «Иванов» на русском и китайском языках доказывается возможность использования теории Ж. Фоконье и М. Тернера в качестве метода постпереводческого анализа.

метафора, теория метафоры, теория концептуальной интеграции, тема и оболочка, фокус и рамка, сфера-источник, сфера-цель, метафорическая проекция, ментальные пространства, бленд, межпространственное отображение, смешение

Zaprudnova, Anastasia

Conceptual Integration Theory as a Basis for Assessing the Adequacy of Translation (illustrated by excerpts from A. Chekhov's "Ivanov" translated into English)

The paper attempts to give a comprehensive study of major linguistic theories of metaphor. The author debates pros and cons of semantic approaches and focuses on the cognitive point of view. G. Fauconnier and M. Turner's Conceptual Integration Theory is applied as a new comparative method of post-translation analysis. Study of cognitive processes and conceptual operations underlying surface language structures of metaphoric expressions proves to be an effective method of comparative analysis of the source text and the target text applicable for assessing the adequacy of the latter. Blending is viewed as a major conceptual operation and a universal means of sorting out linguistic and extralinguistic experience in different cultures. The author attempts to objectively juxtapose the systems of conventional beliefs activated in the recipient's mind by certain concepts in the Russian and Chinese languages to highlight differences and similarities of the impact of the original text and its translation. The structures which are being mapped onto concepts belonging to other spheres work as a filter for new metaphoric notions and the choice of this or that language unit has a huge impact on the effectiveness of these. The paper offers comparative analysis of the shared structures and complementary elements projected from the two input spaces into a new mental space in the source and target texts and focuses on distinctions among the products of conceptual integration. As different projected elements blend and develop into new conceptual structures with a new meaning of their own, they constitute separate independent units, which can go different ways in different languages. The paper includes illustrations of make the research more vivid and argumentative. A. Chekov's plays and their translations serve as material for research.

metaphor, theories of metaphor, conceptual integration theory, tenor and vehicle, focus and frame, source domain and target domain, projection, mental spaces, blend, mapping, blending

Традиционно в стилистике и риторике принят семантический подход к изучению метафоры, который рассматривает ее исключительно как языковое явление, фигуру речи, троп

© Запруднова А.А., 2017

или изобразительно-выразительное средство. Определения метафоры сводятся в основном к формулировке, близкой к следующей: перенос имени с одного предмета или явления на другой на основе общего признака или контраста. Эта традиция восходит еще к трудам Аристотеля, который первым дал определение метафоры в своем труде «Поэтика»: «Переносное слово (μεταφορά) — это несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [1].

Со времен античности все семантические исследования сводятся к идее переноса, с небольшими уточнениями относительно того, что именно, куда и на каком основании переносится. Кроме того, традиционно считается, что метафорическое выражение всегда имеет аналог с буквальным значением. Такая точка зрения называется теорией замещения, и она давно укоренилась в стилистике:

Ричард — лев. = Ричард храбрый.

Ее разновидность — сравнительная точка зрения — постулирует, что метафора — это скрытое/эллиптическое/сжатое/стянутое сравнение, и смысл любого метафорического выражения можно выразить при помощи сравнительного оборота с тем же буквальным значением:

Ричард — лев. = Ричард храбрый, как лев.

Теория замещения, или субституциональный взгляд на метафору как на языковое явление, имеет место быть, когда мы говорим о случаях формирования значений, отсутствующих в языке: мы называем ножку стола ножкой, потому что нет другого буквального выражения для обозначения данной реалии. В этом случае метафора вызывается потребностью и покрывает лакуны в словаре буквальных наименований. Такие метафоры совпадают в большинстве языков и зачастую не осознаются носителями как единицы, обладающие переносным значением: ножка стола — leg of a table — 桌子腿. В случае, когда у метафорического выражения существуют эквиваленты с буквальным значением, то есть отсутствуют объективные причины замены, субституциональный взгляд на метафору обнаруживает свою несостоятельность.

Во-первых, вышерассмотренная теория не учитывает контекстные сдвиги. Так, выражение «Ричард — лев / Ричард, как лев», будучи помещено в контекст обсуждения произведения «Удивительный волшебник из страны Оз» Л.Ф. Баума, полярно изменит свое значение. Кроме того, исследователи метафоры неоднократно отмечали, что теория замещения предполагает априори существование подобия между двумя предметами или явлениями, однако признак сходства не всегда можно определить однозначно, поскольку нам неизвестно, что выражение «Ричард — лев / Ричард, как лев» не означает «он лохматый», ведь эти признаки льва также очень важны и хорошо известны.

К тому же согласно теории образного языка, тропы имеют свои собственные цели и задачи и выполняют стилистические функции, которых лишено буквальное выражение. Речь следует вести о сопоставлении, уподоблении, аналогии и контрасте как о мыслительных операциях, лежащих в основе семантического процесса метафоризации.

Преодолеть недостатки семантической теории замещения попытались сторонники теории взаимодействия Айвор Ричардс и Макс Блэк. А. Ричардс предложил рассматривать метафору не только как языковое средство, результат замены слов или контекстных сдвигов, но и как результат заимствования и взаимодействия идей и смены контекста. Он ввел два термина для различения двух компонентов метафоры («содержание» (tenor) — обозначаемое и «оболочка» (vehicle) — обозначающее) и определил значение метафоры как результат одновременного сосуществования и взаимодействия содержания и оболочки, которые «дают в своем взаимодействии значение более богатое, чем каждый из этих компонентов, взятый в отдельности» [2]. Общие признаки он называет основой метафоры, и метафорическое употребление слова или выражения в его понимании обозначает выборку из характеристик, которые присущи и теме, и оболочке в буквальном употреблении.

М. Блэк развивает эту идею, исходя из того, что буквальное употребление слова обычно создает у говорящего некоторый набор стандартных представлений (beliefs) о концепте, обозначаемом этим словом, и эти представления в принципе разделяются всеми членами данной

---

[1] Аристотель. Поэтика // Соч. : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983. С. 645–680. С. 669.

[2] Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры : сб. : пер. с англ., фр., нем., исп., пол. ; вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой ; общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журинской. М. : Прогресс, 1990. С. 50.

языковой общности. Эффект метафорического использования фокусного слова применительно к рамке состоит в «актуализации соответствующей системы общепринятых ассоциаций» [3]. Он отмечает, что одна и та же языковая форма не всегда воспринимается реципиентом как обладающая метафорическим значением, а лишь при условии наличия подходящей рамки. И действительно, можно представить себе разговор в цирке, когда дрессировщик говорит кому-либо из посетителей: «Мне нужно покормить Ричарда». И на вопрос «А кто такой Ричард?» отвечает: «Ричард — лев».

В данном языковом окружении единица «лев» оказывается абсолютно лишена метафоричности. Однако, называя человека львом, мы создаем рамку для метафорического употребления слова «лев», которое становится ее фокусом. В данном случае реципиент, чтобы построить нужную систему импликаций относительно главного субъекта — человека, будет руководствоваться системой импликаций о львах. Полученные импликации не будут совпадать с общепринятыми ассоциациями, вызываемыми буквальным употреблением слова «человек». Новые импликации детерминированы системой импликаций, актуальных для буквального употребления слова «лев». При этом одни черты сразу окажутся важными, а другие отойдут на задний план. Метафора, как фильтр, устраняет одни детали и подчеркивает другие, тем самым организуя наш взгляд на концепт. Мы как бы «смотрим» на главный субъект «сквозь» метафорическое выражение, иными словами, главный субъект «проецируется» на область вспомогательного субъекта. При этом «система импликаций фокусного выражения может рассматриваться как определяющая «закон проекции» [4].

Интерпретируя метафору, реципиенту приходится использовать все имеющиеся знания и опыт для идентификации того самого характерного предиката оболочки, который оказывается приложим к теме в данном контексте высказывания. Вот что говорит о процессе интерпретации метафоры А. Тверски: «Похоже, люди интерпретируют метафоры путем сканирования признакового пространства и выбора тех признаков оболочки, которые приложимы к теме…» [5]. Между темой и оболочкой либо вовсе не существует общих характерных признаков (по словам М. Блэка, к главному субъекту прилагается система «нестандартных импликаций, установленных автором ad hoc» [6]), либо некоторый характерный признак оболочки является менее характерным признаком темы, при этом некоторые признаки оболочки все же остаются вовсе неприложимы к теме. Таким образом, основу для сопоставления представляет главный субъект — оболочка, и ее признаки приписываются вспомогательному субъекту — теме, с отбрасыванием неприменимых признаков оболочки.

Вышесказанное объясняет также *асимметричность* метафорических высказываний. Если в них члены — тему и оболочку — поменять местами, это может сделать метафоры бессмысленными или существенно изменить смысл высказывания. Проиллюстрируем это утверждение примером.

Рассмотрим метафорическое выражение:

(A) (B)

(1) «The beard of flame diminished quickly» (W. Golding).

Если поменять местами тему (B) и оболочку (A), смысл высказывания явно изменится:

(B) (A)

(2) «The flame of beard diminished quickly».

В первом случае (1) говорится об угасании костра и имеется в виду внешнее сходство *формы* и *размера* таких предметов, как пламя и борода. Во втором случае (2) первое, что приходит на ум, — это потеря огненно-рыжего *цвета* бороды, скорее всего, появление седины.

---

[3] Термин рамка (frame) был введен М. Блэком для обозначения тех слов и выражений, которые в контексте метафорического высказывания употреблены в своем буквальном значении в противопоставлении фокусу метафоры (focus) — слову(ам), использованному(ым) метафорически.

[4] Блэк М. Метафора // Теория метафоры. С. 164–165.

[5] Tversky A. Features of similarity // Psychological Review. 1977. Vol. 84. P. 327–332.

[6] Блэк М. Метафора. С. 164–165.

Приводим наиболее характерные признаки вовлеченных в аналогию понятий:

beard (борода)		***flame (пламя)***
форма, размер: длинная/короткая		*цвет: огненно-рыжее/ярко-красное и т.п.*
разновидность: кудрявая/гладкая		*температура: жаркое*
цвет: черная/рыжая/седая и т.п.		*форма, размер: высокое/низкое*

Анализ характерных признаков, вовлеченных в аналогию понятий, показал, почему в зависимости от выбора темы и оболочки происходит такая смена значений: совершенно различные характерные признаки этих двух концептов будут прикладываться друг к другу в случае установления аналогии (в случае оболочки бороды — это форма и размер, которые являются не самыми характерными признаками пламени; и, наоборот, в случае оболочки пламени — это цвет, менее характерный признак бороды). Иными словами, характеристики понятия из области-источника не просто проецируются на характеристики понятия из области-цели, но в данном процессе есть место феномену, который М. Блэк назвал «фильтром» [7], а Дж. Лакофф и М. Джонсон — «освещением и затемнением» [8].

Однако случаи прямого проецирования области-источника на область-цель очень редки. В подавляющем большинстве мы имеем дело с интегральным пространством, «переплавляющим» свойства вовлеченных в метафору концептов. Понятие интегрального пространства, или бленда, было введено представителями когнитивной теории метафоры Ж. Фоконье и М. Тёрнером, которые попытались преодолеть ограниченность предшествующих подходов и перешли от рассмотрения языковых структур к анализу концептуальных пространств и когнитивных операций. Они подробно изучили процесс проецирования, или отображения (mapping), в своей теории концептуальной интеграции, называемой также теорией концептуального смешения, или теорией блендинга. Теория постулирует, что человек, в отличие от других биологических видов, наделен способностью создавать новые смыслы на основе уже имеющихся. Эта способность реализуется, в частности, при порождении несущего новые смыслы интегрального ментального пространства — бленда (blending space/blend) — на основе нескольких базовых ментальных пространств (input spaces). Ж. Фоконье и М. Тёрнер дали этому феномену название «концептуальная интеграция» [9].

В образовании бленда участвуют, по меньшей мере, два исходных пространства, которые перекликаются со сферой-источником и сферой-целью из теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, где метафора трактуется как когнитивное структурированное отображение из сферы-источника (source domain) в сферу-цель (target domain).

Согласно теории Лакоффа – Джонсона переносу, или проекции, «подвергается не изолированное имя (с присущим ему прямым номинативным значением), а целостная концептуальная структура (схема, фрейм, модель, сценарий), активируемая некоторым словом (фокусом метафоры) в сознании носителя языка благодаря конвенциональной связи данного слова с данной концептуальной структурой» [10]. Собственно перенос является как раз результатом осуществления мыслительной операции сопоставления и установления аналогии, или, иными словами, он представляет собой не что иное, как экспликацию результатов категоризации фрагмента действительности в новой языковой форме. Метафора дает «возможность использовать одно высоко структурированное и четко выделимое понятие для структурирования другого» [11].

У Ж. Фоконье и М. Тёрнера между исходными пространствами также существует «*межпространственное отображение* (cross-space mapping), которое соединяет сходные элементы, прототипы (counterparts), и общее пространство (generic space), которое содержит в себе элементы,

---

[7] Блэк М. Метафора. С. 163.

[8] Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. С. 392.

[9] Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. 1998. N 22 (2). P. 61.

[10] Кобозева И.М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода. URL : http://www.dialog-21.ru/archive_article.asp?param =7339&y=2002&vol=6077 (дата обращения: 20.04.2017).

[11] Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия / под ред. В.М. Сергеева и П.Б. Паршина. М., 1987. С. 129.

единые для обоих исходных пространств в определенный момент развития концептуальной интеграции и составляют часть бленда» [12] (рис. 1).

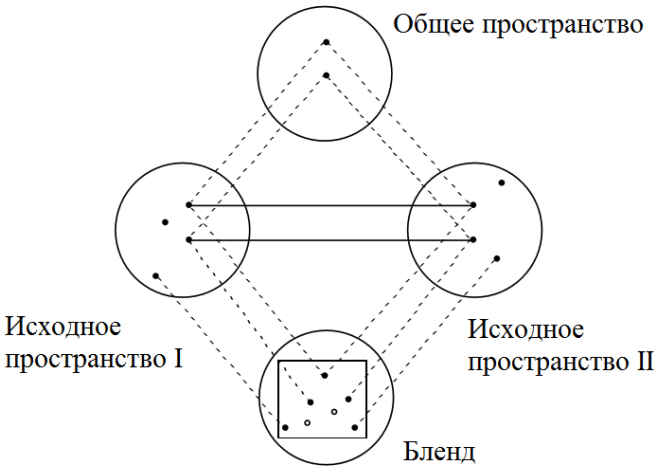

Рис. 1. Модель концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тёрнера

Однако Ж. Фоконье и М. Тёрнер выходят за рамки метафорической проекции из сферы-источника в сферу-цель и конструируют новое ментальное пространство — бленд. Бленды не выводятся напрямую из составляющих исходных пространств, не сводятся к сумме их элементов и не тождественны ни одному из исходных пространств. Это совершенно новые концептуальные структуры.

Концептуальная интеграция как базовая когнитивная операция проходит в три этапа: композиция (composition), завершение (completion) и развитие (elaboration). Композиция представляет собой метафорическую проекцию прототипов из исходных пространств в общее пространство, а затем их смешение в бленде. На этапе завершения формируется новое смешанное пространство за счет его пополнения фоновыми знаниями, когнитивными и культурными моделями. Развитие приводит к последующему мысленному моделированию смешанного пространства в соответствии с логическими структурами: новое смешанное пространство дополняется логическими умозаключениями и образует качественно новую концептуальную структуру, которая имеет собственные потенции к развитию.

Дж. Грейди отмечает, что именно теория концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тёрнера способна объяснять моменты, которые остаются без внимания в предшествующих трактовках, в том числе в теории концептуальной метафоры Лакоффа – Джонсона [13]. На примере выражения «*This surgeon is a butcher — Это не хирург, а мясник»* Дж. Грейди доказывает недостаточность анализа метафоры как прямого отображения из сферы-источника в сферу-цель. Установив аналогию между структурами сферы-источника (butchery) и сферы-цели (surgery), мы можем проанализировать отображение между такими элементами, как “butcher” — “surgeon”, “animal” — “human being”, “commodity” — “patient”, “cleaver” — “scalpel”, “abattoir” — “operating room”, “cutting meat” — “cutting flesh”. Однако этот анализ оказывается неэффективен в отношении собственно смысла высказывания: хирург не компетентен. Анализ одного лишь отображения показывает, что понятие некомпетентности не заложено ни в одной из сфер и, следовательно, не подвергается прямой проекции.

Ответить на вопрос, как формируется значение выражения “*This surgeon is a butcher”*, помогает именно теория концептуальной интеграции. Бленд заимствует часть структуры каждого из исходных пространств: из исходного пространства I, соответствующего области-цели (surgery), проецируются такие элементы, как личность оперируемого (говорящего), личность оперирующего

[12] Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: Conceptual integration networks // Cognitive Linguistics: Basic Readings / ed by. Dirk Geeraerts. Walter de Gruyter GmbH and Co. KG, 2006. P. 308.

[13] Grady J., Oakley T., Coulson S. Blending and metaphor // Metaphor in cognitive linguistics / ed by. G. Steen, R. Gibbs. Philadelphia, 1999. P. 106.

и, возможно, детали, связанные с обстановкой в операционной; из исходного пространства II, соответствующего области-источнику (butchery), проецируются роль мясника и соответствующие ей действия. Исходные пространства имеют схожую структуру, представленную в общем пространстве: субъект, объект, инструмент, рабочее место, цель действия/средства ее достижения.

Бленд не просто заимствует часть структуры каждого из исходных пространств, но на этапе развития расширяет и изменяет свое содержание, исходя из сопоставления вовлеченных в его структуру элементов. Отношения цель-средство, спроецированные в бленд из сферы-источника (butchery), оказываются несовместимы с соответствующими отношениями сферы-цели (surgery). В первом случае цель мясника — убить животное и отделить плоть от костей, в то время как цель хирурга — излечить пациента. В бленде происходит смешение средств мясника с целью хирурга, его личностью и окружением. Конфликт цели и средства в бленде приводит к главному умозаключению — хирург некомпетентен [14].

Таким образом, теория концептуальной интеграции доказывает, что создание метафоры не ограничивается установлением аналогии и проекцией из сферы-источника в сферу-цель. Это гораздо более сложный процесс, результатом которого становится качественно новая концептуальная структура с собственными потенциями к дальнейшему развитию и взаимодействию и которая, по выражению самих исследователей, «живет своей собственной жизнью» [15].

Кроме того, «более сложные сети интеграции (“multiple blends”) допускают множественные исходные пространства и последовательное смешение, при котором то, что было блендом на одном уровне, может стать исходным пространством на другом» [16].

Рассмотрим пример такого мультибленда из пьесы А.П. Чехова «Иванов»:

«Доктора — те же адвокаты, с тою только разницей, что *адвокаты только грабят, а доктора и грабят и убивают…* Я не говорю о присутствующих. *Шарлатаны, эксплоататоры…* Я в свою жизнь пролечил тысяч двадцать и не встретил ни одного доктора, который не казался бы мне *патентованным мошенником*» (курсив мой. — А.З.).

В данном случае мы имеем дело с последовательным смешением: на первом уровне в качестве исходных пространств можно обнаружить шесть поэтапно вовлеченных концептосфер.

На первом подуровне отождествляются профессии адвоката и доктора. Происходит заимствование отраженной в генеративном пространстве общей структуры в бленд — в субъект, объект, сферу деятельности, условия осуществления деятельности, цель и результат деятельности (рис. 2).

Рис. 2. Модель концептуальной интеграции «Доктора — те же адвокаты…». Отображения между прототипами исходных пространств I и II

[14] Grady J., Oakley T., Coulson S. Blending and metaphor. P. 104–124.

[15] Turner M., Fauconnier G. Metaphor, Metonymy, and Binding // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / ed by. A. Barcelona. Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2000. P. 137.

[16] Fauconnier G., Turner M. Conceptual Blending, Form and Meaning // Recherches en Communication. 2003. N 19. P. 5.

На втором подуровне в аналогию вовлекаются образы грабителя и убийцы и имеет место попарное отображение между исходными пространствами II–III и I–VI. На третьем подуровне сопоставление обогащается новыми образами шарлатана и эксплуататора, представленными в пространствах V и VI соответственно. Эти два пространства можно рассматривать в качестве промежуточных блендов, в которые проецируются роль пациента/подсудимого как жертвы, первоначальная цель — помощь — подменяется новой целью — наживой, стирается понятие ответственности (рис. 3).

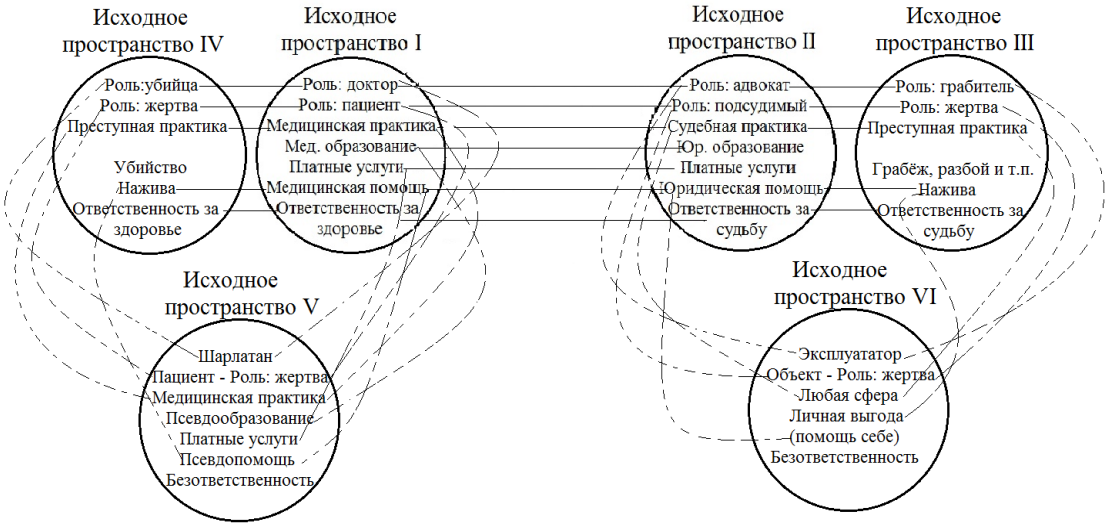

Рис. 3. Промежуточные бленды

На втором уровне промежуточные бленды становятся исходными пространствами и образуется совершенно новое концептуальное пространство VII — патентованный мошенник, в котором мы наблюдаем определение новой роли субъекта как преступника, объекта как жертвы, искажение цели и результата деятельности, проекцию новых элементов из других пространств в бленд — образование у мошенника. Таким образом концептуальное пространство VII заимствует часть структуры и отдельные элементы из всех шести рассмотренных пространств (рис. 4).

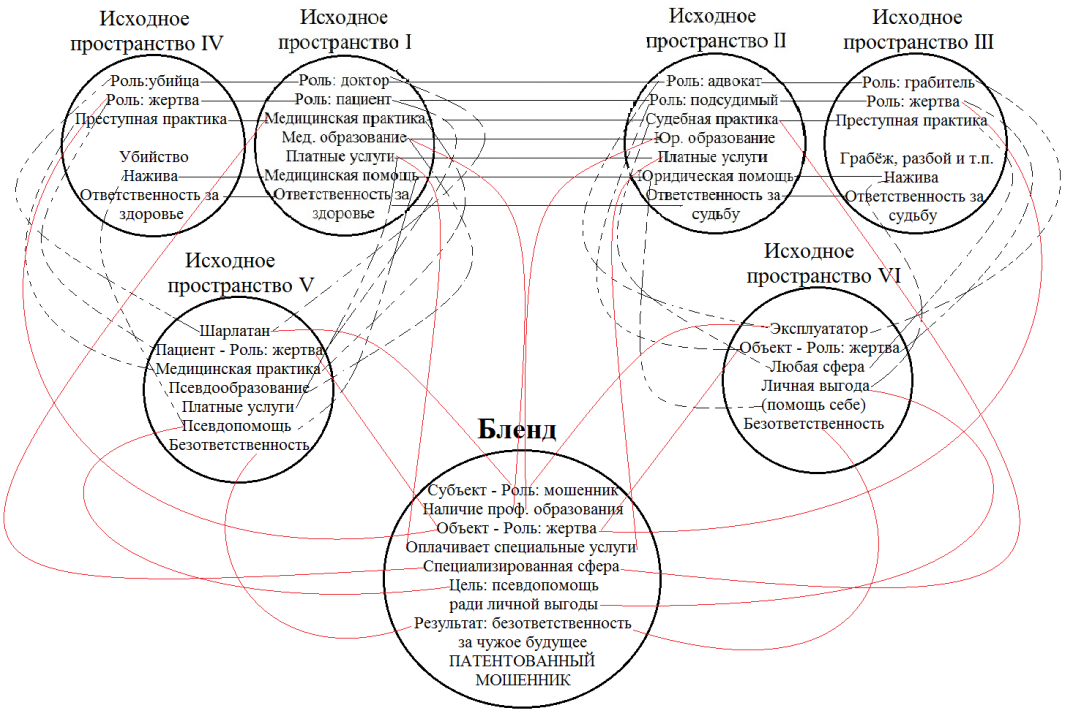

Рис. 4. Схема образования мультибленда «патентованный мошенник»

Кроме того, мы можем наблюдать расширение метафоры в выражении «Я в свою жизнь *пролечил* тысяч двадцать». «Пролечил» — метафора, образованная деривационным способом: имеет место развитие значения слова «лечить» за счет добавления к нему префикса «про-» в значении «упустить, потерять, исчерпать», подобно словам «проиграть», «прожить», «промахнуться» и т. п.

«Патентованный мошенник» становится базисной метафорой, на основе которой возникают передающие метафоры (conveyance metaphors) [17]. Такие метафорические выражения становятся метаязыковыми средствами описания нового концепта «патентованный мошенник» как рефлексы образованного в сознании нового бленда. Мы имеем дело со сложным поэтапным смешением концептов в плане переноса существующих отношений с другими концептами на новое понятие, которому эти отношения изначально не свойственны, что находит свое выражение в валентности языковых единиц, обозначающих эти понятия.

Сравним предлагаемые переводчиками варианты соответствий интересующего нас отрывка.

В издании 伊凡諾夫 契訶夫著 人民文學出版社出版/ 一九五五年 • 北京 читаем:

醫生和律師都是**一路貨**，惟一的區别就是：**律師不過光是諜財；醫生呢，既諜你的財，又害你的命**。. . . . . 當然，我不是說的在坐的任何一位。全是些**騙子**、**剝削者**. . . . . 我這一輩子在醫生身花過不下兩萬盧布，可是，據我看，不是**公然掛牌來騙人的醫生**，還一個也没有。(выделено нами. — А.З.).

Так, в издании 1955 года для передачи аналогии на первом подуровне «доктора — те же адвокаты» переводчик использует общеупотребительный фразеологизм 一路貨 (дословно «товар с одной улицы»), создавая метонимию, которую впоследствии продолжает в развернутое сопоставление, вовлекая целый ряд ассоциаций. Имеет место, как и в оригинале, полное совпадение общей структуры концептов в тексте перевода 医生 («доктор») и 律师 («адвокат»). Структура отражена в генеративном пространстве (рис. 5).

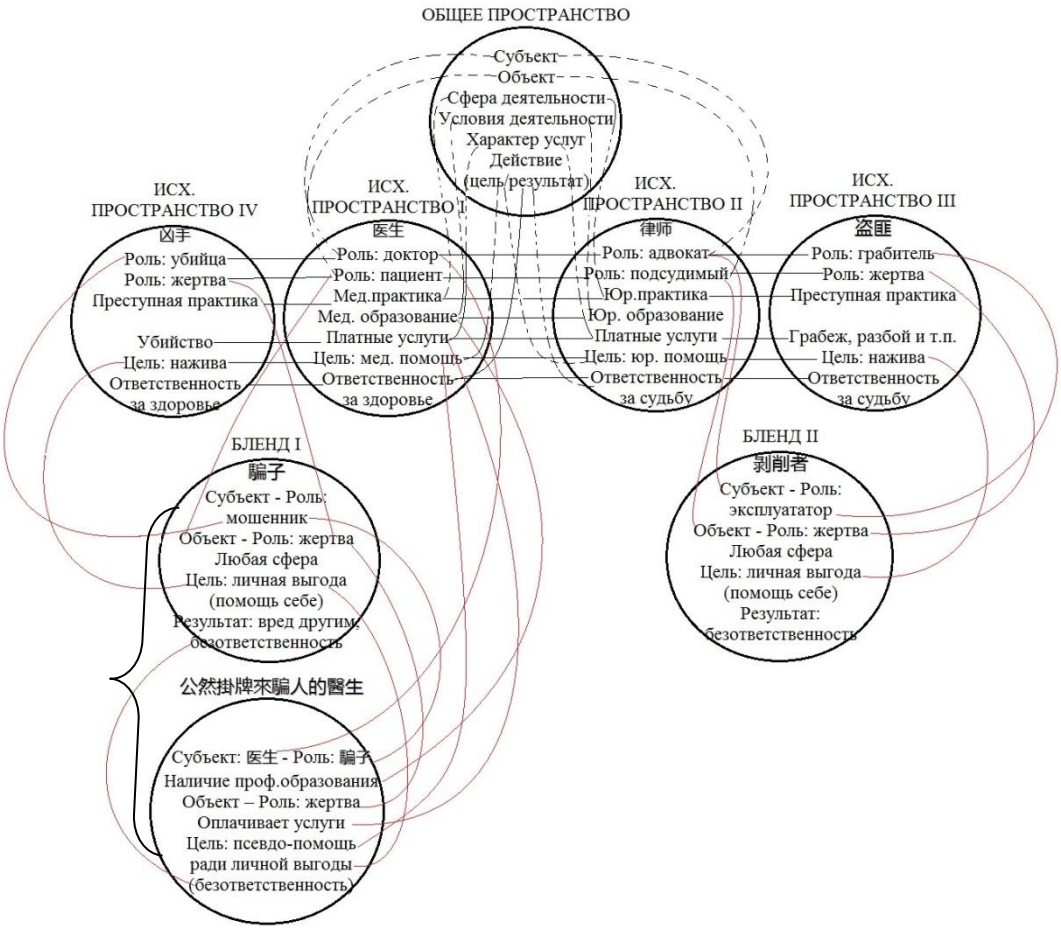

Рис. 5. Схема концептуального смешения в первом варианте перевода

[17] Термины были введены Эрлом Маккормаком (Earl R. MacCormac. A Cognitive Theory of Metaphor).

Предлагаемый перевод гиперболы на втором подуровне «адвокаты только грабят, а доктора и грабят и убивают» так же весьма удачен, благодаря разбиению другого фразеологизма 谋财害命 («охотясь за чужими деньгами, пойти на убийство»). В тексте перевода, как и в оригинале, за счет конвенциональной валентности чэньюя (谋财害命的盗匪 — грабитель, готовый на убийство) в образование бленда вовлекаются концептосферы 盗匪 («грабитель») и 凶手 («убийца») и имеет место попарное отображение между исходными пространствами II–III и I–IV. Вклинивание в привычную конструкцию сочинительных союзов 既…又… является в данном случае средством повышения относительной эффективности общеязыковых тропов, воздействие которых можно считать несколько стертым ввиду частотности их употребления.

На третьем подуровне наблюдается расхождение сетей концептуальной интеграции в тексте оригинала и в переводе: вместо вовлечения в образование единого бленда концептов наблюдается параллельное образование двух блендов на основе предыдущего смешения — врач-мошенник 騙人的醫生 и адвокат-эксплуататор 剝削的律师. В данном случае речь идет не о двух промежуточных блендах, а о двух конечных продуктах вместо одного.

Заключительное высказывание, оформленное как художественное сравнение с формально выраженным механизмом сопоставления «не встретил ни одного *доктора*, который не *казался бы мне патентованным мошенником*», в переводе издания 1955 года заменяется фразой: 不是公然掛牌來騙人的醫生，還一個也没有 (дословно: «не являющегося официально практикующим врачом, который обманывает людей, нет даже одного»).

Выражение 公然掛牌來騙人的醫生 («официально практикующий врач, который обманывает людей») оказывается лишенным метафоричности и является по сути разновидностью бленда I, а значит теряет связь с концептосферами II, III и V. Таким образом, бленд в тексте перевода теряет часть своего наполнения и оказывается беднее по содержанию, чем его оригинал. Как следствие, относительная эффективность перевода снижается.

В издании 伊凡诺夫 海鸥〔俄〕契诃夫 上海译文出版社 / 2014年11月 предлагается следующий перевод рассматриваемой нами реплики:

医生们和律师们恰恰一样； 唯一的区别就是， **律师只抢你的钱，** 可是**医生**呢，**又抢你的钱， 又害你的命**..... 我说的可不是在座的。都是些**走江湖的，投机取巧的**啊..... 我这一辈子里头，在医生身上花去的就有两万左右，可是我从来没有遇见过一个**医生**，叫我觉着他不**是一个领了执照的骗子的**。(выделено нами. — А.З.).

Первые два подуровня смешения строго соблюдены в современном китайском издании: в образование бленда вовлекаются исходные пространства I 医生 («доктор») и II 律师 («адвокат») и наблюдается их попарное отображение с концептосферами III 抢劫者 («грабитель») и IV 杀人者 («убийца»). Переводчик прибегает к синтаксическим средствам, удачно сочетая противительный союз с параллельной конструкцией, как бы наращивая эффект и усиливая тем самым воздействие на адресата.

В переводе 2014 года, в отличие от издания 1955 года, сохраняется третий подуровень концептуальной интеграции: переводчик вовлекает в образование общего бленда близкие, но не идентичные оригинальным концепты. Так, в качестве исходного пространства V «шарлатан» предлагается фразеологизм 走江湖的 («странствующий лекарь»). Здесь, несмотря на полное совпадение структуры вновь проецируемого и оригинального понятия, наблюдается значительное расхождение их содержимого. 走江湖卖药 — это бродяга, скитающийся по свету и не имеющий постоянного заработка, кроме как от продажи лекарств. Однако его медицинская практика, пусть и не является официальной, все же не преступна, а у субъекта-пациента вовсе не обязательно выявляется роль жертвы. С учетом того, что эти элементы уже были спроецированы в бленд из других пространств, представляется возможным рассматривать этот вариант перевода как удовлетворяющий на конкретном этапе смешения.

В качестве исходного пространства VI «эксплуататор» предлагается концепт 投机取巧者 («оппортунист»). Такой вариант, на наш взгляд, также возможен ввиду практически полного совпадения структуры понятий. Несмотря на то что эксплуататор использует людей, а оппортунист — обстоятельства, в бленд заимствуется главный предикат, разделяемый этими понятиями: преследование личных интересов вопреки этике и морали и полная безответственность за последствия своих действий.

Результатом такого поэтапного смешения в тесте перевода является новое образование — бленд 领了执照的骗子 («получивший лицензию мошенник»), который можно рассматривать как довольно успешный эквивалент, сохраняющий структуру и наполнение оригинала (рис. 6). Переводчик, однако, формально не эксплицирует механизм сопоставления, и результатом объективации этого процесса становится метафора.

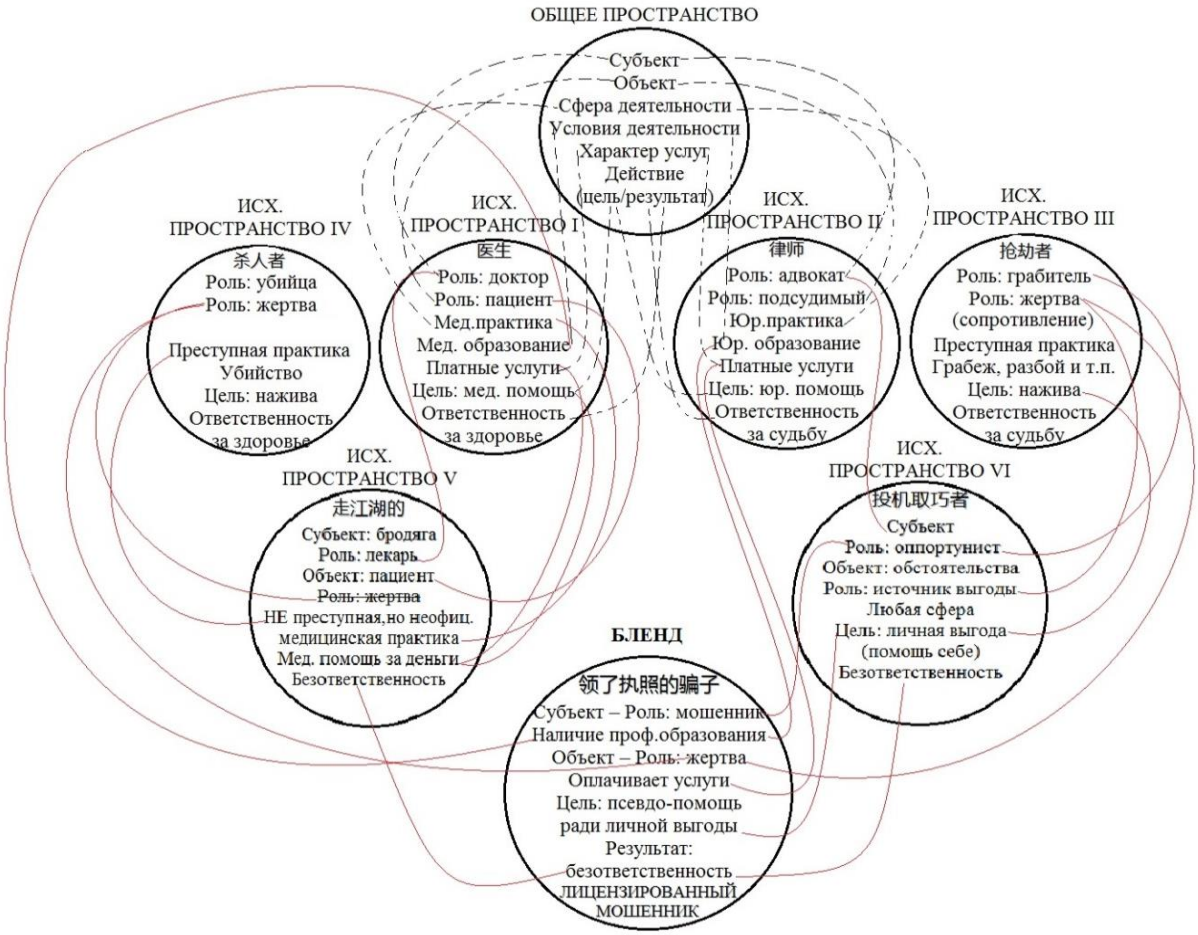

Рис. 6. Схема концептуального смешения во втором варианте перевода

«Внутренний механизм у сравнения и метафоры один и тот же… Внешняя же структура у сравнения и метафоры разная. При сравнении сопоставление получает формально-грамматическое выражение, тогда как метафора не обладает формальными средствами...» [18]. В связи с этим в процессе перевода при невозможности сохранить тот или иной прием, базирующийся на сопоставлении, мы рассматриваем эти приемы как взаимозаменяемые: замена внешней формы выражения, а именно эксплицирование механизма сопоставления, либо отказ от его формального выражения, не сказывается на относительной эффективности высказывания и степени ее воздействия на адресата.

Проведенный нами анализ различных подходов к рассмотрению данной проблемы доказывает, что теория концептуальной интеграции позволяет взглянуть на метафору как на когнитивную операцию над понятиями и как на средство концептуализации, которое позволяет человеку осмыслить ту или иную область действительности в терминах понятийных структур, изначально сложившихся на базе опыта, который был получен человеком в других областях, а проведенный нами сопоставительный анализ текстов, помимо прочего, демонстрирует потенции к использованию теории концептуальной интеграции в качестве метода оценки относительной эффективности высказывания на языке перевода и его адекватности по отношению к оригиналу.

[18] Горелов В.И. Стилистика современного китайского языка : учеб. пособие. М. : Просвещение, 1979. С. 27.

Список использованной литературы и электронных ресурсов

1. Аристотель. Поэтика [Текст] // Соч. : в 4 т.— М. : Мысль, 1983. — Т. 4. — С. 645–680.

2. Блэк, М. Метафора [Текст] // Теория метафоры : сб. : пер. с англ., фр., нем., исп., пол. ; вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой ; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. — М. : Прогресс, 1990. — С. 153–172.

3. Горелов, В.И. Стилистика современного китайского языка [Текст] : учеб. пособие. — М. : Просвещение, 1979. — 192 с.

4. Кобозева, И.М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода [Электронный ресурс] // Dialog. 2002. — Режим доступа : http://www.dialog-21.ru/en/digest/2002/articles/kobozeva/ (дата обращения: 20.04.2017).

5. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Язык и моделирование социального взаимодействия / под ред. В.М. Сергеева и П.Б. Паршина. — М. : Прогресс, 1987. — С. 126–172.

6. Ричардс, А. Философия риторики [Текст] // Теория метафоры : сб. : пер. с англ., фр., нем., исп., пол. ; вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой ; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. — М. : Прогресс, 1990. — С. 44–67.

7. Fauconnier, G. Conceptual Blending, Form and Meaning [Text] / G. Fauconnier, M. Turner // Recherches en Communication. — 2003. — N 19. — P. 57–86.

8. Fauconnier, G. Conceptual Integration Networks [Text] / G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive Science. — 1998. — N 22 (2). — P. 133–187.

9. Fauconnier G., Mental spaces: Conceptual integration networks [Text] / G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive Linguistics: Basic Readings / ed by. Dirk Geeraerts. Walter de Gruyter GmbH and Co. KG, 2006. — P. 303–371.

10. Grady, J. Blending and metaphor [Text] / J. Grady, T. Oakley, S. Coulson // Metaphor in cognitive linguistics / by G. Steen, R. Gibbs. — Philadelphia, 1999. — P. 104–124.

11. MacCormac, E.R. A Cognitive Theory of Metaphor [Text] / MIT Press Cambridge (Mass.). — London, 1985. — 248 p.

12. Turner, M. Metaphor, Metonymy, and Binding [Text] / M. Turner, G. Fauconnier // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / ed by. A. Barcelona. — Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2000. — P. 133–145.

13. Tversky, A. Features of similarity [Text] // Psychological Review. — 1977. — Vol. 84. — P. 327–332.

Список художественных источников

14. Чехов, А.П. Иванов [Текст] // Собр. соч. : в 18 т. — Т. 12 : Пьесы. 1889–1891. — М. : Наука, 1978. — 926 с.

15. 伊凡诺夫·海鸥 〔俄〕契诃夫 上海译文出版社 / 2014年11月 .Чехов, А.П. (рус.). Иванов. Чайка. Шанхайское изд-во переводов. 2014. Ноябрь)

16. 伊凡諾夫 契訶夫著 人民文學出版社出版/ 一九五五年诃北京 . Чехов, А.П. Иванов. — Пекин : Жэньминьвэньсюэ, 1955.)

References

1. Aristotle. Poetics [Text] // Collected works. — Moscow : Mysl, 1983. — P. 645–680. (in Russ.)

2. Black, M. Metaphor [Text] // Theory of Metaphor: Collection of papers: translated from English / ed. by N.D. Arutyunova, M.A. Zhurinskaya. — Moscow : Progress, 1990. — P. 153–172. (in Russ.)

3. Gorelov, V.I. Stilistika sovremennogo kitaiskogo yazyka [Stylistics of Modern Chinese] [Text] // Manual for university students majoring in foreign languages (No. 2103) — Moscow : Prosveshchenie, 1979. — 192 p. (in Russ.)

4. Kobozeva, I.M. (2002). On formal representation of metaphors in cognitive approach [Electronic resource] // “Dialog 2002”. — Mode of access : http://www.dialog-21.ru/en/digest/2002/articles/kobozeva/ (date of access: 20.04.2017). (in Russ.)

5. Lakoff, G. Metaphors We Live By [Text] / G. Lakoff, M. Johnson // Language and Modeling of Social Interaction // ed. by V.M. Sergeev and P.B. Parshin. — Moscow : Progress, 1987 — P. 126–172. (in Russ.)

6. Richards, I. The Philosophy of Rhetoric [Text] // Theory of Metaphor: Collection of papers: translated from English / ed. by N.D. Arutyunova and M. A. Zhurinskaya. — Moscow : Progress, 1990. — P. 44–67. (in Russ.)

7. Fauconnier, G. Conceptual Blending, Form and Meaning [Text] / G. Fauconnier, M. Turner // Recherches en Communication. — 2003. — N 19. — P. 57–86.

8. Fauconnier, G. Conceptual Integration Networks [Text] / G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive Science. — 1998. — N 22 (2). — P. 133–187.

9. Fauconnier, G. Mental spaces: Conceptual integration networks [Text] / G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive Linguistics: Basic Readings / ed. by Dirk Geeraerts. Walter de Gruyter GmbH & Co. KG. — Berlin, 2006. — Pp. 303–371.

10. Grady, J. Blending and metaphor [Text] / J. Grady, T. Oakley, S. Coulson // Metaphor in cognitive linguistics / ed. by G. Steen, R. Gibbs. — Philadelphia : John Benjamins, 1999. — Pp. 104–124.

11. MacCormac, E.R. A Cognitive Theory of Metaphor [Text]. — MIT Press, Cambridge (Mass.), London, 1985. — 248 p.

12. Turner, M. Metaphor, Metonymy, and Binding [Text] / M. Turner, G. Fauconnier // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / ed. A. Barcelona. — Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2000. — Pp. 133–145.

13. Tversky, A. Features of similarity [Text] // Psychological Review. — 1977. — Vol. 84. — Pp. 327–332.

Dramatic works

14. Chekhov, A.P. Collected works [Text] : in 18 vol. — Vol. 12 : Plays 1889–1891. — Moscow : Nauka, 1978. — 926 p. (in Russ.)

15. 伊凡诺夫·海鸥 〔俄〕契诃夫 上海译文出版社 / 2014年11月. (Chekhov, A.P. (Russian.). Ivanov. Seagull. Shanghai Translation Publishing House, November 2014) (in Chin.)

16. 伊凡諾夫 契訶夫著 人民文學出版社出版/ 一九五五年诃北京. (Chekhov, A.P. Ivanov. — Beijing : Renmin Wenxue Chubanshe, 1955) (in Chin.)

Сведения об авторе

Запруднова Анастасия Алексеевна — специалист по учебно-методической работе научно-образовательного подразделения «Институт Конфуция» Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков РГУ имени С.А. Есенина. Почтовый адрес: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46. Тел. (раб.): (4912) 46-07-08 доб. 2283. Электронный адрес: a.zaprudnova@rsu.edu.ru; nicetya@inbox.ru

Zaprudnova, Anastasia — Postgraduate Student, Dpt. of Linguistics and Intercultural Communication; Education Management Officer of Confucius Institute, Ryazan State University named for S.A. Esenin. Postal address: 46 Svobody St., Ryazan, 390000, Russia. Tel.: (4912) 46-07-08 (ext. 2283). E-mail: a.zaprudnova@rsu.edu.ru, nicetya@inbox.ru

УДК:[81'25=133.1+] (045)

Т.Я. Кузнецова

Оценка качества перевода с позиций антропоцентризма

В статье рассматривается проблема определения качества перевода художественного текста. Выявлена единица перевода — дискурс, «динамическая ментальная репрезентация, «схваченная» лингвистическими средствами». Дискурс воплощается текстом. Слово как языковой элемент передает концепт. Роль концепта в переводе как речемыслительной деятельности состоит в выделении и материализации опор для формирования языковой картины мира автором исходного языка, их восприятии переводчиком и их передаче на языке перевода. Вокруг концептов-опор развертывается категоризация как интерпретация уже полученных знаний о мире. Выделение концептуализации и категоризации определены в статье как исходная позиция для оценки качества перевода. Единица перевода — дискурс — выступает как единица смысла. Анализ перевода с позиции репрезентации концептов позволяет дать оценку передаче опор как основных единиц знания. Анализ развертывания текста от концептов к их категоризации дает образ формирования смысла в процессе создания исходного текста, его восприятия и передачи на языке перевода с учетом особенностей языковой системы, литературных предпочтений, культуры, коллективных и индивидуальных знаний читателей. Различия в степени формирования литературной нормы выступают как фактор, акцентирующий искажение смысла.

антропоцентризм, дискурс, текст, концептуализация, категоризация, единица перевода, единица смысла, речемыслительная деятельность

© Кузнецова А.А., 2017

Kuznetsova, Tatiana

Evaluation of Translation Quality from the Viewpoint of Anthropocentrism

The article focuses on determining the quality of belles-lettres translation from the viewpoint of the discursive approach. Discourse as translation unit is defined as “dynamical mental representation, captured by linguistic means”. Discourse is represented by the text, whereas the word as a linguistic unit represents the concept. The role of the concept during translation is to highlight and materialize the supports for shaping the language worldview as perceived by the author in the source language and by the translator as he perceives the text and renders it in the target language. Categorization as the process of knowledge interpretation and obtaining new knowledge on the base of previously received information is developed round the concepts. The new knowledge comprises grammar structuring, evaluation scales, stereotypes, metaphorical and metonymical language models. Highlighting of the conceptualization and categorization is determined in the article as the initial position for the evaluation of the quality of interpretation. Discourse as a translation unit is considered as a meaning unit. Translation analysis in terms of concept representation makes it possible to assess the rendering of supports as basic knowledge units. Analysis of text development from concepts to their categorization gives a dynamic picture of meaning formation from creating the source text to its perception by the translator and to its rendition in the target language. The latter should take into consideration the features of the language system and literary preferences, as well as the source and target cultures and the readers’ tentative background knowledge. Cross-cultural differences in the development of the national literary tradition are considered as the factor that emphasizes meaning deformation.

anthropocentrism, discourse, text, conceptualization, categorization, translation unit, meaning unit, language and mentally based activity

Объектом исследовательского интереса в современной лингвистике последних десятилетий являются не факты поверхностного уровня, а их взаимосвязь и взаимодействие с думающим и говорящим субъектом. На первый план выходит проблема передачи знаний, понимания, создания новых знаний. Это относится, прежде всего, к переводу, сущностные характеристики которого «обусловлены его спецификой, объединяющей в один процесс рецептивную и продуктивную деятельность, а также заданность предмета деятельности — чужой мысли» [1]. В связи с этим появляется возможность вновь обратиться к некоторым вопросам, не находящим окончательного решения. Среди них назовем вопрос, касающийся оценки качества перевода и выражающийся в поисках критерия точности [2]. Подойдем к изучению проблемы с позиций когнитивно-дискурсивного подхода. Для этого определим объектом нашего исследования дискурс. Дискурс рассматривается нами как динамическая ментальная репрезентация, «схваченная» лингвистическими средствами» [3]. Эта дефиниция, рассматривающая «схваченность» мыслью как необходимое условие лингвистической репрезентации той или иной единицы знания, принятая сегодня многими зарубежными и отечественными учеными [4], была предложена Г. Гийомом в психосистематике [5]. В понимании Г. Гийома языковая (или речевая) деятельность есть динамическое объединение и совместное существование языка и речи, находящихся в постоянном взаимодействии условий речеязыковой деятельности [6]. Речеязыковая деятельность объединяет в себе предшествующий факт языка и последующий факт речи — говорения, дискурса. В течение времени, неуловимого для сознания, происходит кодирование мысли с помощью лексем, морфем, коннексии, служебных слов; формирование языковых элементов возникает в результате сочетания движения мысли с ее самоперехватами, остановками, отмечающими этапы конструирования языковых единиц. Это время называется оперативным, поскольку в его рамках заключены мыслительные операции, движение мысли

[1] Зимняя И.А. Психологический анализ перевода как специфического вида речевой деятельности // Теория перевода и научные основы подготовки переводчиков : материалы Всесоюз. науч. конф. Ч. I. М., 1975. С. 33.

[2] Раренко М.Б. О границах «точности» и «вольности» в художественном переводе // Ментальность. Коммуникация. Перевод : сб. ст. / РАН ИНИОН. М., 2008. С. 182.

[3] Кушнерук С.Л. Когнитивно-дискурсивное моделирование: формирование репрезентационной теории дискурса // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVI. М. ; Тамбов ; Тюмень, 2016. С. 448.

[4] Там же.

[5] Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. 2-е изд., испр. М. : Едиториал УРСС, 2004. С. 54.

[6] Скрелина Л.М. Школа Гийома: психосистематика. М. : Высшая школа, 2009. С. 21.

и ее «схвачивание», обеспечивающие рождение слова [7]. Время, в котором происходит формирование предложения и дискурса, называется дискурсивным.

Язык играет ведущую роль в организации коллективного и индивидуального сознания. Структурирование сознания выражается в выделении и материализации единиц знания в процессах концептуализации и категоризации. Концептуализация состоит в выделении и материализации единиц знания, концептов, формирующих языковую картину мира. Категоризация включает «грамматическое структурирование знаний, категоризацию объектов и событий, оценочные шкалы и ориентиры, идеалы, стереотипы, метафоры, метонимии, эвфемистические модели передачи содержания» [8].

Остановимся на переводе текста Ф. де ла Мотт Фенелона “Les aventures de Télémaque” (1699) М.В. Ломоносовым, во-первых, потому, что оригинальный текст, репрезентирующий художественный дискурс, демонстрирует четкую композицию и интерпретацию мира и знаний о мире с точки зрения реализации антропоцентрического принципа, а, во-вторых, тексты оригинала и перевода относятся к разным историческим периодам — XVII и XVIII векам. Этот факт интересен тем, что французский язык в XVII веке был уже национальным литературным языком. Русский язык в XVIII веке только выходил на стадию формирования литературных норм и испытывал влияние церковнославянского языка и русского просторечия. Вследствие этого «теория трех штилей» М.В. Ломоносова еще не могла быть полностью претворена в его переводческом творчестве, а языковые несоответствия приводили к искажению смысла. Указанный фактор позволит более выпукло акцентировать проблему трансфера знаний из одного языка в другой.

Прежде чем непосредственно приступить к анализу перевода, обратимся к историко-литературной характеристике эпохи.

Знаменитая книга Фенелона “Les aventures de Télémaque” привлекла М.В. Ломоносова своими политико-этическими проблемами: власть, богатство, способы правления. Она была написана в традициях классицизма, то есть в соответствии с принципами внеисторизма, абстрактной общечеловечности, игнорирования национальных особенностей народа и исторического своеобразия эпохи.

Литературная теория классицизма согласно своим принципам предоставляла переводчику полную свободу, пределы которой ничем не ограничивались не только в переводе, но и в переработке текста [9]. Теоретики и практики классицизма не признавали авторской индивидуальности, отмечали лишь стилистические особенности жанра, не видели существенных различий между национальными культурами, игнорировали своеобразные черты исторических эпох и национальных характеров. Антиисторическая система мышления писателей-классицистов XVII–XVIII веков признавала существование образцов литературных произведений, созданных в античной Греции и Риме, которым необходимо было следовать. В основе мира лежит Разум, поэтому на первое место выдвигалась мысль, которая подлежала совершенному выражению. Имело значение лишь то, что написано, с какой степенью полноты и совершенства выражена идея. Сама идея — это общее достояние. Успех писателя зависит от того, насколько близко он сумеет подойти к образцу, к идеалу, содержащемуся в античной литературе. Один написал хорошо, другой может воспользоваться тем, что сделал первый, взять это себе и постараться дописать лучше, еще ближе подобраться к испытанному эталону. Если автор оригинала не справился с задачей и ее выражением, цель переводчика — взять на себя завершение того, что автор завершить не сумел. После того как перевод сделан одним или несколькими предшественниками, переводчик имеет право и даже обязан воспользоваться их удачами, продолжить их труд и его улучшить.

При этом условии личность автора лишалась какой бы то ни было роли. За него говорил жанр. Важно не то, что написал тот или иной сочинитель, важно то, насколько удачно он подражает Гомеру. Драматург стремился достичь сходства с Софоклом, сатирик — с Горацием, включая в свои произведения все то хорошее, что находили у других авторов. Все участвовали в одном деле создания литературы, и личные вклады могли оставаться безымянными.

---

[7] Lafont R., Gardès-Madray F. Introduction à l'analyse textuelle. P. : Larousse, 1976. P. 46.

[8] Болдырев Н.Н. Роль языка в структурировании сознания // Когнитивные исследования языка. Вып. XXII. М. ; Тамбов ; СПб., 2015. С. 37.

[9] Западов А.В. Поэты XVIII века. М. : Изд-во МГУ, 1979. С. 110.

При переводе иностранной книги вовсе не нужно было точно следовать тексту. Если мысль казалась удачной, ее следовало развить по мере сил переводчика, а то, что выглядело лишним, сократить. И, кроме одобрения знатоков, ожидать тут было нечего, ибо все считалось общим — сюжеты, герои, остроты.

В этом контексте роман Фенелона был воспринят как героическая поэма, которая стала словно прозаическим переводом на французский язык с неведомого подлинника. Сохранить же близость к известному ему идеальному прототипу помешали своеобразная ограниченность французского языка, его лексическая скудость и теснота. М.В. Ломоносов с присущими ему энергией и целеустремленностью принялся за выполнение перевода и приблизился к тому «оригиналу», который ему представлялся за текстом Фенелона.

Начнем анализ перевода с того, как языковая картина мира репрезентирована в тексте Фенелона и как передана в тексте перевода.

Телемах, сын Одиссея, выслушивает наставления Ментора, который, будучи мудрым и опытным человеком, учит Телемаха, что надо усвоить, чтобы быть хорошим правителем, на что надо в первую очередь обратить внимание и каких ошибок избежать. Речь Ментора построена на концептах Власть (Autorité), Богатство (Luxe), Правление и Функции государя (Gouvernement et Fonctions). Они репрезентированы языковыми средствами, которые находят в переводе соответствия.

Власть
Autorité — власть
mal — зло

Богатство
Luxe — роскоши
vice — зло
riches — богатые
pauvres — убогие
nécessités — нужды

Правление и Функции государя
Roi — царь
nation — народ
désordre — великий непорядок
loi — закон
modération — воздержание
fonction — работа и должность
gouvernement — владение
habileté — сан царя
liberté d'esprit — свободные умы
grands desseins — великие дела
affaires du jour — мелкие дела
vrai génie — ум

Как можно видеть, картина мира, репрезентированная в оригинале, в переводе восстановлена. Между тем замечаем некоторые несоответствия между репрезентацией концептов в оригинальном тексте и их передачей на русский язык.

Оппозиция в антонимии
riches — pauvres — богатые — убогие.

В современном русском языке слово «убогие» имеет значение: крайне бедный, находящийся в нужде, нищий [10].

В следующих случаях изменение значений носит не языковой характер, а окказиональный, продиктованный либо культурными факторами, либо индивидуальным восприятием.

[10] Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. URL : http://ushakovdictionary.ru/word.php? wordid=78942.

Культурологическая обусловленность:
roi — царь,
habilité — сан царя,
gouvernement — владение,
gouvernement d'un royaume — государственное правление,
nation — народ.

Метонимия:
grands desseins — великие дела.
Номинация вместо придаточного релятивного предложения:
Ceux qui ont à travailler sous lui — подчиненные его,
Ceux qui gouvernent sous lui — помощники.

Словосочетание вместо имени существительного:
désordre — великий непорядок,
peintre — добрый живописец.
Изменение грамматической категории:
luxe — роскоши.

Это явление свидетельствует о влиянии французского языка, в котором абстрактное имя существительное часто выступает во множественном числе.

Итак, случаи отступления репрезентаций концептов в переводе от их передачи в оригинале обусловлены либо культурологическим фактором, либо индивидуальной интерпретацией выраженных в оригинале знаний, свидетельствующей о появлении вторичной категоризации.

Перейдем к явлениям вторичной категоризации, заявляющей о себе в синтаксисе, формирующемся вокруг выделенных концептов и продвигающем текст вперед.

Концепт «Власть»

Rien ne menace tant d'une chute funeste qu'une autorité qu'on pousse trop loin: elle est semblable à un arc trop tendu, qui se rompt enfin tout à coup si on ne le relâche: mais qui est-ce qui osera le relâcher?

Три предложения, два из которых сложноподчиненные, а третье простое, составляют период. Он построен с соблюдением правил логики: причина — состояние — вывод. Составляющие периода разделены двоеточием. Форма призвана выразить и подчеркнуть особенности композиции. Этому же способствует и структура предложений. Первое сложноподчиненное предложение *Rien ne menace tant d'une chute funeste qu'une autorité qu'on pousse trop loin содержит придаточное относительное qu'on pousse trop loin к антецеденту une autorité*. Второе предложение *elle est semblable à un arc trop tendu, qui se rompt enfin tout à coup* содержит придаточное относительное *qui se rompt enfin tout à coup* к антецеденту *un arc*, вслед за придаточным относительным идет придаточное *si on ne le relâche*, заключающее условие к выраженному в придаточном предложении действию. Придаточное условное предложение выступает контрапунктом к синтаксическому параллелизму, создаваемому идентичными структурами — двумя сложноподчиненными предложениями с относительными придаточными. Акцент на предложении *si on ne le relâche* подводит читателя к мысли о неотвратимости наказания тирану, хотя речь идет не о самом наказании, а о его неизбежности, как неизбежно рвется натянутая тетива, которую полагалось бы ослабить: *mais qui est-ce qui osera le relâcher?* Власть показана, как лук, тетива которого лопнет, поскольку ее сильно натягивают. Предложения во французском языке выстраиваются в порядок S — V — C.

Схематизация порядка слов, произошедшая в результате формализации логических категорий, закончившейся формированием в XVII веке французского национального языка, отражает менталитет французов, воспринимающих ситуацию в целом, в единстве составляющих ее субъекта, предиката и объекта [11]. Если субъект неизвестен, предложения обычно содержат неопределенно-личное местоимение *on*. В русском языке им могут соответствовать неопределенно-личные предложения с глаголом в 3-м лице множественного числа [12]. За исключением субъекта

[11] Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2006. С. 579.
[12] Гак В.Г. Беседы о французском слове. 2-е изд. М. : Едиториал УРСС, 2004. С. 183.

характеризации в предложении *elle est semblable à un arc trop tendu* субъекты во всех простых предложениях являются акциональными: *on pousse trop loin l'autorité; un arc se rompt enfin tout à coup; on le relâche; qui osera le relâcher?* При создании синтаксического параллелизма используется эта возможность французского языка.

Синтаксический параллелизм и риторический вопрос *qui osera le relâcher* создают высокий торжественный стиль, а употребление глагола *oser* в будущем простом, выражающем совершенный вид действия в будущем времени, и использование положительной формы глагола для утверждения отрицания *mais qui est-ce qui osera le relâcher* придают высказыванию силу и уверенность.

Перевод М.В. Ломоносова, воспроизводя содержание, не отличается точностью в передаче формы.

Чрез меру сильная власть всегда бывает перед великим падением, подобна луку крепко натянуту, который вскоре переломится, ежели не будет ослаблен, но кто смеет ослабити?

Из трех составляющих оригинального периода первая исключена из перевода. Не сохранена четкость композиции. Объемный период сведен к одному сложносочиненному предложению, включающему две составляющие. Первая составляющая — сложноподчиненное предложение с двумя придаточными: относительным *который вскоре переломится* и придаточным предложением условия *ежели не будет ослаблен*. Вторая составляющая — *но кто смеет ослабити*? Сама идея власти, формирующая и объединяющая первые две части периода в оригинальном тексте, что находит выражение в антецеденте *une autorité* и двух анафорах — союзном слове *qu'* и личном местоимении *elle*, выражена в переводе один раз именем существительным, выполняющим функцию подлежащего в главном предложении сложноподчиненного. Итак, сложноподчиненное предложение *Rien ne menace tant d'une chute funeste qu'une autorité qu'on pousse trop loin* сведено к одному существительному, сопровождаемому эпитетом-штампом *Чрез меру сильная власть*. Акцент перемещен с власти как субъекта действия, угрожающего властелину, на власть, которая в то же время является объектом его деятельности, на ее сравнение с крепко натянутым луком. Структура становится статальной. Идеальное заменено конкретикой. Между тем текст оригинала и его тематика соответственно канонам классицизма требуют возвышенного слога. Для этого переводчик обращается к лексическим штампам, обусловленным жанром, — устойчивым формам привычных словосочетаний, лишенным живой образности и вносящим в текст условную экспрессию [13]: *сильная власть, великое падение, луку крепко натянуту.*

В оригинальном тексте не раз используется в стилистических целях этот языковой ресурс — структура французского предложения S — V — C. В данном случае высокий слог в переводе мотивирован самим содержанием, принадлежностью героическому жанру. В случаях, когда стилистическая функция этой структуры в переводе не получает компенсации, торжественная приподнятость оригинала уступает место разговорной тональности.

Концепт «Богатство»

L'autre mal presque incurable est le luxe. Comme la trop grande autorité empoisonne les rois, le luxe empoisonne toute une nation. (Другое зло неисцельное роскоши. Как великою властию цари упиваются, так весь народ роскошами.) Мы видим во втором предложении, как переводчик старается избежать французской синтаксической структуры и выносит объект действия в позицию подлежащего. Изменяется смысл предложения: уже не зло правит миром, а сами люди предаются порокам. Это заставляет переводчика заменить сказуемое. Метафорическому выхолощенному штампу *empoisonner* противопоставлено слово, в котором выделяется его оценочная тональность (*упиваться* властью, роскошью). Перевод слова *une nation* как *весь народ*, а не *нация* или *государство* также уводит в сторону от героического жанрового мышления.

В силу того что архитектурная точность синтаксической структуры в соединении с условной метафоричностью, обусловленная особенностями французской языковой системы и принципами классицистической эстетики, не находит эквивалентного перевода в русском языке, М.В. Ломоносов вынужден передавать содержание с большой долей приблизительности.

---

[13] Эткинд Е.Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л. : Наука, 1973. С. 34.

Tout le monde fait plus qu'il ne peut; les uns par faste, et pour se prévaloir de leurs richesses; les autres par mauvaise honte, et pour cacher leur pauvreté. (Всяк делает невозможное. Един роскошами хощет показатися богатым, иной от стыда скрывая свою бедность.) Смысловое содержание перевода соответствует подлиннику. Вместе с тем обращает на себя внимание следующее. Текст оригинала представляет единую синтаксическую структуру, организующим центром которой является первое предложение *Tout le monde fait plus qu'il ne peut*. Второе и третье предложения имплицируют выраженную в нем предикативность и таким образом утрачивают свою автономность. Целостность текста создается также включением анафор *les uns* и *les autres* в антецедент *Tout le monde*. В переводе утрата синтаксического параллелизма, антитезы и повторов, организующих торжественность речи, обращенной к молодому правителю, делает текст проще, а замена обобщающего *tout le monde* индивидуализирующим «всяк» снимает свойственную классицизму тенденцию к абстрактности и придает конкретность, что говорит о направленности текста русскому читателю.

Там, где у Фенелона дана объективная картина, создаваемая условно-жанровыми штампами в четко выстроенных структурах, М.В. Ломоносов использует самые простые языковые средства.

La pauvreté est une infamie. Soyez savant, habile, vertueux; instruisez les hommes; gagnez des batailles; sauvez la patrie; sacrifiez tous vos intérêts; vous êtes méprisé, si vos talents ne sont relevés par le faste. (Убожество бесщастием называется. Буди учен, премудр и добродетелен, учи людей побеждати на войне, обороняй отечество, отдай все свое имение; но когда роскошами своих талантов не покажешь, никто тебя почитати не будет.) Первое предложение в тексте оригинала воспринимается как определение понятия *La pauvreté est une infamie*, благодаря употреблению характеризующего предиката и передаче качества именем существительным. В переводе предложение производит впечатление заимствованного из разговорной речи: *Убожество бесщастием называется*. Об этом свидетельствует и выбор сказуемого в пассивном залоге, и актуальное членение. Косвенное дополнение «бесщастием» поставлено в необычную для него препозицию по отношении к сказуемому [14], что возможно лишь в разговорной речи. В целом текст обращен к русскому читателю. Во втором предложении используется императив в единственном числе, в результате чего ликвидирован существующий в оригинале барьер между отправителем и получателем текста.

Язык не только отражает способы восприятия действительности, репрезентируемые в национальном сознании [15]. Помимо заложенного в языке видения мира, картина мира включает менталитет, отношение к миру. М.В. Ломоносов среди основных качеств личности называет ум, а не ловкость в отличие от французского текста. Его перевод ориентирован на понимание русским читателем. Поэтому он отступает от классицистических канонов, заменяет абстрактные пожелания конкретными советами (*sacrifiez tous vos intérêts* (отдай все свое имение); *si vos talents ne sont relevés par le faste* (когда роскошами своих талантов не покажешь)), объединяет предложения (*instruisez les hommes; gagnez des batailles* (учи людей побеждати на войне)).

Концепт «Правление и Функции государя»

L'habileté d'un roi, qui est au-dessus des autres hommes, ne consiste pas à faire tout par lui-même: c'est une vanité grossière que d'espérer d'en venir à bout, ou de vouloir persuader au monde qu'on en est capable. (Сан царя, который над людьми поставлен, не в том состоит, чтобы все самому делать. Се грубое тщеславие, чтоб окончать дела или показатися людям, что может все сделать.)

Сразу обратим внимание на то, что в переводе нарушена композиция периода. В оригинальном тексте две составляющие связаны в единое целое содержанием: первая передает утверждение, обобщающая роль которого выражена вневременным презенсом и неопределенным артиклем *un* при существительном *roi*, в его противопоставлении остальной части нации *qui est audessus des autres hommes* (который выше других людей); вторая составляющая передает возможный результат нарушения этого положения вещей, при котором у государя при его главенствующем положении должны быть иные функции, чем у его подданных, и отклонение от этих

[14] Егорова О.С. Актуальные проблемы коммуникативного синтаксиса // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки : науч. журнал. 2004. № 4. Т. I. С. 116.

[15] Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово/Slovo, 2008. С. 123.

функций может вызвать ненужные и вредные для дела ожидания. При этом мысль переводится из конкретного плана в моральный аспект: *C'est une vanité grossière que d'espérer d'en venir à bout.* (Только надеяться на завершение дела в этом случае уже свидетельствует о грубом тщеславии.) М.В. Ломоносов переводит *L'habileté d'un roi* как «сан царя». Он заменяет понятие «ловкость» на понятие «сан», поскольку в русском менталитете восприятие царя ассоциируется с величием, великолепием внешним и внутренним, с благородством и силой духа, но не с подобными ухищрениями: концепт «ловкость» передает некоторый отход от истины либо стремление выразить ее не совсем открыто. Период заменен на обычную последовательность предложений. Порядок слов в первом предложении организован по правилам выражения актуального членения в устной речи: «Сан царя, который над людьми поставлен, не в том состоит, чтобы все самому делать». Изменена характеризация. Абсолютная заменена относительной «который над людьми поставлен». Локальный предикат «который над людьми поставлен» выступает более конкретным по сравнению с реляционным «который выше других людей» *(qui est au-dessus des autres hommes).* Во втором предложении надежда на завершение дела заменена его окончанием *vouloir persuader* (желать убедить), внутреннее чувство заменено конкретным действием «показаться». Французский период построен по законам жанра во всех планах. В фонетическом плане: в первой составляющей — две части (12 и 11 слогов), во второй — четыре (7 слогов, 9 слогов, 9 слогов, 5 слогов). Оригинал построен по законам гармонии, отличающей эстетику классицизма. В русском переводе этого нет.

Pour former de grands desseins, il faut avoir l'esprit libre et reposé... Ceux qui gouvernent par le détail sont toujours déterminés par le présent, sans étendre leurs vues sur un avenir éloigné; ils sont toujours entraînés par l'affaire du jour où ils sont; et cette affaire étant seule à les occuper elle les frappe trop, elle rétrécit leur esprit; car on ne juge sainement des affaires que quand on les compare toutes ensemble et qu'on les place toutes dans un certain ordre.

(Ради великих дел надобно иметь ум свободен и покоен… и кто делает всякие малые дела, смотрит только на настоящее, а будущего не видит, принадлежит к делу сегодняшнему и в том деле упражняется, и непрестанно в нем мыслит, то ум их помрачается. Ибо дело рассуждается здраво, когда все дела собраны и когда порядочно установлены, чтобы друг за другом следовали.)

Период переведен двумя предложениями. М.В. Ломоносов акцентировал различие между двумя способами царствования, которые даются в оригинале. Однако в оригинальном тексте они выражены оппозицией, которая задает высокую стилистическую перспективу *former de grands desseins — gouverner par le détail*, а в переводе мы видим оппозицию «великие дела — малые дела», снижающую торжественность текста. Переводчик приближает текст к реальной жизни (*Ceux qui gouvernent par le détail sont déterminés par le présent.* — Кто делает всякие малые дела смотрит только на настоящее), убирает перифразы (*sans étendre leurs vues sur un avenir éloigné* — будущего не видит), убирает метафоры (*elle les frappe trop* — непрестанно о нем мыслит), отходит от значения (*elle rétrécit leur esprit* — ум их помрачается).

Предложения в первой составляющей периода строятся таким образом, что текущее дело, которое не по рангу правителю, выступает как субъект действия: ils sont toujours entraînés par l'affaire du jour; et cette affaire étant seule à les occuper; elle les frappe trop, elle rétrécit leur esprit. Во второй составляющей субъектом является неопределенно-личное местоимение *on*: *on ne juge sainement des affaires que…; on les compare; on les place*. Субъект действия, показывающий притягательную силу текущего момента, отвлекающий царя от великих помыслов, заменен в переводе местоимением «кто», указывающим на реальное лицо. Неопределенно-личные предложения с местоимением *on*, выражающие коллективное суждение о важности деяний царя, заменяются личными предложениями с пассивными конструкциями, причем лицо устраняется: «дело рассуждается, дела собраны и порядочно установлены».

Анализ перевода М.В. Ломоносова с позиции репрезентации концептов свидетельствует о том, что картина мира, представленная в оригинале, воссоздана с большой внутренней верностью. Вместе с тем нельзя не отметить стремление переводчика выделить в слове его оценочную тональность, заменить условность штампов материальностью и конкретностью.

Анализ перевода с точки зрения развертывания текста от концептов к категоризации показал, что русский язык, в котором категоризация как мыслительная операция «схвачена» лингвистическими средствами прежде, чем войдет в формирующийся дискурс (что проявляется, в частности, в существовании падежной системы), не может соответствовать категоризации французского языка, которая преимущественно совершается в синтаксисе и оформляется порядком слов (то есть в дискурсе). Отражая определенным образом бытие, язык через заложенные в нем концептуализацию и категоризацию формирует ментальность. Тенденция к возвышению слога, которая проходит через композицию периода, фразы, предложения, превосходство рационального над эмоциональным, абстрактного над конкретным, обусловлена в большой степени именно особенностями языковой системы и отражаемым в ней менталитетом. Перевод дает картину мира, репрезентируемую в оригинале, проще, конкретнее, прозаичнее. М.В. Ломоносов демонстрирует приверженность русской культуре и интерес к русскому читателю. Он отступает от классических канонов и создает эмоциональную атмосферу, использует разговорную тональность, заменяет абстрактные пожелания советами и открыто заявляет употреблением императива, кто его читатель. Несформированность литературной нормы позволяет отчетливее проследить несоответствия перевода оригиналу. Между тем, поскольку «высокое требует мотивированности содержанием, образами, жанром» [16], М.В. Ломоносов обращается к лексическим штампам и использованию славянизмов.

Анализ дискурса как развертывания текста от концептов к их категоризации в процессе формирования смысла автором оригинала, в процессе восприятия его переводчиком и воссоздания для иноязычного читателя, учитывая его языковые и литературные предпочтения, культуру, общие знания, дает адекватное представление о требованиях к качеству перевода.

Список использованной литературы

1. Болдырев, Н.Н. Роль языка в структурировании сознания [Текст] // Когнитивные исследования языка. — М. ; Тамбов ; СПб., 2015. — Вып. XXII. — С. 34–39.
2. Гак, В.Г. Беседы о французском слове [Текст]. — 2-е изд. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 336 с.
3. Гийом. Г. Принципы теоретической лингвистики [Текст]. — 2-е изд., испр. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 224 с.
4. Егорова, О.С. Актуальные проблемы коммуникативного синтаксиса [Текст] // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки : науч. журнал. — 2004. — № 4. — Т. I. — С. 116–119.
5. Западов, А.В. Поэты XVIII века [Текст]. — М. : Изд-во МГУ, 1979. — 310 с.
6. Зимняя, И.А. Психологический анализ перевода как специфического вида речевой деятельности [Текст] // Теория перевода и научные основы подготовки переводчиков : материалы Всесоюз. науч. конф. — М., 1975. — Ч. I. — С. 30–34.
7. Колесов, В.В. Русская ментальность в языке и тексте [Текст]. — СПб. : Петербургское Востоковедение, 2006. — 608 с.
8. Кушнерук, С.Л. Когнитивно-дискурсивное моделирование: формирование репрезентационной теории дискурса [Текст] // Когнитивные исследования языка. — М. ; Тамбов ; Тюмень, 2016. — Вып. XXVI. — С. 446–450.
9. Ломоносов М.В. Письма. Переводы. Стихотворения. Указатели [Текст] // Полн. собр. соч. — Т. 7 : Труды по филологии (1739–1758 гг.). — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. — С. 152, 162.
10. Раренко, М.Б. О границах «точности» и «вольности» в художественном переводе [Текст] // Ментальность. Коммуникация. Перевод : сб. ст. / РАН ИНИОН. — М., 2008. — С. 180–195. — (Сер.: Теория и история языкознания).
11. Скрелина, Л.М. Школа Гийома: психосистематика [Текст]. — М. : Высшая школа, 2009. — 367 с.
12. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст]. — М. : Слово/Slovo, 2008. — 123 с.
13. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Д.Н. Ушакова. — Режим доступа : http://ushakovdictionary.ru/word. php? wordid=78942.
14. Эткинд, Е.Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина [Текст]. — Л. : Наука, 1973. — 248 с.
15. Lafont, R. Introduction à l'analyse textuelle [Текст] / R. Lafont, F. Gardès-Madray. — P. : Larousse, 1976. — 129 p.
16. Oeuvres de Fénelon archevèque de Cambrai précédées d'études sur sa vie. Tome troisième. — P. : Typographie de Firmin Didot frères, fils et c-nie, librairies, imprimeurs de 'Institut de France. — M Dc LXV. — Pp. 1–148.

[16] Эткинд Е.Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. С. 13.

References

1. Boldyrev, N.N. Rol' yazyka v strukturirovanii soznaniya [The role of the language in mentality structuring] [Tekst] // Kognitivnyye issledovaniya yazyka [Cognitive research of the language]. — M. ; Tambov ; SPb, 2015. — Vol. XXII. — P. 34–39. (in Russ.)
2. Egorova, O.S. Aktualnye problemy kommunikativnogo sintaksisa [Topical issues of communicative syntax] [Tekst] // Yaroslavskiy pedagogisheskiy vestnik. Gumanitarnyie nauki : nauchny zhurnal [Yaroslavl' pedagogical review. Humanitarian sciences: scientific journal]. Izd-vo YaGPU [YSPU Publishing house]. — 2004. — N 4. – Vol. I. — P. 116–119. (in Russ.)
3. Etkind, E.G. Russkiye poety-perevodchiki ot Trediakovskogo do Pushkina [Russian poets-interpreters from Trediakovskiy to Pushkin] [Tekst]. — Leningrad : Nauka, 1973. — 248 p. (in Russ.)
4. Gak, V.G. Besedy o frantsuzskom slove [Conversations about the French word] [Tekst]. — 2nd Ed. — M. : Editorial URSS, 2004. — 336 p. (in Russ.)
5. Guillaume, G. Principes de la linguistique théorique [Tekst]. — 2nd Ed. (revised). — M. : Editorial URSS, 2004. — 224 p.
6. Kolesov, V.V. Russkaya mentalnost v yazyke i tekste. [Russian mentality mirrored in the language and text] [Tekst]. — St. Petersburg : Peterburgskoye Vostokovedeniye [Saint-Petersburg Oriental Studies], 2006. — 608 p. (in Russ.)
7. Kushneruk, S.L. Kognitivno-diskursivnoye modelirovaniye: formirovaniye reprezentatsionnoy teorii diskursa [Cognitive and discursive modeling: formation of a representative theory of discourse] [Tekst] // Kognitivniye issledovaniya yazyka. [Cognitive Linguistic Studies]. — M. ; Tambov ; Tyumen, 2016. — Vol. XXVI. — P. 446–450. (in Russ.)
8. Lafont, R. Introduction à l'analyse textuelle [Tekst] / R. Lafont, F. Gardès-Madray. — P. : Larousse, 1976. — 129 p.
9. Lomonosov, M.V. Polnoye sobraniye sotshineny [Tekst]. — T. 7 : Trudy po filologii (1739–1758). [Full collection of works. Vol. 7 : Philology studies]. — M. ; L. : Izd-vo Academii nauk SSSR [USSR Academy of science publishing house], 1952. (in Russ.)
10. Oeuvres de Fénelon archevèque de Cambrai précédées d'études sur sa vie. Tome troisième [Tekst]. — P. : Typographie de Firmin Didot frères, fils et c-nie, librairies, imprimeurs de 'Institut de France. — M Dc LXV. — Pp. 1–148.
11. Rarenko, M.B. O granitsakh “tochnosti” i “vol’nosti” v khudozhestvennom perevode [On the borderlines between «precision» and «license» in belles-lettres translation] [Tekst] // Mentalnost'. Kommunikatsiya. Perevod [Mentality. Communication. Translation]. Collection of papers. RAN INION [Scientific reports RSA ISIHS]. — M., 2008. — P. 180–195. — (Ser.: Teoriya I istoriya yazykoznaniya). [Theory and history of linguistics] (in Russ.)
12. Skrelina, L.M. Shkola Giyoma: psykhosystematika [Guillaume’s school: psychosystematics] [Tekst]. — M. : Vyssh. shkola, 2009. — 367 p. (in Russ.)
13. Ter-Minassova, S.G. Yazyk I mezhkulturnaya kommunikatsiya. [Language and cross-cultural communication] [Tekst]. — Moscow : Slovo, 2008. — 123 p. (in Russ.)
14. Tolkovy slovar' D.N. Ushakova [D. Ushakov’s Explanatory Dictionary] [Electronic resource]. — Mode of access : http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=78942
15. Zapadov A.V. Poety XVIII veka [Poets of the 18th century] [Tekst]. — Moscow : MGU [MSU Publishing house], 1979. — 310 p. (in Russ.)
16. Zimn’aya, I.A. Psychologichesky analiz perevoda kak spetsificheskogo vida rechevoy deyatelnosti [Psychological analysis of translation as a specific type of speech activity] [Tekst] // Teoriya perevoda i nauchnyie osnovy podgotovki perevodchikov [Theory of translation and scientific basics of interpreters’ training] : Mat. Vsesoyuzn. nauch. konferentsii [Scientific reports of the USSR scientific conference]. — M., 1975. — Part. I. — P. 30–34. (in Russ.)

Сведения об авторе

Кузнецова Татьяна Яковлевна — доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования, профессор кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск). Почтовый адрес: 163002, Архангельск, ул. Смольный Буян, 7. Тел. +79115504428. Электронный адрес: kuz1971@atnet.ru

Kuznetsova, Tatiana — PhD (Doctor habil., Philology), Professor, Merited Educator of the Russian Federation, Dpt. of Translation and Applied Linguistics, North (Arctic) Federal University, Arkhangelsk. Postal address: 165 Shabalin St., apt.22, 163000, Arkhankelsk, Russia. Tel.: +79115504428. E-mail: kuz1971@atnet.ru

УДК 81’22

Е.Г. Логинова

Теоретическое обоснование функционирования семиотического резонанса как основы процесса семиозиса

В статье обосновывается понятие «семиотический резонанс», используемое для описания процесса семиозиса в ходе общения. Под резонансом понимается многократное соотнесение актов семиозиса в результате кумуляции формы и содержания знаков. Впервые понятие «резонанс» было использовано Дж. дю Буа при изучении синтаксиса диалогического единства в мономодальном дискурсе. Однако, как показано в статье, это понятие может быть осмыслено с позиций полимодального и поликодового пространства. Расширяя номенклатуру типов резонанса, автор статьи на примере пьесы А. Уэскера “Chips with Everything” доказывает, что разные типы резонанса, включая контактный и дистантный, становятся следствием процесса рекуррентного кодирования опыта в процессе общения с учетом выделенности тех или иных концептуальных элементов, имеющих значение для интерпретации знака.

семиотический резонанс, семиозис, знак, интерпретанта, диалогизм, общение, дискурс

Loginova, Elena

Semiotic Resonance as a Basis for Semiosis: Theoretical Assumptions

The article focuses on the problems of semiosis during communication process. Taking dramatic discourse as an example of multimodal communication the author of the article describes resonance between juxtaposed communicatively relevant elements of semiotic systems as a basis for semiosis. The notion itself was first introduced by John W. Du Bois in his research of dialogic syntax. But the author of the article broadens the notion defining *semiotic resonance as a process of form and meaning correlation through repetition on different levels of a heterogeneous discursive space*. Such an interpretation of the notion makes it possible to single out different types of resonance (contact and distant, amplifying and fading, etc.) and to prove that resonance activation leads to inferential meaning-construction in discourse.

semiotic resonance, semiosis, sign, interpretant, dialogicality, communication, discourse

В работе рассматривается речевое общение как процесс интрасемиотической и интерсемиотической трансляции значений в актах семиозиса. Несмотря на устойчивый интерес ученых к изучению знаков и их взаимодействия, в том числе к изучению взаимодействия знаков разных модальностей, вопрос о том, что является функциональной основой семиозиса в ходе общения, до сих пор остается нерешенным.

В качестве модели процесса общения, полимодального и поликодового по своей природе, нами было избрано дискурсивное пространство драмы, включающее семиотически гетерогенные тексты, а именно пьесу и ее сценическую постановку.

Дискурсивное пространство драмы, на наш взгляд, представляет собой удобное поле для выявления особенностей организации и функционирования коммуникативного пространства. Мы получаем возможность, с одной стороны, показать взаимосвязь разных модусов коммуникации, которая основана, прежде всего, на процессах уподобления и расподобления и в которой познание действительности есть непрерывный семиозис. С другой стороны, у нас есть возможность рассмотреть развитие мономодального и полимодального контекстов общения в едином коммуникативном пространстве драмы, получающем свое единство за счет неизбежно возникающего резонанса как механизма создания смыслового упорядочения.

Под резонансом мы понимаем процесс многократного соотнесения между собой коммуникативно значимых компонентов дискурса драмы, в ходе которого возможно усиление или ослабление формально-структурных и семантических проекций между ними.

© Логинова Е.Г., 2017

Понятие резонанса было использовано американским ученым Джоном дю Буа и его коллегами для описания синтаксиса диалогического единства, включающего инициирующую и ответную реплики [1]. Согласно теории Дж. дю Буа, синтаксически и семантически коррелирующие между собой реплики представляют некое соединение-стыковку (“structural coupling”), внутри которой параллельные структуры и повторяющиеся элементы контекстуально обусловливают употребление друг друга, а следовательно определяют формирование смысла (“recontextualize each other, generating new affordances for meaning”) [2].

В отечественной лингвистике понятие «резонанс» во многом соответствует основным положениям теории высказывания и теории выдвижения, входящим в сферу изучения стилистики декодирования и нашедшим свое отражение, прежде всего, в работах И.В. Арнольд [3].

С нашей точки зрения, когнитивный потенциал понятия «резонанс» может быть использован для описания механизма упорядочения высказываний более объемных и сложных по структуре, чем диалогическое единство, а именно коммуникативных ситуаций на разных уровнях дискурса, причем не только применительно к мономодальному дискурсу, но и к полимодальному.

Исходным для нашего исследования послужило положение о том, что упорядочение дискурсивного пространства драмы происходит с опорой на диалогизм знака и диалогизм отношений между знаками одной или разных семиотических систем (см. теорию знака Ч. Пирса, концепцию диалогизма М.М. Бахтина, работы А.А. Потебни, А.А. Реформатского, Н.В. Уфимцевой, Е.Ф. Тарасова и других ученых).

Так, согласно теории Ч. Пирса, знак создает в сознании адресата эквивалентный или более широкий знак, являющийся интерпретантой исходного знака [4]. Это некая ментальная репрезентация, свидетельствующая об ответной когнитивной активности и лингвокреативности адресата по отношению к исходному акту семиозиса. Наличие ментальной репрезентации предполагает диалогическую связь между знаками как результатами актов семиозиса, что, на наш взгляд, лежит в основе своеобразной семиотической переклички знаков, используемых в ходе общения.

А.А. Потебня, говоря о психологии поэтического и прозаического мышления, отчасти предвосхитил выводы современных ученых о взаимосвязи когнитивного и семиотического ракурсов в ситуации семиозиса. Он писал: «Понимание в смысле тождества мысли говорящего и слушающего есть иллюзия, в которой действительным оказывается только некоторое сходство, аналогичность между ними… Наше слово действует на других, но при этом оно устанавливает между замкнутыми в себе личностями связь, не уравнивая содержание этих личностей, а настраивая их гармонически» [5].

Можно говорить о разных видах семиотического резонанса, который, как представляется, и обеспечивает связь между актами семиозиса:

- резонанс внутри одной модальности и кросс-модальный резонанс;
- резонанс в монологе (при порождении высказывания) и резонанс в диалоге (при восприятии высказывания);
- резонанс контактный и дистантный;
- резонанс в результате уподобления актов семиозиса или их расподобления;
- резонанс, приводящий к усилению или, наоборот, ослаблению (затуханию) кодируемых смыслов.

Обратимся к пьесе А. Уэскера “Chips with everything” (1962), одним из персонажей которой является призывник Вашингтон, получивший прозвище Улыбка из-за постоянной улыбки на лице. Это становится причиной насмешек и оскорблений в его адрес со стороны капралов. Не выдержав издевательств, Улыбка пытается сбежать из части. Ниже приводится отрывок из монолога, который произносит Улыбка, стоя один на дороге:

Smiler: <…> Look at the sky, look at the moon, Jesus look at that moon and the frost in the air. I’ll wait. I’ll get a lift in a second or two, it’s quiet now, their noise is gone. I’ll stand and wait and look

---

[1] Du Bois J.W. Towards a dialogic syntax // Cognitive Linguistics. 2014. Iss. 25 (3). P. 359–410 ; Du Bois J.W., Gloria R. From cognitive-functional linguistics to dialogic syntax // Ibid. P. 351–357.

[2] Du Bois J.W. Towards a dialogic syntax. P. 360.

[3] Арнольд И.В. Стилистика декодирования. Л. : ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1974.

[4] Peirce C.S. Philosophical writings of Peirce / ed. by J. Buchler. N.Y., 1955. P. 99.

[5] Потебня А.А. Психология поэтического и прозаического мышления // Слово и миф. М., 1989. С. 201–235. С. 226.

at that moon. What are you made of, tell me? I don't know what you're made of, you go on and on. What grouses you? What makes you scream? You're blood and wind like all of us, what grouses you? You poor duff bastards, where are your mothers? Where were you born — I don't know what grouses you? Your voices sound like dying hens — I don't know. That bloody lovely moon is cold, I can't stay here. I'll freeze to death. That's laugh, now that'd fool them. Listen! A bike, a motor-bike, a roaring bloody motor-bike. *(Starts thumbing.)* London, London, London, London, LONDON! *(The roar comes and dies.)* You stupid ghet, I want a lift, cant' you see I want a lift, an airman wants a lift back home. Home, you bastard, take me ho'ooooome (Long pause).

В рассматриваемом отрывке обращает на себя внимание повтор лексических единиц и параллелизм синтаксических структур, что способствует семиотической кумуляции как выдвижению и накоплению когнитивных элементов, имеющих значение для интерпретации знака.

С одной стороны, можно говорить о кумуляции за счет повтора:

– формы знака (например, повтор прилагательного *bloody*),

– содержания знака (повтор-парафраз, когда в семантической проекции обе фразы выражают сходное значение: *What are you made of, tell me? I don't know what you're made of…*),

– с добавлением новых знаков, уточняющих объект высказывания.

Приведем пример, представив фразу в виде постепенно расширяющейся структуры:

I want a lift,
cant' you see *I want a lift,*
an airman *wants a lift* back home.

С другой стороны, можно говорить о семиотической кумуляции на разных уровнях дискурса:

– фонетическом (***w**ait, **wh**at, **w**ind, **wh**ere, **w**ant*),

– морфологическом (*blood-bloo**dy***),

– лексическом (*moon, motor-bike*),

– грамматическом (*What grouses you? <…> I don't know what grouses you?*),

– структурно-синтаксическом, на котором организация монолога представляет собой резонанс обращений героя к самому себе, к Христу (*look at the moon, Jesus…*), к ранее издевавшимся над ним капралам (*You poor duff bastards, where are your mothers? Where were you born?* и т.п.), к луне (*What are you made of, tell me? What grouses you? What makes you scream?* и т.п.), к проехавшему мимо мотоциклисту (*You stupid ghet, I want a lift...*).

Как видим, повтор, ведущий к резонансу, обладает не только внешним значением накопления (кумуляция формы), но и внутренней концептуальной сущностью. Это непрерывный процесс аппроксимации и кумуляции когнитивных элементов опыта — процесс, структурирующий познавательную и коммуникативную деятельность человека. Даже при абсолютном тождестве двух и более высказываний повтор каждый раз представляет собой новое высказывание, поскольку модифицируется его содержание, обусловленное контекстообразующим характером акта семиозиса. М.М. Бахтин писал: «В пределах одного и того же высказывания предложение может повториться (повтор, самоцитата, непроизвольно), но каждый раз это новая часть высказывания, ибо изменилось его место и его функция в целом высказывании» [6].

Следует отметить, что в процессе кумуляции возможна амплификация исходных характеристик знака, что может достигаться как раз дословным повтором, предполагающим тождество знака. В приведенном отрывке маркером амплификации становятся заглавные буквы: *London, London, London, London, LONDON!*

«Затухание» в процессе резонирования также имеет семиотические маркеры: в приведенном примере это изменение формы знака (*ho'ooooome*) и использование паузы как невербального знака: *You stupid ghet, I want a lift, cant' you see I want a lift, an airman wants a lift back home. Home, you bastard, take me ho'ooooome (Long pause).*

Помимо дословного повтора и повтора с трансформациями, при организации дискурса задействуется также повтор-подхват, повтор-пересечение и другие типы. Так, например,

[6] Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Литературно-критические статьи / сост. С. Бочаров и В. Кожинов. М. : Худож. лит., 1986. С. 473–500. С. 479.

в случае, когда той же фразой, которой заканчивается одна коммуникативная ситуация, начинается следующая, происходит повтор-подхват:

Hill: That's fast, that's fast, into the hut and move that fast. Into the hut, into the hut, in, in, into the hut. *(Looks at the watch. Pause)* **Out! I'll give you**…

SCENE THREE: Parade Ground, morning.

Hill: **Out! I'll give** you sixty seconds or you'll be on a charge, one, two, three, four – come out of that hut, twenty-five, twenty-six, twenty-seven, twenty-eight.

В следующем примере реплики одного героя формально не отражают содержания реплик другого. Каждый говорит о своем: Чарльз, принадлежащий к рабочему классу, — о так называемой «образованности»; Пип, представитель образованной элиты, — об отношении к физическому труду. Однако их обоих объединяет нежелание соответствовать тому, что им предписано, и в то же время желание оставаться в рамках, которые обозначены категориальным характером отношений:

Pip: <…> — yes, well, you're right, Charles, quite right. It's no good wanting to go to the university –

Chas: Facts, that's all it is.

Pip: Like me and work — manual labour. The number of intellectuals and artists who are fascinated by manual labour. Not me though, Charles. I haven't the slightest desire to use my brawn, prove myself a man, dirty my nails.

Chas: And facts don't mean much to me either.

Pip: It's dull, repetitive, degrading.

Chas: Intelligence counts, not facts. Stick your education, your university. Who cares why Rome was built.

Pip: Van Gogh with the miners; Hemingway, hunting.

Chas: Even if I knew all about that it wouldn't make it any easier.

Pip: God, how I despise this yearning to be one of the toilers.

Chas: I knew someone who used to wear a bowler cos he thought it made him look educated.

Pip: The dignity of labour!

Chas: But it wouldn't make it any easier —

Pip: The beauty of movement!

Chas: Not between us —

(They smile.)

Приведенный диалог иллюстрирует пересечение интерпретант знака: у каждого из участников диалога своя и вместе с тем общая интерпретанта, что подчеркивается невербальным знаком: в конце разговора Пип и Чарльз улыбаются друг другу. Этот знак эксплицирует внутреннюю связь между констеллятивно расположенными и при этом взаимодействующими репликами.

Помимо контактного резонанса, при котором между собой соотносятся непосредственно следующие друг за другом реплики, приведенный нами пример драматического монолога иллюстрирует дистантный (опосредованный) резонанс. Это означает, что вся коммуникативная ситуация может рассматриваться как ответная, резонирующая с ситуациями, когда капралы издевались над героем, позволяя себе высказывания, в том числе непристойные, в адрес его матери:

First Corporal: Washington, is it? You mustn't lie, them, ha-ha! If you mustn't lie, then tell us, is your mother pretty? Is she? Answer me, lad. Do you know it's dumb insolence not to answer an N.C.O.? We'll make that six day's jankers, I think. Answer me, lad. <…> Have you ever seen her undressed? Eh? Have you, lad? Have you ever seen her naked?

Second Corporal: Wipe that smile off your face, lad. <…>

(the two corporals walk around him)

First Corporal: You're a slob, Smiler.

Second Corporal: A nasty piece of work.

First Corporal: You're no good, lad.

Second Corporal: No good at all. You're an insult.

First Corporal: Your mother wasted her labour.

Second Corporal: Your farther made a mistake.

First Corporal: You're a mistake, Smiler.
Second Corporal: A stupid mistake.
First Corporal: The queen doesn't like mistakes in her Air Forces.

В то же время рассматриваемая ситуация является инициирующей, предполагающей резонанс с ситуацией, когда вернувшийся в казарму Улыбка становится символом Христа и мучений, который тот принял. Это подчеркивает, прежде всего, такой невербальный знак, как омовение ног Улыбки, совершаемое одним из новобранцев — Чарльзом, а также невербальное поведение других новобранцев, в частности когда они очень аккуратно укладывают беспомощного Улыбку в постель, причесывают его, протирают ему лицо полотенцем и т.п. Приведем несколько ремарок:

(Charles doesn't know what to do, to begin with. Surveys Smiler. Then – picks him up and lays him on his bed, looks at him; thinks, takes off his shoes and socks.) <…> (Takes a towel and pours water from the pot on it; washes Smiler's feet.)

(As many as possible manouevre Smiler so that his jacket and trousers come off, with the least disturbance. This action is done lovingly and with a sort of ritual, Dodger taker a comb to Smiler's hair and Charles gently wipes a towel over his face. Then they tuck him in bed and stand looking at him.)

Для того чтобы более наглядно представить связь между коммуникативными ситуациями, рассмотрим компоненты процесса семиозиса с позиций формально-структурных проекций между ними. Обратившись к схеме взаимодействия разных знаковых систем в процессе коммуникации, разработанной А.А. Реформатским со ссылкой на исследования И.А. Соколянского («предмет — образ — знак образа — образ знака» [7]), дополним ее еще одним элементом — «знак образа знака», под которым мы понимаем результат дальнейшего уподобления и означивания исходного представления в деривационной структуре дискурса. Это позволяет нам показать процесс установления связей между актами семиозиса и знаками как результатами актов семиозиса, при этом, что подтверждает проведенное нами исследование, схема применима и для анализа взаимодействия знаков в рамках одной семиотической системы.

Расположим сходные фразы в рассматриваемых инициирующей и ответной коммуникативных ситуациях таким образом, чтобы повторяющиеся элементы соотносились между собой:

First Corporal:
(1) Is *your mother* pretty?
(2) Have you ever seen *her* undressed?
(3) Have you ever seen *her* naked?
(4) *Your mother* wasted her labour.
Smiler: (5) Where are *your mothers*? Where were you born?

В репликах 2 и 3 контактный (непосредственный) резонанс возникает за счет параллельных синтаксических структур и дословного повтора реплик при вариативности их окончания, что обеспечивается использованием синонимов "undressed"/"naked". При сопоставлении реплик 1, 4 и 5 повторяющими элементами оказываются местоимение "your" и существительное "mother". Семиотическая перекличка обусловлена тем, что адресант использует знак, интерпретантой которого становится знак образа знака, коррелирующий со знаком образа и образом знака (рис. 1).

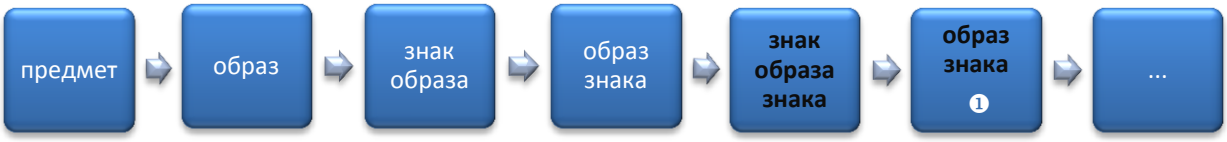

Рис. 1. Схема «перекодирования»
при взаимодействии знаков и знаковых систем

[7] Реформатский А.А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии. М., 1963. С. 208–215. С. 210.

Как показано на рисунке, значение разных типов повтора на когнитивном уровне заключается в конструировании некоего концептуального пространства, соединяющего образ знака с его модификациями (образ знака ① и т.п.). На семиотическом уровне в результате повтора пересматриваются и вновь устанавливаются связи между означаемым и означающим, где означаемое может получить иное означающее и наоборот (знак образа знака и т.п.).

Индикатором семиотического взаимодействия, возникающего в результате повтора и обеспечивающего эффект резонанса, выступает уподобление. Являясь лингвокогнитивной универсалией, функционирующей и в системе языка, и в системе коммуникации, уподобление представляет собой категориальную сущность, которая предполагает одновременно расподобление как предпосылку последующего уподобления. Побег Улыбки — пример расподобления с уже приведенными к уподоблению новобранцами. В этом случае создаются условия для нового уподобления, что необходимо при упорядочении коммуникативного пространства. И это — уподобление Христу.

Уподобление/расподобление трактуются нами в качестве условия создания семиотического фона, показателем и результатом которого становится резонанс, в свою очередь способствующий реализации интерпретативной функции языка.

Подводя итог, отметим, что благодаря семиотическому резонансу, являющемуся функциональной основой семиозиса в процессе коммуникации, создается возможность оценивать высказывание как процесс кумулятивный по своей природе, действующий согласно происходящим в ходе общения добавлению информации и модификации признаков объекта высказывания. При этом, исследуя (на примере дискурса драмы) организацию речевого общения и ее знаковую природу, мы неизбежно выходим за рамки языка как знаковой системы в коммуникацию как семиотическое поле, на котором происходят акты семиозиса. В этом случае язык представляет собой «сцену» общения (вербального и невербального), где резонанс выступает в качестве когнитивной основы процесса смыслоформирования.

Список использованной литературы

1. Арнольд, И.В. Стилистика декодирования [Текст]. — Л. : ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1974. — 76 с.
2. Бахтин, М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа [Текст] // Литературно-критические статьи / сост. С. Бочаров и В. Кожинов. — М. : Худож. лит., 1986. — С. 473–500.
3. Потебня, А.А. Психология поэтического и прозаического мышления [Текст] // Слово и миф. — М., 1989. — С. 201–235.
4. Реформатский, А.А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем [Текст] // Исследования по структурной типологии. — М. : Изд-во АН СССР, 1963. — С. 208–215.
5. Du Bois, J.W. Towards a dialogic syntax [Text] // Cognitive Linguistics. — 2014. —25 (3). — P. 359–410.
6. Du Bois, J.W. From cognitive-functional linguistics to dialogic syntax [Text] / J.W. Du Bois, R. Gloria // Cognitive Linguistics. — 2014. — Iss. 25 (3). — P. 351–357.
7. Pierce, Ch. Philosophical writings of Peirce [Text] / ed. by J. Buchler. — N.Y., 1955. — 416 c.
8. Wesker, A. Chips with Everything [Text] // Plays of the Modern Literature. — Л. : Просвещение, 1970. — С. 19–39.

References

1. Arnold, I.V. Stilistika dekodirovaniya [Stylistics of decoding] [Text]. — Leningrad : Leningrad State Pedagogical University named for A.I. Gertsen, 1974. — 76 p. (in Russ.)
2. Bahtin, M.M. The problem of text in linguistics, philology and other human sciences. A study in philosophical analysis [Text] // Literaturno-kriticheskie stat'i [Literary Criticism] / compiled by S. Bocharov, V. Kozhinov. — Moscow : Khudozhestvennaya literature, 1986. — Pp. 473–500. (in Russ.)
3. Du Bois, J.W. Towards a dialogic syntax [Text] // Cognitive Linguistics. — 2014. — N 25 (3). — Pp. 359–410.
4. Du Bois, J.W. From cognitive-functional linguistics to dialogic syntax [Text] / J.W. Du Bois, R. Gloria // Cognitive Linguistics. — 2014. — N 25 (3). — Pp. 351–357.
5. Pierce, Ch. Philosophical writings of Peirce [Text] / ed. by J. Buchler. — N.Y., 1955. — 416 p.
6. Potebnia, A.A. Psychology of poetic and prosaic thinking [Text] // Slovo i mif [The Word and Myth]. — Moscow, 1989. — Pp. 201–235. (in Russ.)

7. Reformatsky, A. A. On coding, decoding and transformation of communicative systems [Text] // Issledovaniya po strukturnoi tipologii [Research in Structural Typology]. — Moscow : Academy of Sciences Publishing House, 1963. — Pp. 208–215 (in Russ.).

8. Wesker, A. Chips with Everything [Text] // Plays of the Modern Literature. — Leningrad : Prosveshchenie, 1970. — Pp. 19–39. (in Russ.)

Сведения об авторе

Логинова Елена Георгиевна — кандидат филологических наук, доцент, кафедра германских языков и методики их преподавания Института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Почтовый адрес: 390000, Рязань, ул. Свободы, д. 46. Тел. (раб.): (4912) 21-57-23. Электронный адрес: e.loginova@rsu.edu.ru

Loginova, Elena — Ph. D. (Philology), Associate Professor, Dpt. of Germanic Languages and Language Teaching Methodology, Institute of Foreign Languages, Ryazan State University named for S.A. Esenin. Postal address: 46 Svobody St., 390000, Ryazan, Russia. Office tel.: (4912) 21 57 23. E-mail: e.loginova@rsu.edu.ru

УДК 81.25/26

Л.Н. Лунькова, А.А. Никонов

Лингвопрагматические особенности футбольных блогов на английском языке

В статье анализируются лингвопрагматические и стилистические особенности некоторых интернет-ресурсов, в частности англоязычные блоги, посвященные футбольной тематике.

Представленные на подобных сайтах тексты принадлежат сфере интернет-дискурса, поэтому, помимо характерных разговорных черт языка онлайн-общения, в них содержатся элементы, характерные для художественных текстов и текстов, представленных в средствах массовой информации, то есть относящих его к письменному типу коммуникации. Подобная языковая неоднородность позволяет провести многомерный анализ лингвистических и экстралингвистических средств как изолированно, так и во взаимодействии друг с другом.

интернет-дискурс, лингвопрагматика, стилистика, футбольные интернет-ресурсы.

Lun'kova, Larisa; Nikonov, Andrei

Linguapragmatic Features of Football Internet Resources in English

The article is aimed at finding the most typical lingua-pragmatic and stylistic features of web resources dedicated to football, with blogs as the chief kind of discourse as a typically online mode of communication.

The language of these resources is defined as internet-discourse combining linguistic features of spoken communication and those typical of fiction and media, which are treated as characteristic of a written type. The linguistic diversity allows a multidimensional analysis of the linguistic and extralinguistic means both separately and in their interaction.

internet-discourse, linguapragmatics, stylistics, football web resources.

На современном этапе своего развития языкознание все больше обращается к проблемам лингвопрагматики, то есть к комплексному изучению языковых феноменов с точки зрения как внутренней структуры языка, так и внешних, экстралингвистических факторов, влияющих на его использование коммуникантами. Это связано, прежде всего, с развитием антропоцентрической парадигмы, а также с активной разработкой проблем коммуникативной лингвистики во второй половине прошлого века.

© Лунькова Л.Н., Никонов А.А., 2017

Вопросы исторического развития языков и вопросы, касающиеся их структуры, были довольно широко освещены языковедами прошлого, поэтому сегодня научная мысль направлена на выявление таких языковых средств, которые могут быть использованы для достижения той или иной коммуникативной цели и на выявление факторов, которые оказывают влияние на выбор этих средств в конкретной ситуации. В этой связи акценты часто смещаются с внутриязыковых механизмов на внешние, в том числе лингвопрагматические.

Лингвопрагматика изучает употребление языковых знаков в их отношении к участникам и к обстановке общения. В основе данного раздела языкознания лежит теория речевой деятельности, языковые факты изучаются как принадлежащие личности речевые акты, которые рассматриваются в аспекте целеполагания с учетом социальной, ситуативной, психологической и культурной обусловленности [1].

Лингвопрагматический анализ подразумевает рассмотрение не столько текста, сколько дискурса. Последний, в отличие от текста или речи, включает понятие сознания. По Т. ван Дейку, дискурс в широком смысле есть комплексное коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим (наблюдателем) в определенном временном, пространственном и прочем контексте. Коммуникативное действие может быть речевым, письменным, может иметь вербальные и невербальные составляющие (например, разговор с другом, диалог между пассажирами транспорта, чтение газеты). Дискурс в узком смысле есть текст, устный или письменный, с учетом присутствия только одной вербальной составляющей. С этих позиций термин «дискурс» обозначает завершенный или продолжающийся продукт коммуникативного действия, его письменный или устный результат, который интерпретируется реципиентами [2].

Лингвопрагматика сегодня располагает фактически неограниченным объемом языкового материала, что вызвано и техническим прогрессом, и глобализацией мирового сообщества, и, как следствие, появлением и развитием различного рода способов общения, облекаемых в виртуальные формы в компьютерных коммуникационных сетях. Так, интернет-дискурс становится наиболее доступным и крайне показательным объектом исследования. Это связано с некоторыми его особенностями, первая из которых — синтез устной и письменной речи. С одной стороны, ввод текста производится при помощи клавиатуры, то есть текст является письменным. С другой стороны, такой текст несет в себе множество черт, характерных для устной речи. В частности, при помощи специальных знаков и иных средств автор текста может придать ему нужную эмоциональную окраску, передать мимику, интонацию и т.д. Кроме того, скорость общения в интернет-пространстве сравнима со скоростью устного общения. Даже если послание и ответ разделены во времени, скорость их порождения быстрее, чем других письменных текстов. Вторая уникальная черта интернет-дискурса, делающая его фактически идеальным объектом лингвопрагматического анализа**,** состоит в том, что, происходя в реальном времени, общение в рамках интернет-дискурса записывается и хранится, а значит ученые получают колоссальное количество материала для исследования.

Разнообразие форм общения в рамках интернет-дискурса приводит к вопросу: на что именно следует обратить внимание, чтобы результаты лингвопрагматического анализа наиболее полно отражали особенности использования языковых средств в целом, то есть разными людьми в различных ситуациях. Очевидно, что, рассматривая, например, молодежный чат-дискурс, можно выявить набор средств выразительности, присущих лишь определенной социальной категории коммуникантов в ситуации онлайн-общения. В то же время, изучая язык более авторитетных интернет-ресурсов, мы имеем дело, скорее, с письменными текстами, принадлежащими, например, публицистическому или художественному жанру, от чего также теряется широта охвата языкового материала. Язык в интернете разнообразен не менее чем в жизни. Различные интернет-ресурсы используют разные стили, лексику и т. д. Но рассуждения об особенностях интернет-дискурса должны касаться, в первую очередь, блогов, социальных сетей, форумов, чатов и т.д. [3].

---

[1] Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. Ростов н/Д : Феникс, 2010. 562 с.

[2] Dijk T.A. von. Principles for Critical Discourse Analysis // Discourse and society : An International Journal for the Study of Discourse and Communication in Their Social, Political and Cultural Contexts. 1993. Vol. 4, N 2. P. 249–283.

[3] Кронгауз М.А. Самоучитель олбанского. М. : АСТ : CORPUS, 2013. 416 с.

Полагаем, что достаточно информативным объектом лингвопрагматического исследования могут стать различные блоги и форумы спортивной тематики по причине ее привлекательности для наибольшего количества коммуникантов с самыми разными социальными характеристиками, что, несомненно, сказывается на разнообразии стилей общения и на используемых средствах выразительности. Однако охватить весь корпус спортивных интернет-ресурсов, если и возможно, то крайне проблематично ввиду их количества и разнообразия. Выходом из данной ситуации может стать рассмотрение спортивных интернет-ресурсов, посвященных конкретному виду спорта [4].

Выявление стилистических и лингвопрагматических особенностей некоторых англоязычных футбольных интернет-ресурсов осуществлялось в процессе изучения таких блогов, как caughtoffside.com, football-talk.co.uk, breadandbutterfootball.com., thefootballramble.com. Исследованием было охвачено двадцать пять статей в вышеуказанных блогах и одно обсуждение на форуме общим объемом около пятидесяти страниц текста (90 000 знаков).

Применение методов лингвостилистического и лингвопрагматического анализа позволило выделить приведенные ниже основные группы выразительных средств и прагматических установок, используемых участниками этих блогов.

1. Метонимия широко используется практически во всех анализируемых текстах и, как правило, в одном и том же виде — авторы заменяют названия футбольных клубов цветами их формы:

Everything ***the Reds*** *have thrown at various opponents…* [caughtoffside.com] / *For 89 minutes it was a very good night for* ***the men in white*** [breadandbutterfootball.com] / *Diego Costa fired* ***the Blues*** *into the lead in the first-half* [caughtoffside.com].

Наибольшая частотность приема объясняется спецификой содержания рассматриваемых интернет-ресурсов, где речь идет, как правило, о конкретных футбольных клубах, названия которых в том или ином виде, безусловно, будут многократно упоминаться. Фактически за командами закрепляются метонимические наименования, используемые независимо от ситуации как синонимы собственных имен. Кроме того, подобные обозначения команд можно отнести и к сленгу, в данном случае футбольному, при этом их значения всегда понятны из контекста. В результате читатель способен с легкостью воспринимать языковые единицы, используемые относительно узким кругом коммуникантов. С точки зрения лингвопрагматики метонимия позволяет авторам создать у аудитории ощущение принадлежности к сообществу футбольных болельщиков, способствуя тем самым увеличению количества постоянных читателей.

2. Употребление специфической лексики (жаргонизмы, профессионализмы и т.п.) присуще любым тематическим дискурсам, и анализируемый материал, безусловно, не является исключением, например:

the three ***clean sheets*** *they had already kept against Liverpool this season* [caughtoffside.com]; *clean sheet* — победа, при которой команда соперника не смогла забить ни одного мяча / *would a few more direct balls into* ***the box*** *have been worth trying?* [caughtoffside.com]; *the box — штрафная площадь /* ***the midfield*** *needs an injection of energy* [caughtoffside.com]; здесь речь идет о линии полузащиты / *…without Nathaniel Clyne as the* ***full-back****…* [football-talk.co.uk]; *full-back* — защитник / *Liverpools inability to cohesively* ***play a natural 9*** [breadandbutterfootball.com]; *to play a natural 9* — играть в атакующий футбол (основной нападающий в футболе, как правило, имеет номер 9) / *Liverpools* ***front 3*** *have been similarly affected* [breadandbutterfootball.com]; *front 3* — три игрока, находящиеся на линии атаки.

Специфичность лексики футбольных интернет-ресурсов становится очень заметной и характерной их чертой, поскольку ее плотность по отношению к нейтральным единицам очень велика. В таких текстах равноправно и стилистически оправданно сосуществуют как термины (*midfield, the box*), принадлежащие к литературному слою, так и профессиональный сленг (*clean-sheet, to play a natural 9, front 3*), который, по И.Р. Гальперину, располагается на периферии разговорного слоя. В случае с терминами данная особенность обусловлена содержанием: эти понятия

[4] Полагаем, что в рамках общей темы спорта языковые средства, используемые коммуникантами, будут значительно различаться по содержанию и в меньшей степени — по выбору языковых стратегий.

попросту не имеют синонимов. Использование же сленга диктуется лингвопрагматическими факторами. Автор стремится показать, что футбольная тематика ему близка и что его мнение можно считать авторитетным.

3. Лингвистические особенности заголовков, используемых в футбольном интернет-дискурсе, делает их схожими с газетными по форме и структуре (краткость, информативность, эллиптичность), например:

Southampton talent pool still deep [caughtoffside.com] / *EFL Cup: Liverpool vs Southampton: Confirmed Line-Ups* [football-talk.co.uk] / *No number 9's* [breadandbutterfootball.com].

Это связано, в первую очередь, с тем, что записи в футбольных блогах близки по своей природе к газетным статьям, цель которых — освещение и обсуждение каких-либо событий. Существуют также и лингвопрагматические причины, когда автор сознательно использует приемы газетного стиля, чтобы текст воспринимался читателями не просто как мнение одного из них, а как мнение эксперта, которому можно доверять.

4. Как уже отмечалось, интернет-дискурс представляет собой феномен, объединяющий характеристики как устного, так и письменного общения. В этой связи наличие орфографических и иных ошибок в текстах футбольных интернет-ресурсов позволяет рассуждать о степени спонтанности и, следовательно, разговорности этого типа коммуникации:

Liverpools *front 3 have been similarly affected / So* ***whats*** *wrong? / ...hence* ***Klopps reluctancy*** *to do so / ...worth watching if* ***your*** *not in the loop / Joel Matip's return as Liverpool imploded to* ***swansea*** *does give reason for belief in the defence / ...but Sadio Mane remains with* ***Senegal*** */ ...one of* ***there*** *players whisked away with Senegal*

Примеры такого рода нельзя встретить в футбольных рубриках новостных изданий или на официальных сайтах, ибо именно блоги и форумы — те интернет-ресурсы, на которых используется разговорная речь.

Стилистически рассматриваемый тип дискурса особенно маркирован, ибо сама природа его порождения, характеристики отправителей и получателей естественным образом обусловливают потребность в экспрессивных средствах и поэтому футбольный интернет-дискурс активно использует самые разнообразные выразительные средства. К их числу относятся метафора, эпитет, сравнение; реже встречаются случаи иронии и риторического вопроса.

Метафора:

that is a whole lot of ***hope to pin on one man*** [caughtoffside.com] / *the midfield* ***needs an injection of energy*** [caughtoffside.com].

Эпитет:

Tired, slow, lacking in bite*, both squad and fanbase badly need an injection of something, anything* [caughtoffside.com] / *a* ***very silky goal scoring*** *midfielder* [breadandbutterfootball.com].

Сравнение:

I feel ***like i've been woken up by my alarm*** [thefootballramble.com] / *I tend to start the new season* ***like Rooney*** *- it takes me a good month to get into peak match-watching condition and motivation.* [thefootballramble.com] [5].

Ирония:

It is easy to be a miserable England fan. There will always be things you can moan about. In fact that's largely true for being an Englishman, full stop. [breadandbutterfootball.com].

Риторический вопрос:

It may not have been pretty, but on an evening that was blowing a gale, would a few more direct balls into the box have been worth trying? [caughtoffside.com].

Авторы блогов стремятся вызвать у аудитории интерес к своим статьям, сделать их более увлекательными и выразительными. В отличие от журналистов и официальных средств массовой информации, участники футбольных онлайн-сообществ почти не ограничены в выборе содержания и формы изложения материала, что позволяет им использовать для привлечения внимания читателей все возможные языковые средства.

---

[5] В данном случае автор, судя по всему, считает, что футболист Wayne Rooney, о котором идет речь, редко демонстрирует хорошую игру в начале сезона, однако спустя некоторое время вновь набирает форму. На этом и основано сравнение.

Таким образом, значимыми лингвистическими особенностями футбольного блога в интернет-дискурсе являются:

1. Чрезвычайно широкое использование метонимии при упоминании команд.
2. Сосуществование в тексте терминов, принадлежащих литературному слою, и оборотов, которые можно отнести к сленгу.
3. Экспрессивность, выраженная большим количеством таких средств выразительности, как метафора, эпитет и т.п., и придающая футбольному интернет-дискурсу черты художественного текста.
4. Стремление авторов не столько доказать читателям свою правоту, сколько создать видимость авторитетности своего мнения посредством использования заголовков газетного типа и футбольного сленга.

Лингвопрагматические и стилистические особенности футбольных блогов как части глобального интернет-дискурса схожи с характеристиками многих других дискурсов (художественная литература, СМИ и т. д.). Авторы таких текстов преследуют, как правило, одни и те же цели: сделать материал более привлекательным для аудитории и заставить как можно больше читателей разделить точку зрения автора. И хотя использование специфической лексики указывает на то, что данный дискурс предназначен для определенного сообщества, умелое использование футбольного сленга, понятного в большинстве случаев из контекста, создает у любого читателя ощущение принадлежности к этому сообществу.

Список использованной литературы

1. Гальперин, И.Р. Стилистика английского языка [Текст]. — М. : Высшая школа, 1981. — 290 с.
2. Кронгауз, М.А. Самоучитель олбанского [Текст]. — М. : АСТ : CORPUS, 2013. — 416 с.
3. Полный словарь лингвистических терминов [Текст] / Т.В. Матвеева. — Ростов н/Д : Феникс, 2010. — 562 с.
4. Dijk, T.A. von. Principles for Critical Discourse Analysis [Text] // Discourse and society : An International Journal. — 1993. — Vol. 4, N 2. — P. 249–283.

References

1. Galperin, I.R. Stilistika angliyskogo yazyka [Stylistics of the English language] [Text]. — M. : Vysshaya shkola, 1981. — 290 p. (in Russ.)
2. Krongauz, M.A. Samouchitel olbanskogo [A Teach-Yourself Manual of Olbanian] [Text]. — Moscow : ACT : CORPUS, 2013. — 416 p. (in Russ.)
3. Matveeva, T.V. Polniy slovar lingvisticheskikh terminov [A complete dictionary of linguistic terms] [Text]. — Rostov-on-Don : Fenix, 2010. — 562 p. (in Russ.)
4. Dijk, T.A. von. Principles for Critical Discourse Analysis [Text] // Discourse and society: An International Journal for the Study of Discourse and Communication in Their Social, Political and Cultural Contexts. — 1993. — Vol. 4, N 2. — Pp. 249–283.

Интернет-источники / Internet Text Resources

1) breadandbutterfootball.com
2) caughtoffside.com
3) football-talk.co.uk
4) thefootballramble.com

Сведения об авторах

Лунькова Лариса Николаевна — доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, доцент Государственного социально-гуманитарного университета. Почтовый адрес: 140410, Московская обл., г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30. Тел.: 8(496) 610-15-52 (кафедра английского языка). Электронный адрес: loralu@list.ru

Lun'kova, Larisa — PhD (Doctor of Philology), Professor of the English Language Dpt., State University of Humanities and Social Studies. Postal address: 30, Zelyonaya Str, Kolomna, 140410, Moscow Region, Russia). Tel. (office): 8(496) 610-15-52. E-mail: loralu@list.ru

Никонов Андрей Андреевич — магистрант кафедры английского языка Государственного социально-гуманитарного университета. Почтовый адрес: 140406, Московская обл., г. Коломна, ул. Дзержинского, д. 2, кв. 23. Телефон: 8-909-629-01-71. Электронный адрес: andrewnikonov94@gmail.com

Nikonov, Andrei — Graduate Student. English language Dpt., State University of Humanities and Social Studies. Postal address: 2 Dzerzhinskogo Str. Apt. 23, Kolomna, 140406, Moscow Region, Russia. Tel.: 8-909-629-01-71. E-mail: andrewnikonov94@gmail.com

УДК 81'373.23

С.Ю. Потапова, М.М. Робертус

Фактор «Дональд Трамп»: портрет американского президента в немецкоязычной прессе

В статье осуществлена попытка выявить на основе актуальных публикаций в печатных СМИ Германии лексические средства, используемые для характеристики 45-го президента США Дональда Трампа. С этой целью предложена типология признаков, по которым лицо получает определенную характеристику практически во всех культурах. Авторы считают, что в основу характерологической лексики положены в первую очередь онтологические, этические и эстетические признаки.

печатные СМИ Германии, лексические средства, характерологическая лексика, онтологические, эстетические и этические признаки

Potapova, Svetlana; Robertus, Maja

The “Donald Trump” Factor: The American President as Portrayed in the German Press

The article examines the current publicatons in the German mass media with the aim of identifying lexical means employed in the press to characterize Donald Trump, the 45th President of the United States. The paper offers a cross-cultural typology of traits according to which a person is likely to be characterized in mass media. The authors believe that lexical items used to characterize a public figure are rooted in ontological, ethical and aesthetic traits.

German printed mass media, lexical means, characterizing vocabulary, ontological, aesthetic, ethical traits

Активное обсуждение в прессе многих стран мира личности кандидата, а позднее и законно избранного 45-го американского президента Дональда Трампа происходило как во время предвыборной гонки, так и в период, последовавший за оглашением результатов выборов. Немецкоязычные печатные СМИ не явились исключением. Более того, нам не приходилось до этого наблюдать столь высокого интереса к какой-либо общественно-политической личности, не случалось слышать и читать такое количество полярно противоположных мнений об одном и том же лице, как это было с Дональдом Трампом. Своеобразным толчком к изучению лексических средств, используемых в печати для характеристики нового американского президента, явилось то обстоятельство, что состоявшаяся 20 января 2017 года его инаугурация совпала с пребыванием авторов данной статьи в Германии, где на повестку дня всех средств массовой информации вышла проблематика, напрямую связанная с личностью избранного американского президента. Первое впечатление было таковым, что о новом лидере США как немецкие политики, так и СМИ говорят и пишут исключительно в отрицательном ключе.

Показательно, что даже высокопоставленные политические деятели Германии позволяли себе высказывания, которые, с нашей точки зрения, относятся к разряду неполиткорректных.

© Потапова С.Ю., Робертус М.М., 2017

Так, министр обороны ФРГ Урсула фон дер Ляйен *(Ursula von der Leyen)*, представляющая правящую партию — Христианско-демократический союз Германии, назвала победу Трампа на выборах тяжелым шоком *("schwerer Schock")*. В аналогичной тональности высказался видный политик от Социал-демократической партии Германии Ральф Штегнер (*Ralf Stegner*), оценивший кандидатуру Дональда Трампа английским *Horrorvision* (образ ужаса, страшный сон), уточнив в той же статье, что Трамп является опасным популистом и что его нельзя подпускать близко к сфере политической ответственности: *"Donald Trump ist ein gefährlicher Populist. <...> Dieser Mann darf nicht in die Nähe politischer Verantwortung kommen"* (Rhein-Neckar-Zeitung). Номинации *"Hassprediger"* (проповедник ненависти) американского президента удостоил сам Франк Вальтер Штайнмайер (*Frank-Walter Steinmeier*), нынешний федеральный президент ФРГ, будучи в должности министра иностранных дел Германии.

В новостных публикациях немецкой прессы личность Дональда Трампа заняла центральное место, что побудило нас в названии предлагаемой читателю статьи использовать компонент «фактор», понимаемый в соответствии с дефиницией согласно толковым словарям следующим образом: «Фактор (лат. *factor* — делающий, производящий) — причина, движущая сила какого-либо процесса, определяющая его характер или отдельные его черты».

Сложилось впечатление, что личность нового президента США действует на журналистов раздражающим и провоцирующим образом, являясь той самой движущей силой, которая определяет вектор и тональность публикаций в немецкоязычных печатных СМИ. Правильным будет отметить и высокую частотность статей, посвященных Дональду Трампу, которые появляются в газетах и журналах Германии ежедневно, что подтверждает следующее высказывание одного из немецких журналистов: *"Kein Tag ohne Nachrichten von Donald Trump"* (Neue Osnabücker Zeitung).

Проведенное нами исследование выполнено на основе примеров, зафиксированных в печатных изданиях, которые в соответствии с принятой классификацией относятся к разряду качественной прессы (*Qualitätspresse*): ("Frankfurter Allgemeine Zeitung", "Frankfurter Rundschau", "Süddeutsche Zeitung", "Die Zeit", "Deutsche Welle", "Focus", "Der Spiegel" и т. д.).

В ходе исследования мы обратились к своим научным работам, затрагивающим характерологическую лексику [1] и неофициальные именования лица в современном немецком языке [2], в которых были предложены типология и классификация характерологической лексики, выявлены дифференциальные особенности всего лексического пласта, используемого для характеристики лица и описания персонального имиджа.

Материалом исследования послужили лексические единицы, содержащие характеристику Дональда Трампа, взятые из оригинальных немецкоязычных печатных изданий за достаточно короткий временной период (с начала 2017 года до момента написания данной статьи в апреле этого же года, что априорно затрагивает момент инаугурации президента США 20 января 2017 года). Именно на этот период пришелся наибольший поток публикаций о новом американском лидере.

Человек как объект номинации обладает возможностью применения к нему различных именований в зависимости от возрастных параметров, выполняемой социальной роли и этнокультурного окружения. Детерминированные каким-либо признаком данные номинации не обязательно сопровождают человека до конца жизни. Они могут быть либо легко заменены на новые, оставшись словами, созданными для сиюминутных нужд коммуникации и живущими не дольше, чем длится речевой акт, либо приобрести тенденцию регулярного использования в речи [3].

С нашей точки зрения, существуют признаки, по которым человек получает определенную характеристику практически во всех социальных и этнических средах, так как она дается ему на основании относительно устойчивых качеств и отражает ценностно-смысловые модели человеческого поведения. Это позволяет предложить типологию, на основании которой признаки подразделяются на онтологические, этические и эстетические.

---

[1] Робертус М.М. Характеристика лица в современном немецком языке : дис. … канд. филол. наук. М., 2005. 210 с.

[2] Потапова С.Ю. Номинация лица в обиходном дискурсе. Ярославль : МУБиНТ, 2003. 276 с.

[3] Ее же. Неофициальная номинация лица в современной немецкой прессе // Русская германистика : ежегодник / Рос. союз германистов. М. : Языки славянской культуры, 2008. Т. 4. С. 373.

На основе ***онтологических признаков***, под которыми мы понимаем внутренне присущие человеку черты, лицу может даваться оценка в соответствии с его интеллектуальными, волевыми особенностями и типами темперамента.

Под ***этическими признаками*** понимаются те, которые отражают отношение к общепринятым нормам морали. Положительная этическая характеристика (если речь не идет о маргинальных субкультурах) совпадает с общечеловеческими нравственными ценностями и дается людям честным, трудолюбивым, отличающимся высоким профессионализмом, надежным, готовым прийти на помощь, умеющим держать свое слово и т. д. Негативной оценки удостаиваются лица с низкими моральными и профессиональными качествами, вредными привычками и т.д.

Эстетические *параметры характеристики* основываются на внешних данных человека (например, особенностях гардероба и т. д.).

Выделенные типы признаков, по которым может оцениваться человек, позволяют судить лишь в общих чертах о ценностных координатах при использовании характерологической лексики.

Трудно выделить номинации, данные на основании исключительно онтологических, этических и эстетических признаков. При описании такой многоплановой личности, каковой является Дональд Трамп, актуализируются многие семы, иногда это происходит единовременно.

На основании собранного материала попытаемся выявить основные характеристики, которые наиболее активно используются журналистами Германии при создании образа президента США Дональда Трампа.

Баснословное богатство. Средства массовой информации без устали подчеркивают, что перед нами *Immobilien-Milliardär, Geschäftsmann, der narzisstische Geschäftsmann, Narzisst und Geschäftsmann* (Deutsche Welle). В смаковании при описании миллиардного состояния нового президента США не отказывает себе и “Frankfurter Allgemeine Zeitung”: *“Trump verfügt über Milliarden-Vermögen. Trump macht daraus keinen Hehl, im Gegenteil, er ist stolz auf seinen Reichtum”; “Trump setzt auf barocken Prunk und Protz, wie einst der Sonnenkönig Paris… Gold, wie weit das Auge reicht… Wenn Donald Trump die Öffentlichkeit heute also in seine prunkvolle Gemächer einlädt, kommt er dem Sonnenkönig nahe. Die Inszenierung erschlägt den Betrachter und macht ihn mundtot.*

Отметим, что журналистов не столько удивляют несметные богатства президента Дональда Трампа, сколько раздражает манера Трампа выставлять эти богатства напоказ и кичиться своим состоянием. Поражает, что представители прессы, забывая о своих основных функциях — информировать, комментировать и модерировать, увлекаются описанием деталей богатства Трампа, его шикарных апартаментов, а также доведением до сведения читателей точной стоимости (200 тыс. долларов) и веса (23 кг) свадебного платья его последней супруги. Ноты возмущения чувствуются в следующем заголовке статьи о Трампе “*Trump zieht ins Weiße Haus ein — und lässt als erstes goldene Vorhänge anbringen”,* на основании которого делается вывод, что американский президент имеет склонность к роскоши и любит ее продемонстрировать*: “neigt zu Luxus und dazu, diesen zur Schau zu stellen”.*

Немецкие корни Дональда Трампа, его отношение к Германии и к канцлеру Ангеле Меркель, в частности. Как известно, дед Трампа — немец, эмигрировавший когда-то в США; впоследствии на определенном этапе жизни он пожелал возвратиться в Германию, в чем ему было отказано немецкими властями. Сам Трамп охотно и с гордостью рассказывает о своих немецких корнях: *“Ich bin stolz, dieses deutsche Blut zu haben. Keine Frage. Tolle Sache!”.* Эти, а также приведенные ниже слова президент США произнес в интервью газете “Bild” в январе 2017 года, где утверждал, что, как и все немцы, он силен и надежен *(stark und verlässlich)*, подчеркивал, что любит порядок и ценит, когда все тщательно исполнено, ведь этим славятся немцы, и что ему импонирует сила: *“Ich mag Ordnung. Ich mag, wenn die Dinge ordentlich erledigt werden. Dafür sind die Deutschen ziemlich bekannt. Ich mag Stärke”.*

Отметим, что в работах большинства исследователей по межкультурной коммуникации (А. Вежбицкая, И.М. Кобозева, Л.И. Гришаева) «любовь к порядку» выделяется как главная ментальная черта немцев, понимаемая в широком смысле слова, включающем пунктуальность, исполнительность, трудолюбие. Это находит отражение в паремиологическом фонде немецкого языка *(Ordnung ist das halbe Leben; Ordnung muss sein)*, который является

своеобразным моральным кодексом общества и по которому можно судить о ценностной ориентации его членов. В этой связи удивительно, что немецкие журналисты, в частности из “Deutsche Welle”, пытаются бездоказательно утверждать, что Трамп отличается недисциплинированностью *(undiszipliniert).*

В ряде публикаций, в частности в уже упомянутом выше интервью Трампа газете “Bild” накануне своего вступления в должность президента, отмечается, что Дональд Трамп в своих выступлениях атакует канцлера Германии Ангелу Меркель, критикуя ее политику в отношении приема беженцев: *“Ich finde, sie (Merkel) hat einen großen Fehler gemacht”.*

Политические взгляды: обвинение в националистических и праворадикальных высказываниях, осуждение точки зрения Дональда Трампа на политику Евросоюза. Частично в этой связи можно привести высказывания американского президента о позиции Ангелы Меркель в отношении беженцев, о чем речь шла выше. Трамп откровенно заявляет, что Евросоюз служит в первую очередь Германии, для которой он является средством достижения собственных целей: *“Die EU diente vor allem Deutschland als Mittel zum Zweck”* (Süddeutsche Zeitung), а НАТО — морально устаревшая организация: *“Die NATO sei obsolet”* (Tagesspiegel). По мнению немецкоязычных печатных СМИ, приход Трампа к власти ставит под сомнение устоявшиеся отношения между США и Евросоюзом: *“Die transatlantischen Beziehungen stehen auf der Kippe”* (Süddeutsche Zeitung). Осуждения со стороны прессы удостоились восторженные высказывания Трампа в отношении выхода Великобритании из Евросоюза*: “Der Brexit ist großartig”* (Tagesspiegel). Как своеобразное подведение итога об отношении Трампа к ценностям Евросоюза, а также его экономической модели можно рассматривать статью из “Frankfurter Rundschau”, в которой утверждается следующее: *“Es ist eine mächtige Attacke auf deutsche Arbeitsplätze, unseren Lebensstandard, unser Wirtschaftsmodell mit freiem Handel und offenen Grenzen”.* — Это мощная атака на немецкие рабочие места, на наш жизненный стандарт, на нашу экономическую модель со свободной торговлей и открытыми границами. (Пер. наш. — *С.П., М.Р.).*

В похожем ключе высказываются и другие популярные в Германии газеты. Так, “Tagesspiegel” отмечает беспомощность и непредсказуемость Дональда Трампа: *“Was bleibt, ist das Bild eines hilflosen Menschen, Unberechenbarkeit und Fahrigkeit ist Beides: Gefahr und Chance”.* В свою очередь “Badisches Tagblatt” подчеркивает его незнание и нежелание учиться, утверждая, что политика для него сродни игре или ведению бизнеса: *“So unbedarft und kenntnisfrei wird er sein Amt antreten – dazulernen will er nicht. Politik ist für ihn ein Spiel. Er betrachtet Politik wie ein Geschäft”.*

Наличие вредных привычек. Обычно весьма широко представлена вариативность лексической характеристики лица в соответствии с пристрастием к алкоголю. Так как Трамп известен своим отрицательным отношением к спиртному и наркотикам, представители прессы ищут какое-то объяснение этому обстоятельству и высказывают предположение, что это связано со смертью его брата Фреда, пилота по профессии, скончавшегося в 1981 году в возрасте 43 лет: *“Angeblich hat dies mit dem Tod seines Bruders Fred zu tun, eines Piloten, der 1981 im Alter von nur 43 Jahren schwer alkoholkrank starb”.*

Склонность ко лжи. Газета “Die Zeit”, в частности, утверждает: *“Lügen sind Trumps System”.* Ей вторит “Deutsche Welle”, характеризуя Трампа как человека хитрого *(schlau)* и лжеца *(Lügner).* Любопытно, но журналисты позволяют себе делать даже выводы о том, что ложь — в традициях семьи Трампов: *“Schon Donalds Vater Fred verleugnete seine deutsche Abstammung zeitweise und gab statt Kallstadt in der Pfalz Karlstad in Schweden als Herkunftsort seiner Eltern an.* — Ещё отец Дональда, Фред, отрицал свое немецкое происхождение и указал в качестве места, откуда он родом, не Кальштадт в Пфальце, а Карлштад в Швеции. (Пер. наш. — *С.П., М.Р.).*

Сквернословие. Бранную речь иллюстрирует пример из “Spitzenreiter der Schimpfwörter”: *“Trump pöbelt direkter. Er sagte im Wahlkmpf über Hillary Clinton, dass sie 2008 ’schlonged‘ wurde — eine Ableitung auf ein jiddisches Wort für Penis”.* Такие высказывания, не без основания, немецкая пресса относит к разряду *“Sprache unter der Gürtellinie”* (язык ниже пояса), а сам Трамп получает из уст журналистов прозвище «чемпиона по сквернословию».

Отношение к спорту. С одной стороны, немецкие СМИ справедливо отмечают, что Дональд Трамп не чужд спортивных увлечений, но тут же подчеркивают, что во время этих занятий он любит в особо выгодном свете продемонстрировать себя, а также использует спортивную

площадку, в частности гольф, для установления деловых контактов. Уточним, что сам Трамп является владельцем 17 площадок для гольфа в разных странах мира. На одной из таких площадок, по утверждению немецкой прессы, состоялась сделка на приобретение Дональдом Трампом профессиональной футбольной команды *"New Jersey Generals"*, а также утвердился план проведения им соревнования среди велогонщиков-профессионалов *"Tour de Trump"*.

Внешность (желание выглядеть моложе своих лет и предпринимаемые для этого шаги). Журналисты охотно описывают ситуацию с наметившимся выпадением волос у Трампа, борьбу с морщинами, обращают внимание на его дорогие, сшитые на заказ костюмы: *"Er achtet sehr auf sein Äußeres, was auf überdurchschnittliche Eitelkeit schließen lässt. Er lässt seine Anzüge maßschneiden. Er möchte jünger aussehen, als er es ist. Auch bei dem US-Präsidenten wird über ein angebliches Face-Lift spekuliert"*. На основе этих чисто внешних факторов, а также его поведения с женщинами Трамп получил от немецких журналистов прозвище *"Macho"*.

Умение преодолевать трудные жизненные обстоятельства. Согласно немецким СМИ, это одно из немногих качеств Дональда Трампа, которое трактуется как положительное. Журналисты отмечают, что Трамп прошел в своей жизни через большое количество испытаний, переломных моментов, несколько раз находился на грани полного банкротства и финансового краха, терял миллиарды, объявлялся неплатежеспособным и т. д. Тем не менее, с момента последнего финансового краха в 2009 году (до этого они случались с ним в 1991, 1992, 2004 годах) до выборов в президенты Трамп смог полностью восстановить свое финансовое благополучие, за что получил прозвище *"Stehauf-Männchen"* (в русском варианте: Неваляшка или Ванька-Встанька).

Склонность к самопрезентации. Желание подчеркнуть свою особую роль в происходящем и поставить себя в центр всеобщего внимания уже отмечалось нами при описании других характеристик американского президента. Средства массовой информации Германии активно отмечают эту черту Дональда Трампа в своих многочисленных публикациях: *"Er liebt die Show und den großen Auftritt. Trump liebt Schönheitswettbewerbe und ließ diese auch selbst veranstalten. Trump lächelt gerne mit vollbusigen Schönheiten in die Kameras oder posiert im Superman-Stil"*. Этими фактами детерминировано очередное прозвище Дональда Трампа — *"Showman"*.

Умение увлечь массы, харизматичность. Именно эти качества, а также вера Дональда Трампа в собственные слова, дар «продавать» себя, умение убеждать, гибкость и способность перестраиваться, на что немецкие СМИ также обращают внимание, не могли не сказаться на положительных для Трампа результатах президентских выборов. Приведем некоторые примеры, иллюстрирующие это утверждение: *"Er ist Geschäftsmann und er verkauft sich selbst. Trump glaubt an sich"*. *"Trumps Fähigkeit, die Massen zu begeistern, hat außerdem mit seinem enormen Selbstbewusstsein zu tun, seine Droge sei dabei der Erfolg"*. *"Trumps politische Anpassungsfähigkeit könne ein Vorteil sein"*.

Как показал представленный выше анализ публикаций о Дональде Трампе в прессе Германии, журналисты отреагировали на личность кандидата, а позднее и президента США раздраженно и эмоционально, то есть непрофессионально, ибо забыли об основной функции журналистики — информировать без эмоций, только с помощью фактов. Истерия продолжалась и несколько недель спустя после инаугурации президента США, что наглядно отражает статья из авторитетного еженедельника "Der Spiegel" (2017. N 6): *"Seit rund zwei Wochen ist Donald Trump nun Präsident der Vereinigten Staaten, und es tut körperlich weh, die Erkenntnisse dieser ersten Tage hinzuschreiben: Der Präsident der USA ist ein pathologischer Lügner. Der Präsident der USA ist ein Rassist"*. — Вот уже около двух недель Дональд Трамп является президентом США и это доставляет физическую боль — описать осознание этих первых дней: президент США является патологическим вруном. Президент США является расистом. (Пер. наш. — *С.П., М.Р.*).

Представленный на основе публикаций из немецкой качественной прессы портрет 45-го президента Соединенных Штатов Америки Дональда Трампа нельзя считать полным, так как существуют и другие немецкоязычные СМИ, которые демонстрируют более лояльное отношение к избранному лидеру США. К числу таких изданий относятся, с нашей точки зрения, следующие источники: *"Compact"* в Германии, *"Der Standard"* в Австрии, *"Neue Züricher Zeitung"* в Швейцарии. Общее настроение альтернативно настроенной прессы достаточно емко сформулировано в журнале *"Compact"* (по распространенному мнению, это издание правых популистов):

“Die Mainstream-Presse hat das Phänomen ’Donald Trump‘ immer noch nicht verarbeitet. War sie schon heillos überrumpelt, dass er (und nicht Hillary) die US-Wahl 2016 gewann, so glaubt sie bis heute nicht, dass er tatsächlich im Amt bleibt. Darf nicht sein! Kann nicht sein!”, где подчеркивается то обстоятельство, что качественная пресса до сих пор не справилась с осознанием феномена «Дональд Трамп», а также того факта, что именно он, а не Хиллари (Клинтон) одержал победу на выборах в США в 2016 году. Это значит, что Трамп останется на этом посту на выборный срок, а поэтому эмоциональные всплески типа «Этого не должно быть! Этого не может быть!» только подчеркивают непрофессионализм журналистов.

При формировании определенного, в значительной степени негативного образа Дональда Трампа немецкие СМИ использовали известные приемы и инструменты современной пиарологии, позволившие им достичь желаемой цели, о чем мы коротко уже размышляли в предыдущей публикации о новом президенте США [4]. Представляется перспективным продолжить дальнейшие научные изыскания в направлении анализа публикаций о Трампе в динамике, а также на материале других языков, что могло бы стать основой для последующего исследования в сопоставительном ключе. В этом смысле добротную научную основу для междисциплинарного изучения личностей, причастных к власти, могут дать теоретические положения, содержащиеся в только что вышедшей монографии В.Н. Степанова, где представлено исследование концептосферы силы в качестве философской категории, включающей в себя такие составляющие, как власть, гений, дух, господство [5].

Список использованной литературы

1. Потапова, С.Ю. Номинация лица в обиходном дискурсе [Текст]. — Ярославль : МУБиНТ, 2003. 276 с.
2. Потапова, С.Ю. Неофициальная номинация лица в современной немецкой прессе // Русская германистика : ежегодник / Рос. союз германистов. — М. : Языки славянской культуры, 2008.— Т. 4. — С. 373–380.
3. Потапова, С.Ю. Дональд Трамп в современных СМИ Германии: от характеристики лица к созданию персонального имиджа [Текст] / С.Ю. Потапова, М.М. Робертус // Российская пиарология-3: тренды и драйверы : сб. науч. ст. в честь профессора В.Н. Степанова / под ред. А.Д. Кривоносова. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ГЭУ, 2017. — С. 70–77.
4. Робертус, М.М. Характеристика лица в современном немецком языке [Текст] : дис. … канд. филол. наук. — М., 2005. — 210 с.
5. Степанов, В.Н. Смысл силы : очерки немецкой философской традиции [Текст] / Междунар. акад. бизнеса и новых технологий (МУБиНТ). — Ярославль, 2017. — 160 с.

References

1. Potapova, S.Yu. Nominatsia litsa v obihodnom diskurse [Personal Nomination in Everyday Discourse] [Tekst]. — Yaroslvl’ : MUBiNT, 2003. — 276 p. (in Russ.)
2. Potapova, S.Yu. Informal Personal Nomination in Modern German Press [Tekst] // Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rosiyskogo soyuza germanistov [Germanic Studies in Russia: The Yearbook of the Russian Union of Germanic Philologists]. — Moscow : Yazyki slavyanskoi kultury, 2008. — Vol. 4. — Pp. 373–380.
3. Potapova, S.Yu. Donald Trump in Modern German Mass media: from Chraracterizibng a Person to Creating a Personal Image [Tekst] / S.Yu. Potapova, S.Yu. Robertus // Rossiyskaya piarologia-3: trendy I draivery [Russian Public Relations Studues-3: trends and drivers: Collection of papers in honour of Professor V.N. Stepanov / ed by. A.D. Krivonosov. — St. Petersburg : SPbGEU, 2017. — Pp. 70–77.
4. Robertus, M.M. Personal Characterization in Modern German [Tekst] : Candidate (PhD) Dissertation in Philolog. — Moscow, 2005. — 210 p.
5. Stepanov, V.N. Smysl sily. Ocherki nemetskoi filosofskoi traditsii [The Meaning of Power: Essays in German Philosophic Tradition] [Tekst]. — Yaroslavl’ : International Academy of Business and New Technologies (MUBiNT), 2017. — 160 p.

---

[4] Потапова С.Ю., Робертус М.М. Дональд Трамп в современных СМИ Германии: от характеристики лица к созданию персонального имиджа // Российская пиарология-3: тренды и драйверы : сб. науч. ст. в честь профессора В.Н. Степанова / под ред. А.Д. Кривоносова. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ГЭУ, 2017. С. 70–77.

[5] Степанов В.Н. Смысл силы : очерки немецкой философской традиции / Междунар. акад. бизнеса и новых технологий (МУБиНТ). Ярославль, 2017. 160 с.

Сведения об авторах

Потапова Светлана Юрьевна — доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, директор Центра немецкого языка — партнера Гёте-Института. Почтовый адрес: 150003, г. Ярославль, ул. Советская, 80. Тел.: + 7 (4852) 25-03-61, сот.: +7 915 969-90-14. Электронный адрес: potapova@mubint.ru ; www.german-jar.ru ; www.mubint.ru

Potapova, Svetlana — Ph. D., Doctor of Philology, Professor, Director of German Language Centre — Partner of Goethe-Institute, Postal address: 80 Sovetskaya St., 150003, Yaroslavl, Russia. Tel.: + 7 (4852) 25-03-61. E-mail: potapova@mubint.ru ; www.mubint.ru , www.german-jar.ru

Робертус, Майя — кандидат филологических наук, директор образовательного центра WSI Education GmbH. Почтовый адрес: Porschekanzel 3 – 5, 45127, г. Эссен, Германия. Тел.: +49 (0)201 811 990. Электронный адрес: m.robertus@wallstreetenglich.de

Robertus, Maja — Ph. D (Philology), Center Director, WSI Education GmbH. Postal address: Porschekanzel 3 – 5, 45127 Essen. Tel.: +49 (0)201 811 990. E-mail: m.robertus@wallstreetenglich.de

УДК [81+81’367+81’42]=13

И.Ю. Теребихина

Изучение несобственно-прямой речи: от структурализма к теории психосистематики

В статье дается обзор основных этапов изучения несобственно-прямой речи, сформировавшихся под влиянием определенных парадигм знаний. В фокусе современных лингвистических исследований находится принцип антропоцентризма, означающий, что акцент поставлен не на фактах языка, а на их употреблении человеком (мыслящим и говорящим субъектом). Рассматривая возможность изучения несобственно-прямой речи в рамках когнитивных исследований, автор статьи обращается к особому типу дискурса — вертикальному контексту. «Вертикальный контекст» как термин теории психосистематики основан на подходе к исследованию дискурса, опирающемся на идею концептуальной схемы предложения и предусматривающем применение методики векторного анализа. Концептуальная схема вертикального контекста отображает логическую последовательность ментальных операций. Репрезентация концептуальной схемы на поверхностном уровне лексико-синтаксическими средствами языка происходит с использованием структурно-функционального метода.

Применение данной методологии позволит изучить место и функции каждого субъекта дискурса, участвующего в формировании и передаче несобственно-прямой речи в рамках вертикального контекста. Кроме того, указание экстралингвистических и лингвистических факторов обусловливает решение проблемы выражения смысла (смыслов) при порождении текста автором-адресантом и перспективы его (их) восприятия читателем-адресатом, при этом несобственно-прямая речь приобретает особую роль.

парадигма знаний, когнитивное исследование, теория психосистематики, несобственно-прямая речь, дискурс, вертикальный контекст, вектор, концептуальная схема, формирование смыслов, восприятие смыслов

Terebikhina, Inna

Study of Experienced Speech: from Structuralism to the Theory of Psycho-Systematics

The article deals with the study of experienced, or “represented”, speech in the framework of certain paradigms of knowledge. There is a focus on anthropocentrism, i.e. not on linguistic facts per se, but on their usage by the speaker. Experienced speech is viewed from the perspective of cognitive studies and a special type of discourse — vertical context. As a term of psycho-systematics, “vertical context” is based upon an approach to discourse research which proceeds from the conceptual schema of a sentence. The conceptual schema of the vertical context represents the logical sequence of mental operations. The structural-functional method is used to represent the conceptual schema by the lexical-syntactical means at a superficial level.

© Теребихина И.Ю., 2017

This methodology makes it possible to study the place and functions of each subject of discourse who participates in generating and transferring experienced speech within the framework of the vertical context. Identification of extralinguisic and linguistic factors is crucial to sense expression when generating a text, and to sense perception when receiving the message, with experienced speech assuming a significant role.

paradigm of the knowledge, cognitive study, theory of the psycho-systematics, experienced speech, discourse, vertical context, vector, conceptual schema, sense forming, sense perception.

Цель нашей статьи заключается в том, чтобы представить один из подходов к изучению несобственно-прямой речи, возникший в рамках антропоцентризма. В центре современных лингвистических исследований находится проблема формирования и восприятия смыслов. В этом плане актуально изучение несобственно-прямой речи в составе вертикального контекста с позиции теории психосистематики. Обзор предшествующих этапов изучения несобственно-прямой речи, предваряющий наш подход, позволяет подойти к мысли о том, что предыдущие исследования, рассматриваемые в соответствии с системно-структурной парадигмой знания, не позволяли увидеть явления несобственно-прямой речи в динамике, а именно с точки зрения порождения и восприятия смыслов, что отвечало бы когнитивно-дискурсивной парадигме знаний и проблемам изучения художественной системы французской литературы XXI века.

Знакомство с существующими теориями передачи чужой речи показывает, что для отображения речи и мыслей персонажа в художественных текстах используются различные способы. Грамматической традицией «канонизированы» следующие формы передаваемой речи: прямая речь, косвенная речь и несобственно-прямая речь, которые, по образному выражению Л. Розье, являются «триптихом» для обозначения слов и мыслей персонажа [1]. Эти три формы объединяются общим термином «чужая речь», впервые предложенным М.М. Бахтиным для обозначения речи персонажа по отношению к речи повествователя [2].

Три представленные канонические формы не исчерпывают всех видов включения речи персонажа в текст. К перечисленным выше М. Вильме добавляет «поглощенную речь» (le discours absorbé) [3]; авторы грамматики Bescherelle [4] выделяют также «свободную прямую речь» (discours direct libre) и «нарративизированную речь» (discours narrativisé), которую К.А. Долинин называет «скрытая косвенная речь» [5]. В исследованиях М. Флудерник насчитывается до 30 форм [6].

Вместе с тем, поскольку прямая речь, косвенная речь и несобственно-прямая речь являются базовыми для передачи чужой речи как в традиционной грамматике, так и в современной лингвистике, они будут служить нам отправной точкой для нашего исследования при изучении способов передаваемой речи «Другого» во французской литературе.

Самая молодая из этих трех форм, несобственно-прямая речь, была впервые описана в 1887 году А. Тоблером, назвавшим ее «своеобразным смешением прямой и косвенной речи» [7], тогда как первые упоминания прямой речи и косвенной речи встречаются еще в грамматике Пор-Рояля, авторы которой говорят о способах передавать речь прямо или косвенно (rapporter directement ou indirectement).

Большинство исследователей отмечают следующие основные признаки несобственно-прямой речи: передача высказывания от 3-го лица, присутствие признаков времени и наклонения по типу косвенной речи, наличие экспрессивных элементов исходного высказывания, отсутствие глагола ввода и подчинительного союза, синтаксическая независимость.

---

[1] Rosier L. Le discours rapporté. Histoire, théories, pratiques. Paris ; Bruxelles ; Département Duculot : De Boeck Supérieur, 1999. 325 p.

[2] Bakhtine M. (Volochinov V.N.). Le marxisme et la philosophie du langage / Tr. par Marina Yaguello. P. : Minuit, 1977. 229 p.

[3] Wilmet M. Grammaire critique du français. Bruxelles : Duculot, et. ; P. : Hachette, 1997. 672 p.

[4] Laurent N., Délaunay B. Collection: Bescherelle français — Références. La grammaire pour tous. P. : Hatier, 2012. 319 p.

[5] Долинин К.А. Интерпретация текста. Французский язык : учеб. пособие. 4-е изд. М. : КомКнига, 2010. 304 с.

[6] Fludernik M. The Fictions of Language and the Languages of Fiction: The Linguistic Representation of Speech and Consciousness. London : Routledge, 1993. 548 p.

[7] Bakhtine M. (Volochinov V.N.). Le marxisme et la philosophie du langage. P. 195.

Сущность несобственно-прямой речи как особого вида передачи чужой речи состоит в том, что высказывание персонажа передается в виде авторской речи, являясь одновременно и речью персонажа, и фактом авторского повествования. «Это речь повествователя, пронизанная… значениями… синтаксическими конструкциями речи персонажа — источника информации, его интонациями, чувствами, мыслями» [8]. Воспроизведение манеры речи говорящего сближает ее с прямой речью, а употребление личных форм глаголов и местоимений — с косвенной, при этом отсутствует формальный сигнал перехода от авторской речи к чужой — вводящие глаголы речи и мысли.

К описанным характеристикам несобственно-прямой речи добавляют описание данного явления Д.Э. Розенталем: «В результате создается двуплановость высказывания: передается “внутренняя речь” персонажа, его мысли, настроения (и в этом смысле “говорит” он), но выступает за него автор; объективная оценка событий сочетается с преломлением их сквозь призму восприятия персонажа». По мнению Д.Э. Розенталя, наиболее характерный тип несобственно-прямой речи — форма вопросительных и восклицательных предложений, выделяющихся на фоне авторского повествования. Однако она может иметь форму придаточного предложения, выступая в составе сложного [9].

Кроме того, некоторые грамматики указывают на возможность для несобственно-прямой речи иметь вводящий сегмент, хотя это и не ведет к синтаксической зависимости, как в косвенной речи, ввиду отсутствия подчинительного союза [10].

Сфера функционирования несобственно-прямой речи — это, прежде всего, письменная речь, в особенности художественная литература [11]. В публицистических жанрах несобственно-прямая речь встречается гораздо реже, поскольку в них чужое слово передается, как правило, конструкцией прямой или косвенной речи. Г. Комюр-Тиллуа замечает, что журналистика старается избегать эффекта двуголосия, вызванного данным способом передачи речи [12]. В разговорной речи несобственно-прямая речь встречается нечасто и выделяется собеседником благодаря мимике и особой интонации, используемой говорящим для имитации оригинальной речи. Однако некоторые исследователи подчеркивают, что несобственно-прямая речь — это не только привилегия письменного жанра, она также достаточно часто встречается в разговорном языке [13].

На протяжении XX столетия несобственно-прямая речь активно изучается отечественными и зарубежными учеными.

Широкое применение конструкций с несобственно-прямой речью в языке художественной литературы начинается в конце XIX века, с началом процесса речевой индивидуализации персонажей. На рубеже XIX и XX веков в мироощущении людей и в их отношении к действительности происходит перелом как следствие серьезных открытий в различных областях науки. Развитие фотографии соединило художественность и документальность, привело к пересмотру художественных принципов в искусстве [14]. В классической литературе художественным образом является персонаж со своим внутренним миром, тогда как в литературе эпохи модернизма образом часто становятся мысль или сознание. Модернизм — направление в искусстве конца XIX — начала XX века, характеризующееся разрывом с предшествующим историческим опытом художественного творчества, стремлением утвердить новые, нетрадиционные начала в искусстве. К.А. Долинин замечает, что «развертывающееся во времени содержание... сознания — “внутреннее кино” (по выражению А. Бергсона),

---

[8] Емельянова О.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. М. : Флинта, 2006. С. 251.

[9] Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М. : Просвещение, 1985. 399 с.

[10] Wagner R.-L., Pinchon J. Grammaire du français classique et moderne. P. : Hachette, 1991. 688 p.

[11] Arrivé M., Gadet F., Galmiche, M. La grammaire d’aujourd’hui. Guide alphabétique de linguistique française. P. : Flammarion, 1986. 719 p.

[12] Komur-Thilloy G. Presse écrite et discours rapporté // Série de l’Université de Haute-Alsace. P. : Orizons, 2010. 337 p.

[13] Grevisse M., Goose A. Le bon usage — grammaire française. 15e éd. P. : Louvain-la Neuve, Duculot, 2011. 1666 p.

[14] Бобрикова Е.Н. Средства связности текста в литературе потока “сознания” (на материале романа Джеймса Джойса “Улисс”) : дис. …. канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2008. 156 с.

становится... единственным предметом, о котором рассказывает текст» [15]. В эпоху модернизма в литературе переосмысляется время. Оно становится психологическим, мыслится как внутренний поток. В литературный язык входит принцип монтажа, характерный для языка кино: он соединяет фрагменты действительности, чередуя планы изображаемого. Фрагментарность мышления особенно свойственна произведениям «потока сознания», строящимся по принципу монтажа внутреннего и внешнего планов действительности.

Благодаря стремлению писателей наиболее максимально точно отобразить речь и мысли персонажей, несобственно-прямая речь получает все большее распространение в художественной литературе.

Изучение несобственно-прямой речи начинается с появления структурного и стилистического подходов к исследуемому явлению в рамках системно-структурной парадигмы.

Сторонники структурного грамматического подхода рассматривают несобственно-прямую речь как промежуточное звено между прямой и косвенной речью, выделяя грамматические признаки этой конструкции, отличающие ее от других видов передачи «чужой» речи. В свете структурного направления несобственно-прямую речь исследовали представители школы Ш. Балли, который считает данный вид речи поздней разновидностью классической формы косвенной речи. Впервые в языкознании ученый вводит термин *style indirect libre*, где прилагательное libre значит «независимая» в синтаксическом плане [16]. Ш. Балли обращает внимание на несобственно-прямую речь как на явление, свойственное всем языкам. Несобственно-прямая речь возникает в сфере речи как результат одного из возможных употреблений косвенной речи, а именно как следствие опущения союза *que* (что) и глагола речи. Выпадение союза que, о чем позже скажет М.М. Бахтин, сближает два высказывания во всей их смысловой полноте: словно прорывается плотина и авторские интонации свободно устремляются в чужую речь [17]. В том же ключе несобственно-прямую речь изучают М. Липс [18] и О. Есперсен [19].

Грамматический подход в изучении несобственно-прямой речи продолжали такие отечественные исследователи, как Г.Г. Инфантова, Н.С. Поспелов, Г.М. Чумаков.

Г.Г. Инфантова считает, что несобственно-прямая речь выражает субъектные планы автора и героя через одни и те же синтаксические единицы, представляя собой либо сложное предложение, в котором она объединяется со словами автора, либо часть сложного синтаксического целого [20].

Очень детальное исследование несобственно-прямой речи представлено в работах Г.М. Чумакова, который, исходя из структурно-грамматических позиций, выделяет три типа несобственно-прямой речи: 1. Синтаксически независимые двухкомпонентные конструкции с несобственно-прямой речью, имеющие вводящую и вводимую части. 2. Двухчастные структуры придаточного подчинения. 3. Самостоятельная однокомпонентная структура без ввода. Особой заслугой Г.М. Чумакова является его идея о связи структуры с функцией [21].

Другой подход для изучения несобственно-прямой речи, по данным М.М. Бахтина [22], предлагает К. Фосслер, основатель школы эстетического идеализма, сторонник стилистического подхода в исследованиях несобственно-прямой речи. В работах филологов, относящихся к школе К. Фосслера (Т. Калепки, Э. Лерх, Э. Лорк, Г. Лерх, Л. Шпицер), несобственно-прямая речь рассматривается как функциональное использование языка в индивидуальной речи и обозначается как «скрытая или завуалированная речь», «речь как факт», «пережитая речь». В 1922 году Г. Лерх был предложен термин, устоявшийся в отечественной науке, — «несобственно-прямая

---

[15] Долинин К.А. Интерпретация текста.

[16] Bally Ch. Le style indirect libre en français modern // Germanisch-Romanische Monatsschrift. Heidelberg : Universitätsverlag Carl Winter, 1912. P. 549–556.

[17] Bakhtine M. (Volochinov V.N.). Le marxisme et la philosophie du langage.

[18] Lips M. Le style indirect libre. Paris : Payot, 1926. 97 p.

[19] Есперсен О. Философия грамматики. М. : Изд-во иностр. лит., 1958. 404 с.

[20] Инфантова Г.Г. Синтаксические конструкции с несобственно-прямой речью в современном русском языке // Труды Таганрогского педагогического института. Ростов н/Д, 1962. Т. 8. С. 64–79.

[21] Чумаков Г.М. Синтаксис конструкций с чужой речью. Киев : Вища школа, 1975. 220 с.

[22] Bakhtine M. (Volochinov V.N.). Le marxisme et la philosophie du langage.

речь» [23]. Тщательный анализ всех существующих теорий и наиболее полное описание несобственно-прямой речи и ее характеристик представил М.М. Бахтин [24].

Особый интерес представляет взгляд М.М. Бахтина на несобственно-прямую речь как на гетерогенный полифонический текст, причиной которого является присутствие «Другого». М.М. Бахтин первым заговорил о том, что основной признак несобственно-прямой речи — это «двуголосие», совмещение двух голосов, двух планов — автора и персонажа, их речевая контаминация. «Слово такой речи — особое двуголосое слово. Оно служит сразу двум говорящим и выражает одновременно две различные тенденции: прямую интонацию говорящего персонажа и преломленную — авторскую. В таком слове два голоса, два смысла и две экспрессии» [25].

Проблемой несобственно-прямой речи как повествовательно-грамматической структуры, выполняющей важную роль в формировании поэтики произведения, занимается В.В. Виноградов. Ученый характеризует несобственно-прямую речь как художественный прием с широким спектром изобразительных возможностей, как «сложную комбинацию повествовательного языка с формами внутреннего мышления самих персонажей» [26].

Ряд исследователей изучает несобственно-прямую речь как определенный стилистический прием в нарративе. Д. Кон выделяет две функции несобственно-прямой речи — лирическую и ироническую, для реализации которых требуется идентификация нарратора и персонажа либо дистанцирование голоса нарратора от голоса персонажа [27].

Учение М.М. Бахтина о двуголосом слове имеет ряд последователей, например П. Гернади, согласно мнению которого необходимости в чередовании речи персонажа и речи автора нет: они просто сливаются в двойной голос [28].

Позже теорию двойного голоса предлагает Р. Паскаль. Автор утверждает, что в несобственно-прямой речи «слышится “двойной голос”, который через лексику, структуру предложений и интонацию неявно объединяет в себе голоса персонажа и рассказчика» [29].

Многие лингвисты пришли к выводу о необходимости сочетать стилистические и грамматические черты при изучении несобственно-прямой речи, что обусловило появление лингвостилистического подхода. Эту точку зрения развивали А.А. Андриевская, Е.Я. Кусько и др.

А.А. Андриевская называет несобственно-прямую речь «целостно-единой лингвостилистической категорией», которую необходимо рассматривать «в плане широкого контекста организуемого ею сверхфразового единства, где она выступает как ведущая конструкция, растворяющая в себе и осмысливающая сочетаемые с ней единицы узкого контекста» [30]. Несобственно-прямая речь — особый вид повествования, при котором наблюдается взаимодействие и взаимопроникновение речевых планов, каждый из которых частично теряет свою специфику, при этом создается новое явление, несущее в себе разноплановые характеристики.

Согласно природе изображаемых явлений А.А. Андриевская выделяет основные разновидности несобственно-прямой речи:

а) одна из форм передачи чужого высказывания (в традиционном значении), наряду с прямой и косвенной речью;

б) внутренний монолог как единственно подходящая форма передачи внутренней речи персонажа, его потока сознания;

в) способ изображения определенных моментов действительности с позиции переживающего их лица, явлений, которые могут стать предметом субъективной реактивности человека, не всегда оформляющейся в речевом акте;

---

[23] Bakhtine M. (Volochinov V.N.). Le marxisme et la philosophie du langage. P. 209.

[24] Ibid. P. 232.

[25] Бахтин М.М. Слово в романе // Литературоведение и критика. Sacrum. СПб. : Пальмира, 2017. 229 с.

[26] Виноградов В.В. О языке Толстого (50–60-е годы). М. : Директ-Медиа, 2010. 301 с.

[27] Cohn D. Narrated monologue: definition of a fictional style // Comparative Literature. 1966. Vol. 18, N 2. P. 97–112.

[28] Hernadi P. Dual Perspective: Free Indirect Discourse and Related Techniques // Comparative Literature, 1972. Vol. 24, N 1. P. 32–43.

[29] Pascal R. The Dual Voice: Free Indirect Speech and Its Functioning in the Nineteenth Century European Novel. Manchester : Manchester University Press, 1977. P. 26.

[30] Андриевская А.А. Несобственно-прямая речь в художественной прозе Луи Арагона. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1967. С. 9.

г) особый вид несобственно-прямой речи, объединяющий передачу фактического высказывания, внутренней речи и подсознательных движений, скрытых в психике персонажа, предполагающих вмешательство автора, переводящего их в «речевой план» — style pensé-parlé [31] (e.g.: *Чтобы не утруждать себя, а это являлось его единственной заботой, Льенар старался убедить покупательниц выбрать одну из материй, уже разложенных на прилавке. Тут у него были и кашемир, и саржа, и вигонь* [32]).

Признаком несобственно-прямой речи является присутствие наречия дейктического характера *тут*, указывающего на то, что именно продавец Льенар представляет находящиеся в отделе ткани. Подобная необозначенность степени реализованности высказывания, фазы в движении от мысли к слову может указывать на то, что высказывание это не является единичным, а повторялось неоднократно, воспроизводилось вслух другим в аналогичных ситуациях. Эту фразу Льенар часто повторяет своим покупательницам, она демонстрирует его безразличие к ним же, усталость от общения с ними, это не только его высказанная фраза, но также его мысль, которая сопровождает продавца постоянно и выражает его презрение как к покупательницам, так и к самому себе, своему месту в жизни.

При обращении к грамматическим особенностям внутреннего монолога наблюдается равнозначность употребления первого и третьего лица, где всегда прослеживается психизм самого персонажа и раскрывается его внутренний мир.

Е.Я. Кусько детально описывает несобственно-прямую речь, учитывая все ее аспекты. Согласно классификации исследователя несобственно-прямая речь подразделяется на внешнюю и внутреннюю:

а) внешняя несобственно-прямая речь включает в себя тематическую речь, скрытую речь, цитатную речь, речь в речи, коллективную несобственно-прямую речь, которые соотносятся с прямой речью персонажа, что обусловливает их сжатость, появление в тексте после прямой речи;

б) внутренняя речь объединяет внутренние рефлексии, внутренний монолог и поток сознания, в основе которых лежит внутренняя речь, и характеризуется развернутостью структуры, синтаксической сложностью и преобладает в общем объеме использования несобственно-прямой речи в художественной литературе [33].

В 1970–1980 годы в США развивается новый подход к изучению несобственно-прямой речи в рамках генеративной грамматики, противоречащий идее полифонии художественного текста. Э. Бэнфилд причисляет несобственно-прямую речь к особой категории выражения, сочетающей в себе свойства речи и мысли, и отмечает ее ярко выраженную экспрессивность. Он полагает, что повествование от третьего лица не имеет нарратора, следовательно, в несобственно-прямой речи не может быть двойного голоса [34].

Разногласия о количестве голосов в интересующем нас явлении привели к появлению нового, когнитивно-прагматического подхода, предложенного М. Флудерник, по мнению которой несобственно-прямая речь образует прагматическую модель с включением цитируемого речевого акта и интерпретационной способности слушающего воспринимать чужую речь [35].

М. Флудерник полагает, что двойной голос в несобственно-прямой речи существует, при этом первый голос идет из текста, а второй является голосом читателя, пытающегося в процессе чтения определить, кому принадлежит данный голос — персонажу или нарратору [36].

На наш взгляд, последнее предположение достаточно интересно, но мы полагаем, что, опираясь на идею вертикального контекста и теорию психосистематики, можно объединить

---

[31] Андриевская А.А. Несобственно-прямая речь в художественной прозе Луи Арагона. С. 10.

[32] Теребихина И.Ю. Вертикальный контекст — полилог // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Архангельск, 2015. № 2. С. 95–101.

[33] Кусько Е.Я. Проблемы языка современной художественной литературы: несобственно-прямая речь в литературе ГДР. Львов : Вища школа, 1980. 207 с.

[34] Banfield A. Unspeakable Sentences: Narration and Representation in the Language of Fiction. Boston : Routledge, 1982. 354 p.

[35] Цит. по: Блинова О.А. Лингвокогнитивный аспект репрезентации несобственно-прямой речи (на материале произведений Э. Хемингуэя) : дис. … канд. филол. наук. М., 2015. 168 с.

[36] Там же.

все аспекты анализа: когнитивный, психологический, структурно-функциональный, прагматический. К означенным аспектам, выражающим позицию адресанта, мы, кроме того, добавляем позицию адресата, заложенную в вертикальном контексте, его восприятие и понимание смысла(ов). Принимая во внимание положение о том, что текст — это дискурс, репрезентирующий адресанта, само тело текста и адресата (даже если таковой не обозначен эксплицитно), возникает проблема смысла (смыслов), его порождения и понимания. Задачами нашего исследования являются изучение места и функций каждого из субъектов дискурса, участвующих в формировании и передаче высказывания в рамках вертикального контекста, а также перспектива восприятия смысла (смыслов) читателем.

В нашей работе трактовка понятия *вертикальный контекст* отличается от общепринятого значения, в котором он употребляется для обозначения информации историко-филологического характера, заложенной в художественном произведении и включающей в себя реалии, разного типа литературные аллюзии и цитаты [37].

Наше понимание термина *вертикальный контекст* основано на исследованиях Т.Я. Кузнецовой [38], базой для которых послужил подход к изучению дискурса, опирающийся на идею концептуальной схемы предложения, выдвинутой Л.М. Скрелиной [39], и предусматривающий применение методики векторного анализа, разработанной Г. Гийомом [40]. Конфигурация векторов, изображающих контекст в процессе его развертывания, обусловливает наименование данного вида дискурса вертикальным контекстом [41]. Под дискурсом мы понимаем формирование смысла либо при производстве текста, либо при его восприятии, так как составляющей дискурса является понятие сознания [42].

Вертикальный контекст представляет собой тип дискурса, начальное предложение которого содержит опорное слово (предмет мысли и речи), а следующие предложения, составляющие развертывающий фрагмент, содержат признак к опорному слову (то, что говорится о предмете мысли и речи).

Вертикальный вектор, изображающий контекст в процессе его развертывания, дал название этому виду дискурса (см. рис.).

Рис. Концептуальная схема вертикального контекста

Вектор, изображенный на горизонтальной оси, репрезентирует предложение 1, включающее законченное действие. На вертикальной оси представлен вектор, выражающий предложение 2. Этот вектор берет свое начало в точке горизонтального вектора, обозначающей опору для вертикального контекста, и идет вниз по вертикали, развертывая признак к опоре путем его описания.

Динамическая концепция вертикального контекста позволяет его увидеть в процессе формирования в условиях дискурсивного времени и действия механизма инциденции. Инциденция определяется Г. Гийомом как семантический механизм, согласно которому происходит

---

[37] Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. 1977. № 3. С. 47–54.

[38] Кузнецова Т.Я. Вертикальный контекст как вид сверхфразового единства во французском языке (когнитивный аспект) / Архангельск. гос. техн. ун-т. Архангельск, 2007. 248 с.

[39] Скрелина Л.М. Школа Гийома: психосистематика : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 2009. 367 с.

[40] Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / общ. ред., послесл. и коммент. Л.М. Скрелиной. 2-е изд., испр. М. : Едиториал УРСС, 2004. 224 с.

[41] Кузнецова Т.Я. Вертикальный контекст как вид сверхфразового единства во французском языке (когнитивный аспект).

[42] Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. М. : Знак, 2012. 208 с. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

соотношение опоры с ее вкладом. Дискурсивное время — время действия инциденции, процесс конструирования дискурса [43].

Исследование вертикального контекста предполагает использование определенных методов и уровней анализа.

Уровни анализа, будучи этапом рассмотрения языка, зависят от целей и задач исследования, то есть во многом определяются точкой зрения исследователя на изучаемый объект [44].

Т.Я. Кузнецова использует следующие уровни анализа вертикального контекста: концептуальный, семантический, синтаксический, коммуникативный [45].

На концептуальном уровне начальное предложение вертикального контекста речи содержит опору — предмет речи; развертывающий фрагмент формирует признак к опоре — тому, что говорится о предмете речи. На синтаксическом уровне опора представлена объектом речи, который выражается именем существительным в функции дополнения. Предложения с несобственно-прямой речью раскрывают содержание объекта речи в восприятии автора на семантическом и коммуникативном уровнях.

Для изучения вертикального контекста Т.Я. Кузнецова использует векторную методику и структурно-функциональный метод. Векторная методика позволяет установить типовые варианты вертикального контекста. С помощью структурно-функционального метода возможно установление речевых реализаций типовых вариантов путем описания функций рассматриваемого явления и определения его структуры. Дифференциальные признаки вертикального контекста служат исходным основанием для подобного рассмотрения.

Выделены следующие дифференциальные признаки инварианта: определенный порядок слов, в основе которого лежит модель французского предложения S-V-C; тождество референции именем собственным — антецедентом и личными местоимениями в качестве анафоры; коммуникативная прогрессия в соотношении ее компонентов с их синтаксическими функциями; первичный способ выражения семантики предложений; время *passé simple* в первом предложении и *imparfait* в развертывающих предложениях [46].

Таким образом, рассмотрев различные подходы к изучению несобственно-прямой речи, мы пришли к выводу, что изучение таковой с позиций системно-структурной парадигмы не дает возможности исследовать данное явление во взаимосвязи порождения и восприятия смысла(ов), в отличие от опирающихся на принцип антропоцентризма теории психосистематики и идеи вертикального контекста.

В перспективе мы полагаем установить закономерности несобственно-прямой речи во французской литературе XXI века в рамках вертикального контекста, исходя из влияния экстралингвистических и лингвистических факторов на дифференциальные признаки инварианта вертикального контекста и на проблему выражения смысла (смыслов) при порождении текста автором-адресантом и перспективы его (их) восприятия читателем-адресатом.

Список использованной литературы

1. Андриевская, А.А. Несобственно-прямая речь в художественной прозе Луи Арагона [Текст]. — Киев : Изд-во Киевского ун-та, 1967. — 170 с.

2. Ахманова, О.С. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема [Текст] / О.С. Ахманова, И.В. Гюббенет // Вопросы языкознания. — 1977. — № 3. — С. 47–54.

3. Бахтин, М.М. Слово в романе [Текст] // Литературоведение и критика. Sacrum. — СПб. : Пальмира, 2017. — 229 с.

4. Блинова, О.А. Лингвокогнитивный аспект репрезентации несобственно-прямой речи (на материале произведений Э. Хемингуэя) [Текст] : дис. …. канд. филол. наук. — М., 2015. — 168 с.

5. Бобрикова, Е.Н. Средства связности текста в литературе «потока сознания» (на материале романа Джеймса Джойса «Улисс») [Текст] : дис. …. канд. филол. наук. — Ростов н/Д, 2008. — 156 с.

[43] Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики.

[44] Солнцев В.М. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990. 688 с.

[45] Кузнецова Т.Я. Вертикальный контекст как вид сверхфразового единства во французском языке (когнитивный аспект)..

[46] Там же. С. 48.

6. Виноградов, В.В. О языке Толстого (50–60-е годы) [Текст]. — М. : Директ-Медиа, 2010. — 301 с.
7. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики [Текст] / общ. ред., послесл. и коммент. Л.М. Скрелиной. — 2-е изд., испр. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 224 с.
8. Долинин, К.А. Интерпретация текста. Французский язык [Текст] : учеб. пособие. — 4-е изд. — М. : КомКнига, 2010. — 304 с.
9. Емельянова, О.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Текст] / под ред. М.Н. Кожиной. — М. : Флинта, 2006. — 694 с.
10. Есперсен, О. Философия грамматики [Текст]. — М. : Изд-во иностр. лит., 1958. 404 с.
11. Инфантова, Г.Г. Синтаксические конструкции с несобственно-прямой речью в современном русском языке [Текст] // Труды Таганрогского педагогического института. — Ростов н/Д., 1962. — Т. 8. — С. 64–79.
12. Кубрякова, Е.С. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования [Текст] / Ин-т языкознания РАН. — М. : Знак, 2012. — 208 с. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).
13. Кузнецова, Т.Я. Вертикальный контекст как вид сверхфразового единства во французском языке (когнитивный аспект) [Текст] / Архангельск. гос. техн. ун-т. — Архангельск, 2007. — 248 с.
14. Кусько, Е.Я. Проблемы языка современной художественной литературы: несобственно-прямая речь в литературе ГДР [Текст]. — Львов : Вища школа, 1980. — 207 с.
15. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов [Текст] / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. — М. : Просвещение, 1985. — 399 с.
16. Скрелина, Л.М. Школа Гийома: психосистематика [Текст] : учеб. пособие. — М. : Высшая школа, 2009. — 367 с.
17. Солнцев, В.М. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В.Н. Ярцева. — М. : Советская энциклопедия, 1990. — 688 с.
18. Теребихина И.Ю. Вертикальный контекст — полилог [Текст] // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. — Архангельск, 2015. — № 2. — С. 95–101.
19. Чумаков, Г.М. Синтаксис конструкций с чужой речью [Текст]. — Киев : Вища школа, 1975. — 220 с.
20. Arrivé, M. La grammaire d'aujourd'hui. Guide alphabétique de linguistique française [Text] / M. Arrivé, F. Gadet, M. Galmiche. — P. : Flammarion, 1986. — 719 p.
21. Bakhtine, M. (Volochinov V.N.). Le marxisme et la philosophie du langage [Text] / Tr. par Marina Yaguello. — P. : Minuit, 1977. — 229 p.
22. Bally, Ch. Le style indirect libre en français modern [Text] // Germanisch-Romanische Monatsschrift. — Heidelberg : Universitätsverlag Carl Winter, 1912. — P. 549–556.
23. Banfield, A. Unspeakable Sentences: Narration and Representation in the Language of Fiction [Text]. — Boston : Routledge, 1982. — 354 p.
24. Cohn, D. Narrated monologue: definition of a fictional style [Text] // Comparative Literature. 1966. — Vol. 18, N 2. — P. 97–112.
25. Fludernik, M. The Fictions of Language and the Languages of Fiction: The Linguistic Representation of Speech and Consciousness [Text]. — L. : Routledge, 1993. — 548 p.
26. Grevisse, M. Le bon usage — grammaire français [Text] / M. Grevisse, A.P. Goose. — 15e éd. — P. : Louvain-la Neuve, Duculot, 2011. — 1666 p.
27. Hernadi, P. Dual Perspective: Free Indirect Discourse and Related Techniques [Text] // Comparative Literature — 1972. — Vol. 24, N 1. — P. 32–43.
28. Komur-Thilloy, G. Presse écrite et discours rapporté [Text] // Série de l'Université de Haute-Alsace. — P. : Ed. Orizons, 2010. — 337 p.
29. Laurent, N. Collection: Bescherelle français — Références. La grammaire pour tous [Text] / N. Laurent, B. Délaunay. — P. : Hatier, 2012. — 319 p.
30. Lips M. Le style indirect libre [Text]. — Paris : Payot, 1926. — 97 p.
31. Pascal, R. The Dual Voice: Free Indirect Speech and Its Functioning in the Nineteenth Century European Novel [Text]. — Manchester : Manchester University Press, 1977. — 150 p.
32. Rosier, L. Le discours rapporté. Histoire, théories, pratiques [Text]. — P. ; Bruxelles, Département Duculot : De Boeck Supérieur, 1999. — 325 p.
33. Wagner, R.-L. Grammaire du français classique et moderne [Text] / R.-L. Wagner, J. Pinchon. — P. : Hachette, 1991. — 688 p.
34. Wilmet, M. Grammaire critique du français [Text]. — Bruxelles : Duculot, et P. : Hachette, 1997. — 672 p.

References

1. Andrievskaya, A.A. Nesobstvenno-pryamaya rech v khudozhestvennoy prose Lui Aragona [Experienced Speech in the Fictional Prose of Louis Aragon] [Tekst]. — Kiev : The Kiev University Publishing, 1967. — 170 p. (in Russ.).
2. Akhmanova, O.S. "Vertikalny kontekst" kak filologicheskaya problema [Tekst] / O.S. Akhmanova, I.V. Gubbenet // Voprosy yazykoznaniya. — 1977. — N 3. — Pp. 47–54.
3. Bakhtin, M.M. Slovo v romane [Tekst] // Literaturovedeniye I kritika [Discourse in the Novel // The History and Criticism of Literature] Sacrum. — St. Petersburg : Palmira, 2017. — 229 p. (in Russ.).
4. Blinova, O.A. Lingvokognitivny aspect representatsii nesobstvenno-pryamoy rechi (na materiale proizvedeniy E. Khemingueya) [Linguo-Cognitive Aspect of the Free Indirect Discourse Representation (as exemplified in E. Hemingway)] [Tekst] : doctoral dissertation. — Moscow, 2015. — 168 p. (in Russ.).
5. Bobrikova, E.N. Sredstva svyaznosti teksta v literature «potoka soznaniya» (na materiale romana Dzheymsa Dzhoysa «Ulis») [Means of Text Coherence in the «Stream of Consciousness» Literature] [Tekst] : doctoral dissertation. — Rostov-on-Don, 2008. — 156 p. (in Russ.).
6. Vinogradov, V.V. O yazyke Tolstogo (50–60-ye gody) [About the Language of Tolstoy (the 50th–60th years)] [Tekst]. — Moscow : Direct-Media, 2010. — 301 p. (in Russ.).
7. Guillaume, G. Printsipy teoreticheskoy lingvistiki [Principles of the Theoretical Linguistics] // Ed., the concluding article and the commentary by L.M. Screlina. — 2nd ed., revised. — M : EDITORIAL URSS, 2004. — 224 p. (in Russ.).
8. Dolinin, K.A. Interpretatsiya teksta: Frantsuzsky yazyk : Uchebnoye posobiye [Text Interpretation : The French Language : Learning Guide] [Tekst]. — 4th ed. — Moscow : KomKniga, 2010. — 304 p. (in Russ.).
9. Yemelyanova, O.N. Stilistichesky entsiklopedichesky slovar russkogo yazyka [Stylistic Encyclopedic Dictionary of Russian Language] [Tekst] / ed. by M.N. Kozhina. — Moscow : Flinta, 2006. — 694 p. (in Russ.).
10. Espersen, O. Filosofija grammatiki [The philosophy of Grammar] [Tekst]. — M. : Izd-vo inostr. lit-ra, 1958. — 404 s.
11. Infantova, G.G. Syntactic Constructions with Experienced Speech in Modern Russian [Tekst] // Trudy Taganrogskogo Pedinstituta [Works of the Taganrog Teachers' Training College]. — Rostov-on-Don, 1962. — Vol. 8. — Pp. 64–79 (in Russ.).
12. Kubryakova, Ye.S. V poiskakh sushchnosti yazyka. Kognitivnye issledovaniya [In Search for the Essence of Language. Cognitive Research] [Tekst] // The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. — Moscow : Znak, 2012. — 208 p. (in Russ.).
13. Kuznetsova, T.Ya. Vertikalny kontekst kak vid sverkhfrazovogo yedinstva vo frantsuzskom yazyke (Kognitivny aspect) [Vertical Context as a Kind of a Superphrasal Unity in French (Cognitive Aspect)] [Tekst]. — Arkhangelsk : Arkhangelsk State Technical University, 2007. — 248 p. (in Russ.).
14. Kusko, Ye.Ya. Problemy yazyka sovremennoy khudozhestvennoy literatury : Nesobstvenno-pryamaya rech v literature GDR [Problems of Language of Modern Fiction : Experienced Speech in the Literature of the GDR] [Tekst]. — Lviv : Vishcha Shkola, 1980. — 207 p. (in Russ.).
15. Rosenthal, D.E. Slovar-spravochnik ligvisticheskikh terminov : Posobiye dlya uchitelya [Dictionary Reference of Linguistic Terms : Study Guide for the Teacher] [Tekst] / D.E. Rosenthal, M.A. Telenkova. — Moscow : Prosveshcheniye, 1985. — 399 p. (in Russ.).
16. Screlina, L.M. Shkola Giyoma : Psikhosistematika : Uchebnoye posobiye [Guillaume's School : Psycho-systematics : Study Guide] [Tekst]. — Moscow : Vysshaya Shkola, 2009. — 367 p. (in Russ.).
17. Solntsev, V.M. Linguistic encyclopedic dictionary [Tekst] // Glavny redactor V.N. Yartseva [Editor-in-Chief V.N.Yartseva]. — Moscow : Sovetskaya entsiklopediya, 1990. — 688 p. (in Russ.).
18. Terebihina, I.Ju. Vertikalnyj kontekst — polilog [Vertical context — polilogue] [Tekst] // Vestnik SAFU. — Arhangel'sk, 2015. — N 2. — S. 95–101.
19. Chumakov, G.M. Sintaksis konstruktsiy s chuzhoy rechyu [Syntax of constructions with reported speech] [Tekst]. — Kiev : Vishcha Shkola, 1975. — 220 p. (in Russ.).
20. Arrivé, M. La grammaire d'aujourd'hui. Guide alphabétique de linguistique française [Text] / M. Arrivé, F. Gadet, M. Galmiche. — P. : Flammarion, 1986. — 719 p. (in Fr.).
21. Bakhtine, M. (Volochinov V.N.). Le marxisme et la philosophie du langage [Text] / Tr. par Marina Yaguello. — P. : Minuit, 1977. — 229 p. (in Fr.).
22. Bally, Ch. Le style indirect libre en français modern [Text] // Germanisch-Romanische Monatsschrift. — Heidelberg : Universitätsverlag Carl Winter, 1912. — Pp. 549–556. (in Fr.).
23. Banfield, A. Unspeakable Sentences: Narration and Representation in the Language of Fiction [Text]. — Boston : Routledge, 1982. — 354 p. (in Eng.).
24. Cohn, D. Narrated monologue: definition of a fictional style [Text] // Comparative Literature. — 1966. — Vol. 18, N 2. — Pp. 97–112. (in Eng.).

25. Fludernik, M. The Fictions of Language and the Languages of Fiction: The Linguistic Representation of Speech and Consciousness [Text]. — London : Routledge, 1993. — 548 p. (in Eng.).
26. Grevisse, M. Le bon usage — grammaire française [Text] / M. Grevisse, A. Goose. — 15e éd. — P. : Louvain-la Neuve, Duculot, 2011. — 1666 p. (in Fr.).
27. Hernadi, P. Dual Perspective: Free Indirect Discourse and Related Techniques [Text] // Comparative Literature. — 1972. — Vol. 24, N 1. — Pp. 32–43. (in Eng.).
28. Komur-Thilloy, G. Presse écrite et discours rapporté [Text] // Série de l'Université de Haute-Alsace. — P. : Ed. Orizons, 2010. — 337 p. (in Fr.).
29. Laurent, N. Collection : Bescherelle français — Références. La grammaire pour tous [Text] / N. Laurent, B. Délaunay. — P. : Hatier, 2012. — 319 p. (in Fr.).
30. Lips, M. Le style indirect libre [Text]. — Paris : Payot, 1926. — 97 p.
31. Pascal, R. The Dual Voice: Free Indirect Speech and Its Functioning in the Nineteenth Century European Novel [Text]. — Manchester : Manchester University Press, 1977. — 150 p. (in Eng.).
32. Rosier, L. Le discours rapporté. Histoire, théories, pratiques [Text]. — Paris ; Bruxelles, Département Duculot : De Boeck Supérieur, 1999. — 325 p. (in Fr.).
33. Wagner, R.-L. Grammaire du français classique et moderne [Text] / R.-L. Wagner, J. Pinchon. — P. : Hachette, 1991. — 688 p. (in Fr.).
34. Wilmet, M. Grammaire critique du français [Text]. — Bruxelles : Duculot, et P. : Hachette, 1997. — 672 p. (in Fr.).

Сведения об авторе

Теребихина Инна Юрьевна — аспирант кафедры перевода и прикладной лингвистики Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Почтовый адрес: 163000, Архангельск, Смольный Буян, 7. Тел. +79214840155. Электронная почта: inna.terebikhin@gmail.com

Terebikhina, Inna — postgraduate student at the chair of translation / applied linguistics, Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication, Northern Arctic Federal University named after M.V. Lomonosov. Postal address: 7, Smolny Buyan, 163000, Arkhangelsk, Russia. Tel.: +79214840155. E-mail: inna.terebikhin@gmail.com

РАЗДЕЛ II

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ С ПОЗИЦИЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ, ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ

УДК 811.581'373

Л.Л. Банкова

Китайские комплекты цифр

В статье анализируется совместное функционирование всех используемых в Китае комплектов (сетов) цифр, который до этого не проводился в отечественной синологии. Рассматриваются существующие пять комплектов цифр, четыре из которых представлены иероглифами, один является заимствованием из арабского языка. К числу обозначаемых иероглифами принадлежит комплект цифр, используемый в повседневном обиходе. Второй комплект цифр-иероглифов представлен так называемыми официальными (или финансовыми) цифрами, чье употребление ограничено финансовой и юридической сферой. Для них автором предложен термин «формальные цифры». Остальные два комплекта традиционных символов «Небесные стволы» и «Земные ветви» в настоящее время используются при летоисчислении, записи исторических событий, в медицинской и спортивной терминологии, а также в некоторых официальных документах.

Подобное многообразие существующих в Поднебесной комплектов цифр регулируется государственным стандартом. В статье проводится анализ данного нормативного документа, который поясняет употребление и взаимное существование всех наборов цифр, где арабским цифрам отводится роль в акцентировании смысла, в то время как иероглифы-цифры придают высказыванию торжественность. При этом в китайском языке сформировались устойчивые выражения, требующие строгого употребления либо арабских цифр (в заимствованных фразах), либо цифр-иероглифов.

китайский язык, китайские цифры, комплекты цифр, иероглиф, цифра-иероглиф, арабские цифры, «Небесные стволы», «Земные ветви»

Bankova, Liudmila

Chinese Sets of Characters for Numbers

The article considers five sets of numbers that are used in China and analyses the mechanisms of their interaction. Four of them are represented by Chinese characters and the fifth is a borrowing from Arabic. Among the numbers written in characters are the ones that are used in everyday life. The second set of "numeric characters" is represented by the so-called "financial numbers" (or "anti-fraud numbers"). Their use is limited to financial and legal contexts. The other two sets of traditional numbers — the "Heavenly Stems" and the "Earthly Branches" — are now used in chronology, historical records, medicine and sports as well as in some official documents.

The variety of sets of numbers used in China is regulated by a state standard. The article analyses the regulation, which clarifies the use and co-existence of all the sets of numbers. Arabic numbers are mostly used to emphasize the meaning whereas Chinese character numbers render the solemnity of the phrase. Also, in Chinese there are set expressions which strictly require the use of Arabic numbers (e.g. in borrowed phrases) or character-written numbers.

Chinese, Chinese numbers, sets of numbers, character, character number, Arabic numbers, "Heavenly Stems", "Earthly Branches"

В русском языке, наряду с другими европейскими языками, используются несколько комплектов цифр, например, арабские цифры и римские цифры, по названию которых можно судить об их происхождении. В китайском языке также существует несколько комплектов цифр. Однако Китай

© Банкова Л.Л., 2017

исторически развивался изолированно, поэтому цифры в его обиходе являются внутренним продуктом, а не результатом заимствования, за исключением арабских цифр, которые пришли позже. По нашим наблюдениям, в настоящее время в Китае активно функционируют пять комплектов цифр:

1) обычные цифры для обслуживания повседневных нужд;
2) комплект цифр для финансовой сферы (официальные цифры);
3) «Небесные стволы»;
4) «Земные ветви»;
5) арабские цифры.

Первые четыре комплекта являются традиционными для Китая, и цифры в них обозначаются иероглифами (汉字数字). В целом все комплекты разделяются на две большие группы по принципу «иероглиф VS цифра»: китайские (汉字数字) и заимствованные (阿拉伯数字 арабские цифры).

Самый распространенный в Китае комплект цифр предназначен для обычного, «повседневного» использования. По-китайски он обозначается 小写汉字数字, или сокращенно 小写 (англ. *rod numerals*). Следует отметить несовпадение понятий «цифра» и «число» в китайской и западной традиции. Согласно определениям, цифра — «знак, обозначающий число» [1], а число — «понятие количества, величина, при помощи которой производится счет» [2]. В западной системе цифрами считаются 0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, в то время как в китайскую систему цифр, помимо аналогичных им 一、二、三、四、五、六、七、八、九, включаются 10 (十)、100 (百)、1000 (千)、10 000 (万)、10^8 (亿)、10^{12}(兆)、10^{16} (京)、10^{20} (垓)、10^{22} (秭)、10^{28} (穰)、10^{32} (沟)、10^{36} (涧)、10^{40} (正)、10^{44} (载) как имеющие свое иероглифическое обозначение.

Кроме комплекта цифр для повседневного использования, в Китае существует комплект цифр, предназначенный для использования в финансово-коммерческой и юридической сферах (по-китайски 大写汉字数字, или 大写). Мы предлагаем в качестве русскоязычного аналога использовать термин «формальные цифры». Причиной существования набора официальных цифр является простота цифр повседневного использования в иероглифическом плане, в связи с которой возникает путаница, недопустимая в финансовых и юридических документах. Например, написанную от руки цифру 八 (8) можно спутать с 九 (9).

В таблице 1 приведено соответствие арабского комплекта цифр и его китайских — обычного и формального — аналогов.

Таблица 1

Соответствие арабского комплекта цифр и его китайских аналогов

Арабский аналог 阿拉伯数字	Формальные 大写汉字数字		Обычные 小写汉字数字	
	традиционные 繁体字	упрощенные 简化的汉字	традиционные 繁体字	упрощенные 简化的汉字
0	零		零/〇	
1	壹		一	
2	貳	贰	二	
3	參	叁	三	
4	肆		四	
5	伍		五	
6	陸	陆	六	
7	柒		七	
8	捌		八	
9	玖		九	
10	拾		十	
100	佰		百	
1000	仟		千	
10 000	萬		萬	万
100 000 000	億		億	亿

[1] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М. : Мир и Образование, 2016. 736 с. С. 702.

[2] Там же. С. 708.

Начиная с 10^{12}, обычные цифры не нуждаются в «дубляже» в связи с усложнением их иероглифического облика. В таблице 2 представлено соответствие арабских цифр с комплектом обычных цифр-иероглифов в их традиционной и упрощенной версиях.

Таблица 2

Соответствие арабских цифр с комплектом обычных цифр-иероглифов

Арабский аналог 阿拉伯数字	Обычные 小写汉字数字	
	традиционные 繁体字	упрощенные 简化的汉字
10^{12}	兆	
10^{16}	京	
10^{20}	垓	
10^{22}	秭	
10^{28}	穰	
10^{32}	溝	沟
10^{36}	澗	涧
10^{40}	正	
10^{44}	載	载

Поскольку у иероглифа 兆 существует значение «мегабайт», то в континентальном Китае он не используется, будучи в употреблении лишь на Тайване.

Помимо двух комплектов цифр для повседневного и формального использования, в Китае существуют комплекты символов, называемые «Небесные стволы / 天干» и «Земные ветви / 地支». Данные комплекты являются аналогами римских цифр, поэтому последние крайне редко употребляются в Китае.

«Небесные стволы» — циклические знаки десятеричного цикла: 甲、乙、丙、丁、戊、己、庚、辛、壬、癸. В древнем Китае они использовались для записи дней, в современном Китае: при нумерации реплик (первый говорящий обозначается 甲, второй — 乙 и т. д.); при обозначении вариантов в упражнениях на множественный выбор; в органической химии вместо арабских цифр (метанол — 甲醇 *jiǎchún*; этанол — 乙醇 *yǐchún*); в медицинской терминологии (гепатит А — 甲型肝炎 *jiǎxíng gānyán*; гепатит В — 乙型肝炎 *yǐxíng gānyán*); в названиях витаминов; в наименованиях серий спортивных лиг (Серия А — 意甲 *yìjiǎ*); при обозначении студенческих степеней на Тайване (для обозначения степени с отличием первому символу из комплекта «Небесные стволы» предшествует символ 優); для обозначения понятий в астрологии и фэншуе.

Комплект «Земные ветви» состоит из знаков двенадцатеричного цикла: 子、丑、寅、卯、辰、巳、午、未、申、酉、戌、亥. Данная система основана на наблюдениях за орбитой Юпитера, в результате которых китайские астрономы разделили небесный цикл на 12 секций (12 лет), которые в свою очередь определяются соотносящимися с ними животными. С помощью комплекта «Земные ветви» в Китае обозначаются года, времена года, месяцы, время суток, направления.

Подобно поперечным и продольным нитям в ткани, символы «Небесных стволов» и «Земных ветвей» «переплетаются», формируя 60 комбинаций для обозначения времени суток, дней, месяцев, лет [3].

Возможно ли символы «Небесных стволов» и «Земных ветвей», так как они не употребляются для счета в привычном смысле слова, назвать цифрами? Если следовать приведенному ранее определению цифры из Толкового словаря С.И. Ожегова, то отнесение к цифрам этих символов, выполняющих функцию исчисления (например, летоисчисление), является оправданным.

В Китайской Народной Республике использование различных комплектов цифр регламентировано Государственным стандартом GBT 5835–2011 «Общие правила написания числительных в публикациях»《中华人民共和国国家标准 GBT 15835–2011 出版物上数字用法的规定》[4]. Согласно данному нормативному документу, арабские цифры следует применять при нумерации (复兴路 11 号), а также для записи расчетов с целью достижения четкости, сопровождая их буквенной записью единиц измерения (523,56 km или 523,56 千米). Некоторые стандартные фразы из сферы общественной жизни могут содержать как арабские цифры (3G手机, MP3播放器, G8峰会), так и иероглифы (星期五, 四氧化三铁, 八国联军, 六方会谈, 二百五, 五讲四美, 八九不离十, 五四运动).

[3] Взаимодействие Небесных стволов и Земных ветвей. URL : http://bbs.liuxue86.com/62796.html

[4] Государственный стандарт КНР GBT 5835–2011. Общие правила написания числительных в публикациях.

Комплекты «Небесные стволы» и «Земные ветви» традиционно используются при летоисчислении, в обозначении лунного календаря, при обозначении исторических дат (например, времени правления династий) и иных аспектов (丙寅年十月十五日, 腊月二十三, 八月十五中秋, 秦文公四十四年, 清咸丰十年).

Если фраза, содержащая числительное, состоит из небольшого количества цифр, ее можно обозначить и как иероглифическую запись, и как арабские цифры: 76岁（七十六岁）, 20世纪80年代（二十世纪八十年代）, 1997年7月1日（一九九七年七月一日）, 4个月（四个月）12天（十二天）.

Однако для четкости восприятия фразы рекомендуется использование арабские цифры, а в целях придания высказыванию торжественности предпочтительно употребление иероглифов: 北京时间2008年5月12日14时28分 十一届全国人大一次会议 (не пишут «11届全国人大1次会议»). При этом контекст следует выдерживать в одной форме 2008年8月8日 или 二〇〇八年八月八日(не пишут «二〇〇八年8月8日») и избегать двусмысленности, создаваемой смежностью арабских цифр, например: 高三3个班 или 高三三个班 (не пишут «高33个班»), 高三2班 или 高三2班 (не пишут «高32班»).

В юридических, общественных и финансовых документах допустимо использование одновременно двух комплектов обычных и официальных цифр: 2008年4月保险账户结算日利率为万分之一点五七五零 (0,015750 %). Область использования формального комплекта цифр ограничена юридической и финансовой сферой.

Относительно употребления арабской цифры «0» и ее китайских иероглифических вариантов «零» и «〇» предписано во время подсчетов использовать «零», а при нумерации «〇»: 3052 (个) обозначается «三千零五十二» (не пишут «三千〇五十二»), «公元 2012 (年)» обозначается «二〇一二» (не пишут «二零一二»).

Арабские цифры и цифры-иероглифы, когда число очень большое, используются одновременно. В таких случаях для этих целей, наряду с арабскими, употребляются «万» и «亿»: 我国1982年人口普查人数为10亿0817万5288人。

Государственный стандарт, регулирующий употребление разных комплектов цифр в китайском языке, представляет собой объект интереса с практической точки зрения для изучающих китайский язык и преподавателей. Его научная ценность для отечественных лингвистов заключается в том, что большая часть книг по фундаментальной грамматике китайского языка была написана до принятия данного нормативного документа. В связи с этим возникает настойчивая необходимость в ознакомлении с ним круга заинтересованных лиц, тем более что в современных учебниках и учебных пособиях по китайскому языку при объяснении темы «Числительные» отсутствуют на него ссылки.

Изложенный в статье системный анализ наиболее активно используемых в современном китайском языке комплектов символов для исчисления доказал, что все они могут считаться цифрами. В результате проведенного исследования были выявлены механизмы взаимодействия различного вида китайских числительных и предложено введение отсутствующего до этого в отечественной синологии для комплекта цифр финансовой сферы термина «формальные цифры».

Рассмотренные в статье пять комплектов цифр являются самыми распространенными в Китае, но не единственными. Очень редко встречаются римские цифры, сфера их употребления ограничивается деловыми договорами с иностранными партнерами. Существует также традиционный китайский комплект Сучжоуских цифр (苏州花码), берущий начало в династии Южная Сун. В настоящее время он используется на ценниках товаров на китайских рынках и торговых счетах-фактурах, написанных от руки. Обладают своими комплектами цифр и некоторые диалектные формы китайского языка. В целом тема цифр и чисел в китайском языке весьма обширна и представляет собой перспективный материал для дальнейшего исследования.

Список использованной литературы

1. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов ; под ред. Л.И. Скворцова. — 27-е изд., испр. — М. : Мир и Образование, 2016. — 736 с.

2. 天干地支作用关系。Взаимодействие Небесных стволов и Земных ветвей [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://bbs.liuxue86.com/62796.html (на кит. яз.)

3. 中华人民共和国国家标准 GBT 15835–2011 出版物上数字用法的规定。Государственный стандарт КНР GBT 5835–2011. Общие правила написания числительных в публикациях [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.doc88.com/p-8106148835604.html (на кит. яз.)

References

1. Ozhegov, S.I. Tolkovy slovar' russkogo yazyka [Tekst] / ed by. L.I. Skvortsova. — 27th Edition, revised — M. : Mir i Obrazovanie, 2016. — 736 p. (in Russ.)

2. Interactions Between Heavenly Stems and Earthly Branches [Electronic resource]. — Mode of access : http://bbs.liuxue86.com/62796.html (in Chin.)

3. The People's Republic of China National standard GBT 5835–2011. General Rules for Writing Numerals in Publications [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.doc88.com/p-8106148835604.html (in Chin.)

Сведения об авторе

Банкова Людмила Львовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и европейских языков Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Почтовый адрес: 603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а. Тел.: (831) 416-60-09. Электронная почта: lwittsa@yandex.ru

Bankova, Liudmila — PhD (Philology), Associate Professor, Dpt. of Oriental and European Languages, Linguistics University of Nizhny Novgorod named for N.A. Dobroliubov. Postal address: 31a, Minin St., 603155, Nizhni Novgorod, Russia. Tel.: (831) 416-60-09. E-mail: lwittsa@yandex.ru

УДК 81'32

М.А. Гриц

Онтология как средство формализации лексического значения
(на английском языке)

Статья посвящена проблеме формализации лексического значения, ставшей актуальной в области информатики в рамках парадигмы семантической паутины. Семантическая паутина представляет собой новую ступень развития интернета, на которой поиск по ключевым словам может быть заменен поиском, основанным на смысловом анализе веб-документов. Для осуществления смыслового анализа веб-документов в автоматическом режиме необходимы специальные базы знаний — онтологии. Онтология представляет собой логическую теорию, дающую формальное описание лексических значений терминов в соответствии с концептуализацией, лежащей в основе онтологии. Лексическое значение термина выражено аксиомами теории, написанными на формальном языке, разработанном с целью создания онтологий, при этом термин является единицей словаря формального языка. Точность формальных дефиниций зависит от выразительных возможностей формального языка, применяемого для создания онтологии. Сегодня в практике создания онтологий широкое применение имеет язык OWL, рекомендованный консорциумом Всемирной паутины. Первый стандарт языка OWL (OWL1) был опубликован на официальном сайте консорциума в 2004 году, в настоящее время используется второй стандарт этого языка (OWL2), опубликованный в 2009 году. В статье рассматриваются базовые синтаксические правила формального языка OWL2, применение которых иллюстрируется двумя формальными дефинициями, извлеченными из онтологий ENVO и UBERON. По результатам анализа извлеченных дефиниций впервые поднимается проблема избыточности формальных дефиниций, составляющих современные онтологии. Решением проблемы, по мнению автора, должна стать методика формализации лексических значений терминов посредством языка OWL2.

формализация лексического значения, онтология, концептуализация, формальный язык OWL, формальная дефиниция, семантическая паутина

Gritz, Maria

An ontology as a medium of lexical meaning formal representation

The article examines the issue of lexical meaning formalization raised in computer science within the Semantic Web paradigm. An ontology is a logical theory that provides a formal account for lexical meanings of terms in accordance with an underlying conceptualization. A lexical meaning of a term is conveyed by axioms of a theory written in a formal language developed for the purpose of ontology engineering, the term being considered as a formal language vocabulary unit. The accuracy of formal definitions depends on expressiveness of the formal language implemented for ontology development. The article discusses the basic syntactic rules of a highly expressive ontology language OWL2, and their use in formal definitions construction is instantiated by means of two formal definitions extracted from the ENVO ontology and the UBERON ontology.

lexical meaning formalization, ontology, conceptualization, the Web Ontology Language (OWL), formal definition, the Semantic Web

© Гриц М.А., 2017

The issue of lexical meaning formalization came up as soon as the Semantic Web paradigm of the World Wilde Web evolution had emerged. The term *Semantic Web* was coined by Tim Berners-Lee, the creator of the World Wide Web, to mean "*an extension of the current one (Web), where information is given a well-defined meaning, better enabling computers and people to work in co-operation*" [1]. The idea was meant to address the challenge of search engine power evolution imposed by current World Wide Web constraints.

Although the World Wide Web is seen as one of the greatest achievements in the sphere of information search and share throughout the human history, the current Web keyword-based search technology is being subjected to wide criticism because search results are frequently flooded with an array of irrelevant data that seems to be unmanageable to a user. Besides, search engines are still unable to integrate information from different Web resources to answer complex queries. The problem stems straight from the reliance of Web content on languages like HTML that were designed to present information on a Web page correctly and render it to a browser, but that were not intended to make a machine understand the presented data and reason about it [2].

A technology that allows to render series of machine understandable statements defining lexical meanings of domain terms is supposed to be a key to the Semantic Web. Within the Semantic Web paradigm lexical meaning is understood in the same manner as intension within the intensional logic paradigm: a lexical meaning of a term is a scope of attributes an object or a relation must possess to be denoted by means of the term [3]. The core of the technology is a knowledge base that integrates all the statements that constitute a formal description of a lexical meaning. Knowledge bases of this kind are signified as ontologies [4]. The term *ontology* has been borrowed from philosophy and is currently used in the field of Artificial Intelligence (AI) to refer to an engineering artifact, which is essentially "*a logical theory accounting for intended meaning of a formal vocabulary*" [5]. The key role of ontologies in formal representation of lexical meaning was emphasized by T. Gruber, who defined an ontology as "*a specification of a representational vocabulary for a shared domain of discourse*" [6].

A logical theory of a domain is a set of axioms – formal statements that convey something true about the domain of discourse in a particular interpretation *I*, which is referred to as a model of a statement:

$$I \vDash S$$

and is definable in terms of the set theory [7]. The statements are composed by means of formal language logical symbols with fixed meanings and non-logical symbols with application-dependent

---

[1] Berners-Lee T., Hendler J., Lassila O. The Semantic Web // Scientific American. 2001. N 284 (5). P. 35.

[2] Berners-Lee T., Hendler J., Lassila O. The Semantic Web. P. 35–43 ; Heflin J. An Introduction to the OWL Web Ontology Language. 2007. URL : http://www.cse.lehigh.edu/~heflin/IntroToOWL.pdf (date of access: 1.03.2017) ; Horrocks I. Ontologies and the semantic web // Communications of ACM. 2008. N 51 (11). P. 58–67 ; OWL: a Description Logic Based Ontology Language for the Semantic Web / I. Horrocks, P.F. Patel-Schneider, D.L. McGuiness, C.A. Welty // The Description Logic Handbook: Theory, Implementation, and Applications. ch. 14. Second edition. Chambridge University Press, 2007. P. 458–487.

[3] Fitting M. Intensional Logic // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Summer 2015 Edition. URL : https://plato.stanford.edu/entries/logic-intensional/ (date of access: 1.03.2017) ; Gasparri L., Marconi D. Word Meaning // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Spring 2016 Edition. URL : https://plato.stanford.edu/archives/spr2016/entries/word-meaning/ (date of access: 16.03.2017) ; Hirst G. Ontologies and lexicons // A Handbook on Ontologies. International Handbooks on Information Systems. Berlin ; Heidelberg : Springer, 2004. P. 209–230.

[4] Berners-Lee T., Hendler J., Lassila O. The Semantic Web. P. 35–43 ; Gruber T.R. A Translation Approach to Portable Ontology Specifications // Knowledge Acquisition. 1993. N 5 (2). P. 199–220 ; Horrocks I. Ontologies and the semantic web. P. 58–67 ; Maedche A., Staab S. Ontology Learning for the Semantic Web // IEEE Intelligent Systems and Their Applications. 2001. Vol. 16, N 2. P. 72–79 ; OWL: a Description Logic Based Ontology Language for the Semantic Web. P. 458–487.

[5] Guarino N. Formal Ontology and Information Systems // Formal Ontology in Information Systems. Proceedings of the FOIS'98, Italy, Trento, 1998, June 6–8. P. 7.

[6] Gruber T.R. A Translation Approach to Portable Ontology Specifications. P. 199.

[7] Grimm S., Hitzler P., Abecker A. Knowledge Representation and Ontologies: Logic, Ontologies and Semantic Web Languages // Semantic Web Services. USA, New York : Springer, 2007. P. 51–105 ; Hodges W. Model Theory // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Fall 2013 Edition. URL : https://plato.stanford.edu/entries/model-theory/ (date of access: 1.03.2017).

meanings. Non-logical symbols constitute a formal language vocabulary. A term is viewed as a unit of a formal language vocabulary equal to a predicate, functional, or constant symbol of the first order logic. The logical category ascribed to a term depends on a type of reference, i.e. constant symbols designate individuals; predicate and functional symbols denote relations and functions over a domain [8]. In accordance with the traditions of intensional logic a scope of referents a symbol designates is denoted as an extension of the symbol, whereas a scope of attributes a referent has to possess to be denoted by a symbol is designated as an intension of the symbol [9].

A domain of discourse is regarded in a set of possible worlds, otherwise a term could only be used to denote a particular relation, which takes place in a particular state of affairs. For this reason, the opposition between intensional relations and extensional relations has been introduced, the former referring to units of a conceptualization, the latter denoting units of a domain [10]. A conceptualization is understood as a set of intensional relations [11]. An intensional relation is a function from possible worlds to extensional relations feasible in a domain of discourse:

$$\mathfrak{R}^n : W \to 2^{D^n}.$$

In other words, every intensional relation is a set of homogeneous extensional relations observed in a scope of possible worlds. Every intensional relation forms a set of extensions relative to an intended world structure of the conceptualization:

$$E_{\mathfrak{R}} = \{\mathfrak{R}(w) | w \in W\},$$

an intended world structure refers to a possible world [12]. A conceptualization underlies an ontology, and it might be shared by several ontologies [13].

Domain units and conceptualization units are represented by units of a formal language vocabulary, the language being designed for the purpose of ontology development. Vocabularies of RDFS [14] and OWL [15], the formal languages recommended for ontology development by the WWW Consortium, include predicate symbols and constant symbols that acquire extensional interpretation in reference to extensional relations and bound domain individuals:

$$I : V \to R \cup D,$$

and intensional interpretation in reference to intensional relations and bound domain individuals:

$$\mathfrak{I} : V \to \mathfrak{R} \cup D.$$

A set of all extensional interpretations of language symbols is a set of logical models of a formal language *L*, whereas a set of intensional interpretations forms an ontological commitment *K* for the

[8] Brachman R.J., Levesque H.J. Knowledge representation and reasoning. USA, San Francisco : Morgan Kaufmann Publishers, 2004. 413 p. ; Trentelman K. Survey of Knowledge Representation and Reasoning Systems. Australia, Edinburgh : Defence Science and Technology Organisation (DSTO), 2009. 61 p.

[9] Fitting M. Intensional Logic.

[10] Guarino N. Formal Ontology and Information Systems. P. 3–15.

[11] Guarino N. Formal Ontology and Information Systems. P. 3–15 ; Guarino N., Giaretta P. Ontologies and knowledge bases: Towards a terminological clarification // Towards Very Large Knowledge Bases: Knowledge Building and Knowledge Sharing. The Netherlands, Amsterdam : IOS Press, 1995. P. 25–32.

[12] Guarino N. Formal Ontology and Information Systems. P. 3–15 ; Guizzardi G. Ontological Foundations for Structural Conceptual Models. The Netherlands, Enschede, 2005. 441 p.

[13] Gruber T.R. Toward Principles for the Design of Ontologies used for Knowledge Sharing // International Journal of Human-Computer studies. 1995. N 43 (5). P. 907–928.

[14] McBride B. The Resource Description Framework (RDF) and its Vocabulary Description Language RDFS // A Handbook on Ontologies. International Handbooks on Information Systems. Berlin ; Heidelberg : Springer, 2004. P. 51–66.

[15] Antoniou G., van Harmelen F. Web Ontology Language: OWL // A Handbook on Ontologies. International Handbooks on Information Systems. Berlin ; Heidelberg : Springer, 2004. P. 67–92 ; Heflin J. An Introduction to the OWL Web Ontology Language ; OWL: a Description Logic Based Ontology Language for the Semantic Web. P. 458–487.

formal language L. The scope of logical models that are compatible with the ontological commitment K constitutes a set of intended models $I_K(L)$ of the formal language L [16]. An intended model of a constant symbol represents an object the constant symbol is supposed to designate in accordance with a conceptualization, i.e. in a whole set of possible worlds under investigation. An intended model of a predicate symbol represents a set of objects the predicate symbol is supposed to designate in accordance with a conceptualization, i.e. in a whole set of possible worlds under investigation. Therefore, in reference to an intended model of a predicate symbol we undermine its actual extension understood as a scope of referents it designates.

For example, if we assume that within a domain "Building industry" in a possible world A there is one welder named John who welds reinforcement bars, in a possible world B there are three welders named John, Paul, and Wolf who weld reinforcement bars, and in a possible world C there are two welders named John and George who weld reinforcement bars, we can conclude that a conceptualization of the domain "Building industry" includes the intensional relations represented by the predicate symbols *Welder* and *Welds*:

$$IR1"Welder" = \{welder_A\{John\}, welder_B\{John, Paul, Wolf\},\ welder_C\{John, George\}\},$$

$$IR2"Welds" = \left\{\begin{matrix} welds_A\{(John, bars)\}, \\ welds_B\{(John, bars), (Paul, bars), (Wolf, bars)\}, \\ welds_C\{(John, bars), (George, bars)\} \end{matrix}\right\}.$$

The set of individuals denoted by means of the constant symbols: *John*, *Paul*, *George*, *Wolf* is an intended model of the predicate symbol *Welder*. In other words, we might conclude that the predicate symbol *Welder* has the following extension:

$$\text{Welder}^I = \{\text{John}, \text{Paul}, \text{George}, \text{Wolf}\}.$$

The set of pairs of individuals denoted by means of the constant symbols: *John*, *Paul*, *George*, *Wolf*, *bars* [17] is an intended model of the predicate symbol *Welds*. In other words, we might conclude that the predicate symbol *Welds* has the following extension:

$$\text{Welds}^I = \{(\text{John}, \text{bars}), (\text{Paul}, \text{bars}), (\text{George}, \text{bars}), (\text{Wolf}, \text{bars})\}.$$

An extension of a predicate symbol could be described by means of formal statements that contain the predicate symbol and constant symbols playing the role of the predicate's arguments. A predicate symbol represents a set, whereas a constant symbol represents a member of the set. An unary predicate designates a set of domain individuals, while its argument designates a member of the set. For instance, the extension of the predicate *Welder* could be described by means of four statements: *Welder(John), Welder(Paul), Welder(George), Welder(Wolf).* A binary predicate designates a set of pairs of domain individuals, while its first argument designates the first member of a pair and its second argument denotes the second member of the pair. For instance, the extension of the predicate *Welds* could be described by means of four statements: *Welds(John, bars), Welds(Paul, bars), Welds(George, bars), Welds(Wolf, bars).*

It must be emphasized that since a toy domain is being conceptualized, the sets represented by the predicates *Welder* and *Welds* are considered to be finite, whereas if a real world domain is under conceptualization, most of the denoted sets are supposed to be infinite. There are some exceptions, however. For instance, the set of oceans on the planet Earth is finite so the extension of the predicate *Ocean* could be fully covered by means of four statements: *Ocean(Pacific Ocean),*

[16] Guarino N. Formal Ontology and Information Systems. P. 3–15 ; Guizzardi G. Ontological Foundations for Structural Conceptual Models.

[17] In the example the constant symbol *bars* is used to refer to the construction material a named welder is supposed to work on in a whole set of possible worlds, and the predicate symbol *Bars* is used to denote the set of reinforcement bars under operation in all possible worlds.

Ocean(Arctic Ocean), Ocean(Indian Ocean), Ocean(Atlantic Ocean). Yet, an extension of a predicate could not be covered completely by a scope of statements composed of predicate and constant symbols in most cases, rather these statements allude to definite extensional relations observed in a single possible world or in a scope of possible worlds. Statements of this type are referred to as assertions and are used for the purpose of instantiation of predicate symbols' intended meanings and in the process of ontology population. Statements that render an intension of a predicate are referred to as terminological axioms [18].

Expressive power of terminological axioms depends on syntactic rules imposed by a formal language used for ontology development. For instance, if we assume the first order logic to be a formal language used for the purpose of conceptualization explicit specification, composition of terminological axioms will be conducted by means of the following connectives: "¬", which stands for logical negation, "∧", which stands for logical conjunction, "∨", which stands for logical disjunction, "→", which stands for logical implication, and "=", which stands for logical equality, and two quantifiers: existential quantifier ∃ and universal quantifier ∀. There are several combinations admissible by syntactic rules of the first order logic:

$$\neg\alpha, \alpha \wedge \beta,\ \alpha \vee \beta, \alpha \rightarrow \beta, \alpha = \beta, \forall x.\alpha, \exists x.\alpha,$$

with α and β referring to statements with a predicate symbol and variables in argument positions and x standing for a variable [19]. The intensions of the two predicate symbols that represent the units of our toy conceptualization would acquire the following logical specification:

$$Welds^I \subseteq Welder^I \times Bars^I \vDash \forall x \forall y. Welds(x,y) \rightarrow Welder(x) \wedge Bars(y),$$
$$Welder^I \subseteq Person^I \vDash \forall x. Welder(x) \rightarrow Person(x).$$

These two axioms unveil the intended meanings of the predicates: the unary predicate *Welder* signifies an object as a person whose job is to weld bars; the binary predicate *Welds* signifies the relation that holds between a welder as a subject of the action and reinforcement bars as an object of the action.

Although the first order logic is considered to be the basic knowledge representation formalism, first order logic theories have proved to be semi-decidable [20]. For this reason, in current AI practice the Web Ontology Language (OWL) is used as a decidable fragment of the first order logic for ontology development [21]. OWL is implemented in its last modification OWL2 [22] and its expressive power is used by ontology engineers to convey an intension of a predicate [23]. An unary predicate is signified in OWL2 notation in the same manner as in the preceding version of OWL — as "owl:Class", and a binary predicate is denoted as "owl:ObjectProperty" [24]. Basic syntactic rules of OWL2 implemented in construction of terminological axioms that might be used to clarify an intension of an unary predicate are instantiated in Table 1.

---

[18] Baader F., Nutt W. Basic Description Logics // The Description Logic Handbook: Theory, Implementation and Applications. USA, New York : Cambridge University Press, 2004. P. 43–95.

[19] Brachman R.J., Levesque H.J. Knowledge representation and reasoning ; Genesereth M.R., Nilsson N.J. Logical foundations of artificial intelligence. USA, San Francisco : Morgan Kaufmann Publishers, 1987. 405 p. ; Trentelman K. Survey of Knowledge Representation and Reasoning Systems.

[20] Grimm S., Hitzler P., Abecker A. Knowledge Representation and Ontologies: Logic, Ontologies and Semantic Web Languages. P. 51–105.

[21] Hitzler P., Krötzsch M., Rudolph S. Knowledge Representation for the Semantic Web. Part 1: OWL2 // Knowledge Representation and Reasoning for the Semantic Web – OWL 2 Rules. A tutorial at KI 2009, Germany, Paderborn, 2009, September 15. URL : http://semantic-web-book.org/w/images/b/b0/KI09-OWL-Rules-1.pdf (date of access: 1.03.2017).

[22] OWL 2 Web Ontology Language Primer / P. Hitzler, M. Krötzsch, B. Parsia, S. Rudolph (ed.) // W3C Recommendation 11 December 2012. Second edition. URL : https://www.w3.org/TR/owl2-primer/ (date of access: 1.03.2017).

[23] OWL 2 Web Ontology Language Direct Semantics / B. Motik, P.F. Patel-Schneider, B.C. Grau (ed.) // W3C Recommendation 11 December 2012. Second edition. URL : https://www.w3.org/TR/owl2-direct-semantics/ (date of access: 1.03.2017).

[24] Hitzler P., Krötzsch M., Rudolph S. Knowledge Representation for the Semantic Web.

Table 1

Basic OWL2 admissible statements in set theory based interpretation

OWL2 admissible statement	Set theory based interpretation
<owl:Class rdf:ID="Noun"> <owl:subClassof rdf:resource = "#Part of Speech"/> </owl:Class>	$Noun^I \subseteq PartofSpeech^I$
<owl:Class rdf:ID="Multlingualism"> <owl:equivalentClass rdf:resource="#Polylingualism"/> </owl:Class>	$Multilingualism^I = Polylingualism^I$
<owl:Class rdf:ID="Vowel"> <owl:disjointWith rdf:resource="#Consonant"/> </owl:Class>	$Vowel^I \cap Consonant^I = \emptyset$
<owl:Class rdf:ID="Adverb"> <owl:equivalentClass> <owl:Class> <owl:intersectionOf rdf:parseType="Collection"> <owl:Class rdf:resource="#Part of Speech"/> <owl:Class rdf:resource="#Modifier"/> </owl:intersectionOf> </owl:Class> </owl:equivalentClass> </owl:Class>	$Adverb^I = PartofSpeech^I \cap Modifier^I$
<owl:Class rdf:ID="Morpheme"> <owl:equivalentClass> <owl:Class> <owl:unionOf rdf:parseType="Collection"> <owl:Class rdf:resource="#Free Morpheme"/> <owl:Class rdf:resource="#Bound Morpheme"/> </owl:unionOf> </owl:Class> </owl:equivalentClass> </owl:Class>	$Morpheme^I = FreeMorpheme^I \cup BoundMorpheme^I$
<owl:Class rdf:ID="Dead Language"> <owl:equivalentClass> <owl:Class> <owl:complementOf rdf:resource="#Modern Language"/> </owl:Class> </owl:equivalentClass> </owl:Class>	$DeadLanguage^I = \neg ModernLanguage^I$
<owl:Class rdf:ID="Phoneme"> <owl:equivalentClass> <owl:Restriction> <owl:onProperty rdf:resource="#has Realization"/> <owl:allValuesFrom rdf:resource="#Allophone"/> </owl:Restriction> </owl:equivalentClass> </owl:Class>	$Phoneme^I = \left\{ x \in \Delta^I \middle\vert \begin{array}{c} \forall y. (x,y) \in hasRealization^I \\ \rightarrow\ y \in Allophone^I \end{array} \right\}$
<owl:Class rdf:ID="Adjective Phrase"> <owl:equivalentClass> <owl:Restriction> <owl:onProperty rdf:resource="#has Headword"/> <owl:someValuesFrom rdf:resource="#Adjective"/> </owl:Restriction> </owl:equivalentClass> </owl:Class>	$AdjectivePhrase^I = \left\{ x \in \Delta^I \middle\vert \begin{array}{c} \exists y. (x,y) \in hasHeadword^I \\ \wedge\ y \in Adjective^I \end{array} \right\}$

Table 1 (end)

OWL2 admissible statement	Set theory based interpretation
<owl:Class rdf:ID="Bilingual Person"> <owl:equivalentClass> <owl:Restriction> <owl:onProperty rdf:resource="#speaks"/> <owl:onClass rdf:resource="#Language"/> <owl:qualifiedCardinality rdf:datatype="&xsd;nonNegativeInteger">2 </owl:qualifiedCardinality> </owl:Restriction> </owl:equivalentClass> </owl:Class>	$BilingualPerson^I = \left\{ x \in \Delta^I \middle\vert \left\vert \left\{ y \middle\vert \begin{matrix} (x,y) \in speaks^I \\ \wedge\, y \in Language^I \end{matrix} \right\} \right\vert = 2 \right\}$
<owl:Class rdf:ID="Multilingual Person"> <owl:equivalentClass> <owl:Restriction> <owl:onProperty rdf:resource="#speaks"/> <owl:onClass rdf:resource="#Language"/> <owl:minQualifiedCardinality rdf:datatype="&xsd;nonNegativeInteger">3 </owl:minQualifiedCardinality> </owl:Restriction> </owl:equivalentClass> </owl:Class>	$MultilingualPerson^I = \left\{ x \in \Delta^I \middle\vert \left\vert \left\{ y \middle\vert \begin{matrix} (x,y) \in speaks^I \\ \wedge\, y \in Language^I \end{matrix} \right\} \right\vert \geq 3 \right\}$
<owl:Class rdf:ID="Monolingual Person"> <owl:equivalentClass> <owl:Restriction> <owl:onProperty rdf:resource="#speaks"/> <owl:onClass rdf:resource="#Language"/> <owl:maxQualifiedCardinality rdf:datatype="&xsd;nonNegativeInteger">1 </owl:maxQualifiedCardinality> </owl:Restriction> </owl:equivalentClass> </owl:Class>	$MonolingualPerson^I = \left\{ x \in \Delta^I \middle\vert \left\vert \left\{ y \middle\vert \begin{matrix} (x,y) \in speaks^I \\ \wedge\, y \in Language^I \end{matrix} \right\} \right\vert \leq 1 \right\}$

According to the data presented in Table 1, OWL2 axioms might be used to define an unary predicate's intension in terms of set inclusion, disjointness, and equivalence relations, Boolean combinations: intersection, union, and complement, as well as quantification and cardinality restrictions imposed on a range of a binary relation represented by a binary predicate on condition that the unary predicate designates the domain of the binary relation.

In practice, however, OWL2 statements used to define unary predicates' intensions are much more sophisticated and complicated. The definitions of the terms *pair of nares* and *hydrographic feature* proposed in the UBERON ontology [25] and the ENVO ontology [26] are suitable illustrations (see Figures 1, 2). Please note that some ontology metadata have been withdrawn from the original code so that the remaining part of the code could represent precisely the formal definitions of the terms.

Each term defined by means of an ontology is an rdf resource identified by a unique URI (Uniform Resource Identifier). An URI of a term is usually represented both in the form of a URL (Uniform Resource Locator) used to locate the term on the Internet and in the form of a relative

[25] Uberon, an integrative multi-species anatomy ontology / C.J. Mungall, C. Torniai, G.V. Gkoutos [et al.] // Genome Biology. 2012. N 13: R5. URL : http://genomebiology.biomedcentral.com/articles/10.1186/gb-2012-13-1-r5 (date of access: 16.03.2017).

[26] The Environment ontology in 2016: bridging domains with increased scope, semantic density, and interoperation / P.L. Buttigieg, E. Pafilis, S.E. Lewis [et al.] // Journal of Biomedical Semantics. 2016. N 7(1), 57. URL : http://jbiomedsem.biomedcentral.com/articles/10.1186/s13326-016-0097-6#Abs1 (date of access: 16.03.2017).

URI, which is a string of literals or numbers [27]. Since most terms in the examples under investigation are represented in OWL2 code by means of URLs, their literal values have been identified via the OBO Foundry service (see Table 2).

```
    <owl:Class
rdf:about="http://purl.obolibrary.org/obo/UBERON_0002109">
        <owl:equivalentClass>
            <owl:Class>
                <owl:intersectionOf rdf:parseType="Collection">
                    <rdf:Description
rdf:about="http://purl.obolibrary.org/obo/UBERON_0034925"/>
                    <owl:Class>
                        <owl:intersectionOf
rdf:parseType="Collection">
                            <owl:Restriction>
                                <owl:onProperty
rdf:resource="http://purl.obolibrary.org/obo/RO_0002351"/>
                                <owl:minQualifiedCardinality
rdf:datatype="http://www.w3.org/2001/XMLSchema#nonNegativeInteger">
2</owl:minQualifiedCardinality>
                                <owl:onClass
rdf:resource="http://purl.obolibrary.org/obo/UBERON_0000003"/>
                            </owl:Restriction>
                            <owl:Restriction>
                                <owl:onProperty
rdf:resource="http://purl.obolibrary.org/obo/RO_0002351"/>
                                <owl:maxQualifiedCardinality
rdf:datatype="http://www.w3.org/2001/XMLSchema#nonNegativeInteger">
2</owl:maxQualifiedCardinality>
                                <owl:onClass
rdf:resource="http://purl.obolibrary.org/obo/UBERON_0000003"/>
                            </owl:Restriction>
                        </owl:intersectionOf>
                    </owl:Class>
                </owl:intersectionOf>
            </owl:Class>
        </owl:equivalentClass>
        <rdfs:subClassOf>
            <owl:Restriction>
                <owl:onProperty
rdf:resource="http://purl.obolibrary.org/obo/BFO_0000050"/>
                <owl:someValuesFrom
rdf:resource="http://purl.obolibrary.org/obo/UBERON_0000004"/>
            </owl:Restriction>
        </rdfs:subClassOf>
        <rdfs:subClassOf>
            <owl:Restriction>
                <owl:onProperty
rdf:resource="http://purl.obolibrary.org/obo/BFO_0000051"/>
                <owl:someValuesFrom
rdf:resource="http://purl.obolibrary.org/obo/UBERON_0000003"/>
            </owl:Restriction>
        </rdfs:subClassOf>
…
        <rdfs:label
rdf:datatype="http://www.w3.org/2001/XMLSchema#string">pair of
nares</rdfs:label>
    </owl:Class>
```

Fig. 1. Formal definition of the term *pair of nares* proposed in the UBERON ontology

[27] Berners-Lee T., Hendler J., Lassila O. The Semantic Web. P. 35–43 ; Heflin J. An Introduction to the OWL Web Ontology Language.

```
<owl:Class
rdf:about="http://purl.obolibrary.org/obo/ENVO_00000012">
        <rdfs:label
rdf:datatype="http://www.w3.org/2001/XMLSchema#string">hydrographic
feature</rdfs:label>
        <owl:equivalentClass>
            <owl:Class>
                <owl:unionOf rdf:parseType="Collection">
                    <owl:Class>
                        <owl:intersectionOf
rdf:parseType="Collection">
                            <rdf:Description
rdf:about="http://purl.obolibrary.org/obo/ENVO_00002297"/>
                            <owl:Restriction>
                                <owl:onProperty
rdf:resource="http://purl.obolibrary.org/obo/RO_0002220"/>
                                <owl:someValuesFrom
rdf:resource="http://purl.obolibrary.org/obo/ENVO_00000063"/>
                            </owl:Restriction>
                        </owl:intersectionOf>
                    </owl:Class>
                    <owl:Restriction>
                        <owl:onProperty
rdf:resource="http://purl.obolibrary.org/obo/ENVO_01001307"/>
                        <owl:someValuesFrom
rdf:resource="http://purl.obolibrary.org/obo/ENVO_00002006"/>
                    </owl:Restriction>
                </owl:unionOf>
            </owl:Class>
        </owl:equivalentClass>
        <rdfs:subClassOf
rdf:resource="http://purl.obolibrary.org/obo/ENVO_00000000"/>
…
    </owl:Class>
```

Fig. 2. Formal definition of the term *hydrographic feature* proposed in the ENVO ontology

Table 2

URIs of the terms under investigation

Resource identification of the terms (full URI)	Literal identification of the terms (relative URI)
http://purl.obolibrary.org/obo/UBERON_0002109	Pair of nares
http://purl.obolibrary.org/obo/RO_0002351	Has member
http://purl.obolibrary.org/obo/UBERON_0000003	Naris
http://purl.obolibrary.org/obo/UBERON_0034925	Anatomical collection
http://purl.obolibrary.org/obo/BFO_0000051	Has part
http://purl.obolibrary.org/obo/BFO_0000050	Part of
http://purl.obolibrary.org/obo/UBERON_0000004	Nose
http://purl.obolibrary.org/obo/ENVO_00000012	Hydrographic feature
http://purl.obolibrary.org/obo/ENVO_00002297	Environmental feature
http://purl.obolibrary.org/obo/RO_0002220	Adjacent to
http://purl.obolibrary.org/obo/ENVO_00000063	Water body
http://purl.obolibrary.org/obo/ENVO_01001307	Partially surrounded by
http://purl.obolibrary.org/obo/ENVO_00002006	Water
http://purl.obolibrary.org/obo/ENVO_00000000	Geographic feature

Under the basic principles of OWL2 terminological axioms interpretation (see Table 1) the formal definitions of the terms *pair of nares* and *hydrographic feature* proposed in the UBERON ontology and in the ENVO ontology should be given the set theory based interpretations proposed in Tables 3 and 4. Informal interpretations of the definitions are introduced in the right columns of Tables 3 and 4.

Table 3

Interpretation of the formal definition of the term *pair of nares* given in the UBERON ontology

Set theory based interpretation of the formal definition of the term *pair of nares*	Informal interpretation of the formal definition of the term *pair of nares*
$(PairofNares^I = AnatomicalCollection^I \cap (\{x \in \Delta^I \mid \lvert\{y \mid (x,y) \in hasmember^I \wedge y \in Naris^I\}\rvert \geq 2\} \cap \{x \in \Delta^I \mid \lvert\{y \mid (x,y) \in hasmember^I \wedge y \in Naris^I\}\rvert \leq 2\})) \subseteq (\left\{x \in \Delta^I \middle\vert \begin{matrix} \exists y.(x,y) \in partOf^I \\ \wedge\ y \in Nose^I \end{matrix}\right\} \cup \left\{x \in \Delta^I \middle\vert \begin{matrix} \exists y.(x,y) \in hasPart^I \\ \wedge\ y \in Naris^I \end{matrix}\right\})$	A pair of nares is an anatomical collection that has no more and no less than two naris as members and is considered to be a part of a nose and to have a naris as a part.

In the UBERON ontology the term *pair of nares* has been given a fairly simple informal definition: the term has been defined by means of the synonym *pair of nostrils*. In contrast, the formal definition is overburdened with details: the term *pair of nares* is supposed to denote a set equal to the intersection of a set designated by the term *anatomical collection* with an unnamed set of individuals that have no more and no less than two members belonging to a set designated by the term *naris*. The intersection is supposed to be a subset of an unnamed set of individuals that are considered to be a part of a nose and a subset of an unnamed set of individuals that have a naris as a part. The formal definition of the term *pair of nares* given in the UBERON ontology should be given the following informal interpretation: "*A pair of nares is an anatomical collection that has no more and no less than two naris as members and is considered to be a part of a nose and to have a naris as a part*". In order to shorten this overburdened formal definition, we should remove some redundant details such as the axiom stating that a set designated by the term *pair of nares* is a subset of an unnamed set of individuals that have a naris as a part and specify that an anatomical collection is supposed to have naris as members in the quantity of 2. As a result, the formal definition interpreted by means of the set theory based formula:

$$(PairofNares^I = AnatomicalCollection^I \cap \{x \in \Delta^I \mid \lvert\{y \mid (x,y) \in hasmember^I \wedge y \in Naris^I\}\rvert = 2\}) \subseteq \left\{x \in \Delta^I \middle\vert \begin{matrix} \exists y.(x,y) \in partOf^I \\ \wedge\ y \in Nose^I \end{matrix}\right\},$$

might be used to state that a pair of nares is an anatomical collection that has only two naris as members and is considered to be a part of a nose.

Table 4

Interpretation of the formal definition of the term *hydrographic feature* given in the ENVO ontology

Set theory based interpretation of the formal definition of the term *hydrographic feature*	Informal interpretation of the formal definition of the term *hydrographic feature*
$(HydrographicFeature^I = (Environmental\ feature^I \cap \left\{x \in \Delta^I \middle\vert \begin{matrix} \exists y.(x,y) \in adjacentto^I \\ \wedge\ y \in WaterBody^I \end{matrix}\right\}) \cup \left\{x \in \Delta^I \middle\vert \begin{matrix} \exists y.(x,y) \in part.surroundedby^I \\ \wedge\ y \in Water^I \end{matrix}\right\}) \subseteq Geographicalfeature^I$	A hydrographic feature is a geographical feature which is an environmental feature that is adjacent to a water body or any other geographical feature that is partially surrounded by water.

According to the formal definition given in the ENVO ontology the term *hydrographic feature* is supposed to denote a set equal to the union of an unnamed set, which is equal to the intersection of a set designated by the term *environmental feature* with an unnamed set of individuals adjacent to a water body, and an unnamed set of individuals partially surrounded by water. The union is supposed to be a subset of a set designated by the term *geographical feature*. The formal definition of the term *hydrographic feature* given in the ENVO ontology should be given the following informal interpretation: "*A hydrographic feature is a geographical feature which is an environmental feature that is adjacent to a water body or any other geographical feature that is partially surrounded by water*". In order to shorten this overburdened formal definition, we should remove the axiom that states the intersection of a set designated by the term *environmental feature* with an unnamed set of individuals adjacent to a water body since in the ENVO taxonomy a geographical feature is considered to be a kind of an environmental feature. As a result, the formal definition interpreted by means of the set theory based formula:

$$(HydrographicFeature^I = \left\{ x \in \Delta^I \middle| \begin{matrix} \exists y.(x,y) \in adjacentto^I \\ \wedge\ y \in WaterBody^I \end{matrix} \right\} \cup$$
$$\left\{ x \in \Delta^I \middle| \begin{matrix} \exists y.(x,y) \in part.surroundedby^I \\ \wedge\ y \in Water^I \end{matrix} \right\}) \subseteq Geographicalfeature^I,$$

might be used to state that a hydrographic feature is a geographical feature that is either adjacent to a water body or is partially surrounded by water.

The revised formal definition of the term *hydrographic feature* specifies the informal definition: "A *hydrographic feature is a geographical feature associated with water*" given in the ENVO ontology by clarifying the way a geographical feature can be associated with water: it might be either adjacent to a water body or be partially surrounded by water.

All the above-mentioned points considered, an ontology is an efficient medium of lexical meaning formal representation on condition that natural language terms are considered as non-logical symbols of a formal language used for ontology development. OWL2 designed and recommended by the WWW Consortium as a universal ontology language provides a variety of syntactic means for comprehension of a term's intension. However, a sophisticated method of lexical meaning formalization is yet to be developed in order to overcome redundancy and insufficiency of formal definitions written in OWL2.

References

1. Antoniou, G. Web Ontology Language: OWL [Text] / G. Antoniou, F. van Harmelen // A Handbook on Ontologies. International Handbooks on Information Systems. — Berlin ; Heidelberg : Springer, 2004. — P. 67–92.
2. Baader, F. Basic Description Logics [Text] / F. Baader, W. Nutt // The Description Logic Handbook: Theory, Implementation and Applications. — USA, New York : Cambridge University Press, 2004. — P. 43–95.
3. Berners-Lee, T. The Semantic Web [Text] / T. Berners-Lee, J. Hendler, O. Lassila // Scientific American. — 2001. — N 284 (5). — P. 35–43.
4. Brachman, R.J. Knowledge representation and reasoning [Text] / R.J. Brachman, H.J. Levesque. — USA, San Francisco : Morgan Kaufmann Publishers, 2004. — 413 p.
5. Fitting, M. Intensional Logic [Electronic resource] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. — Summer 2015 Edition. — Mode of access : https://plato.stanford.edu/entries/logic-intensional/ (date of access: 1.03.2017).
6. Gasparri, L. Word Meaning [Electronic resource] / L. Gasparri, D. Marconi // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. — Spring 2016 Edition. — Mode of access : https://plato.stanford.edu/archives/spr2016/entries/word-meaning/ (date of access: 16.03.2017).
7. Genesereth, M.R. Logical foundations of artificial intelligence [Text] / M.R. Genesereth, N.J. Nilsson. — USA, San Francisco : Morgan Kaufmann Publishers, 1987. — 405 p.
8. Grimm, S. Knowledge Representation and Ontologies: Logic, Ontologies and Semantic Web Languages [Text] / S. Grimm, P. Hitzler, A. Abecker // Semantic Web Services. — USA, New York : Springer, 2007. — P. 51–105.
9. Gruber, T.R. Toward Principles for the Design of Ontologies used for Knowledge Sharing [Text] // International Journal of Human-Computer studies. — 1995. — N 43 (5). — P. 907–928.

10. Gruber, T.R. A Translation Approach to Portable Ontology Specifications [Text] // Knowledge Acquisition. — 1993. — N 5 (2). — P. 199–220.

11. Guarino, N. Formal Ontology and Information Systems [Text] // Formal Ontology in Information Systems. — Proceedings of the FOIS'98, Italy, Trento, 1998, June 6–8. — P. 3–15.

12. Guarino, N. Ontologies and knowledge bases: Towards a terminological clarification [Text] / N. Guarino, P. Giaretta // Towards Very Large Knowledge Bases: Knowledge Building and Knowledge Sharing. — The Netherlands, Amsterdam : IOS Press, 1995. — P. 25–32.

13. Guizzardi, G. Ontological Foundations for Structural Conceptual Models [Text]. — The Netherlands, Enschede, 2005. — 441 p.

14. Heflin, J. An Introduction to the OWL Web Ontology Language [Electronic resource]. — 2007. — Mode of access : http://www.cse.lehigh.edu/~heflin/IntroToOWL.pdf. (date of access: 1.03.2017)

15. Hirst, G. Ontologies and lexicons [Text] // A Handbook on Ontologies. International Handbooks on Information Systems. — Berlin ; Heidelberg : Springer, 2004. — P. 209–230.

16. Hitzler, P. Knowledge Representation for the Semantic Web. Part 1: OWL2 [Electronic resource] / P. Hitzler, M. Krötzsch, S. Rudolph // Knowledge Representation and Reasoning for the Semantic Web — OWL 2 Rules. — A tutorial at KI 2009, Germany, Paderborn, 2009, September 15. — Mode of access : http://semantic-web-book.org/w/images/b/b0/KI09-OWL-Rules-1.pdf (date of access 1.03.2017).

17. Hodges, W. Model Theory [Electronic resource] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. — Fall 2013 Edition. — Mode of access : https://plato.stanford.edu/entries/model-theory/ (date of access: 1.03.2017).

18. Horrocks, I. Ontologies and the semantic web [Text] // Communications of ACM. — 2008. — N 51 (11). — P. 58–67.

19. Maedche, A. Ontology Learning for the Semantic Web [Text] / A. Maedche, S. Staab // IEEE Intelligent Systems and Their Applications. — 2001. — Vol. 16, N 2. — P. 72–79.

20. McBride, B. The Resource Description Framework (RDF) and its Vocabulary Description Language RDFS [Text] // A Handbook on Ontologies. International Handbooks on Information Systems. — Berlin ; Heidelberg : Springer, 2004. — P. 51–66.

21. OWL 2 Web Ontology Language Direct Semantics [Electronic resource] / B. Motik, P.F. Patel-Schneider, B.C. Grau (ed.) // W3C Recommendation 11 December 2012. — Second edition. — Mode of access : https://www.w3.org/TR/owl2-direct-semantics/ (date of access: 1.03.2017).

22. OWL 2 Web Ontology Language Primer [Electronic resource] / P. Hitzler, M. Krötzsch, B. Parsia, S. Rudolph (ed.) // W3C Recommendation 11 December 2012. — Second edition. — Mode of access : https://www.w3.org/TR/owl2-primer/ (date of access: 1.03.2017).

23. OWL: a Description Logic Based Ontology Language for the Semantic Web [Text] / I. Horrocks, P.F. Patel-Schneider, D.L. McGuiness, C.A. Welty // The Description Logic Handbook: Theory, Implementation, and Applications. — Ch. 14. — Second edition. — Chambridge University Press, 2007. — P. 458–487.

24. The Environment ontology in 2016: bridging domains with increased scope, semantic density, and interoperation [Electronic resource] / P.L. Buttigieg, E. Pafilis, S.E. Lewis [et al.] // Journal of Biomedical Semantics. — 2016. — N 7 (1), 57. — Mode of access : http://jbiomedsem.biomedcentral.com/articles/10.1186/s13326-016-0097-6#Abs1 (date of access: 16.03.2017).

25. Trentelman, K. Survey of Knowledge Representation and Reasoning Systems [Text]. — Australia, Edinburgh : Defence Science and Technology Organisation (DSTO), 2009. — 61 p.

26. Uberon, an integrative multi-species anatomy ontology [Electronic resource] / C.J. Mungall, C. Torniai, G.V. Gkoutos [et al.] // Genome Biology. — 2012. — N 13: R5. — Mode of access : http://genomebiology.biomedcentral.com/articles/10.1186/gb-2012-13-1-r5 (date of access: 16.03.2017).

Сведения об авторе

Гриц Мария Александровна — аспирант кафедры образовательных технологий в филологии Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Почтовый адрес: 199004, г. Санкт-Петербург, 1-я линия Васильевского острова, д. 52. Тел.: 8-911-935-26-50. Электронный адрес: maria.gritz@yandex.ru

Gritz, Maria — postgraduate student, the Department of Educational Technologies in Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia. Postal address: Vassilievsky Ostrov, Line 1, 52, St. Petersburg, Russia, 199004. Telephone: 89119352650. E-mail: maria.gritz@yandex.ru

УДК 811.58 + 81’36

М.А. Кошкин

Особенности выражения пассива в китайском языке

В статье рассматриваются теоретические вопросы образования и функционирования страдательного залога (пассива) в китайском языке. Обращается внимание на традиционно основные способы передачи значения пассива: лексико-морфологический, подразумевающий варианты маркирования через словоизменение и/или использование служебных слов, и синтаксический, подразумевающий изменение структуры предложения. Отмечается, что в китайском языке, который относится к нефлективным языкам и не имеет возможности передавать пассив через словоизменение, образование пассива связано, главным образом, с изменением синтаксиса через использование специальных рамочных или иных грамматических конструкций и использование служебных слов — предлогов пассива. Морфологический способ, не затрагивающий структуру предложения, не может быть связан со словоизменением, с введением аффиксов, суффиксов и т. д. В китайском языке морфологический способ представлен специальными глаголами, имеющими пассивную направленность (подвергаться, находиться под воздействием и т. д.).

Автор отдельно останавливается на вариантах маркирования пассива через грамматические конструкции и образования пассивных предложений через возможность совершения действия неодушевленными предметами, находящимися в позиции субъекта, что приводит к образованию понятийно-пассивных предложений, подробно анализирует варианты образования пассива через соответствующие предлоги, а также через использование специальных глаголов с собственным значением пассива.

китайский язык, пассивный залог, грамматика, субъект, подлежащее, объект, дополнение, лексикология, глагол, морфология, препозиция

Koshkin, Maxim

Peculiarities of Expressing Passivity in Chinese

The article examines the formation and functioning of Passive Voice in the Chinese language. The author states that traditionally the main ways of showing the passive meaning are: the lexical-morphological way, which renders the grammatical meaning with the help of inflexions and/or functional words, and the syntactical way, which presupposes grammatical restructuring of the sentence. Chinese as a non-inflectional language does not have an opportunity to make passive voice with the help of inflexions. However, it has at its disposal various means of conveying passivity.

The author particularly describes and gives examples of marking passive meaning with the help of grammar constructions, of rendering passivity by means of inanimate objects in the position of the subject as potential doers of the action (the so-called notional-passive sentence formation). The article also analyzes in detail the variants of passive voice formation with the help of suitable prepositions and with the help of using special verbs that have their own passive meaning.

passive voice, Chinese, language, grammar, subject, object, syntax, lexicology, verb, morphology, preposition

Грамматика китайского языка, в отличие от грамматик европейских языков, все еще изучена и описана недостаточно полно. Это связано прежде всего с отнесенностью китайского языка к языкам изолирующего строя, что в свою очередь предполагает совершенно иной подход к анализу и исследованию различных грамматических явлений. С этой точки зрения интересным представляется изучение способов выражения пассива, или страдательного залога [1].

В русском языке общепринятым считается определение залога как глагольной категории, которая выражает отношение действия к субъекту (производителю действия) и объекту действия (над которым действие производится) [2].

---

[1] Немченко В.Н. Грамматическая терминология : слов.-справ. М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. С. 289.

[2] Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык : учеб. для вузов / под ред. Н.С. Валгиной. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Логос, 2001. С. 240.

© Кошкин М.А., 2017

Залог является одним из базовых языковых явлений. Каждому типу языка свойственны характерные особенности выражения залога, или отношения действия к субъекту и объекту действия. Пассивные конструкции в русском и китайском языках имеют как общие, так и различные черты. Большинство компаративных исследований пассивных конструкций сосредоточено на анализе формально-структурных особенностей пассивного залога, связанных с синтетичностью русского языка и аналитизмом китайского [3].

Принято считать, что основными способами передачи значения пассива являются лексико-морфологический, подразумевающий варианты маркирования через словоизменение и/или использование служебных слов, и синтаксический, подразумевающий изменение структуры предложения. Таким образом, категория залога — категория смешанного, лексико-грамматического вида.

В китайском языке, как и во многих других языках мира, существует разделение предложений по типу строя — залоговому типу. Различают предложения активного строя и предложения пассивного строя. Однако, в отличие от русского языка, где, благодаря возможности введения аффикса *-ся*, суффиксов действительных и страдательных причастий, лексический способ является самым распространенным, в китайском языке не существует возможности передачи пассива через словоизменение. Лексико-морфологический способ связан с использованием специальных глаголов пассива, в то время как синтаксический способ применяется достаточно широко, причем изменение структуры предложения часто сопровождается введением предлогов.

В предложениях активного строя (залога) подлежащее представлено субъектом действия, то есть лицом, выполняющим некое действие над дополнением-объектом воздействия со стороны субъекта.

В предложениях пассивного строя (страдательного залога) подлежащее и дополнение как бы меняются своими функциями. В таких предложениях подлежащее обозначает уже не субъект действия, то есть не лицо, которое выполняет действие, а объект действия, то есть предмет/лицо, на который направлено действие. Как отмечает Д.Э. Розенталь в работе «Современный русский язык», в *активной* конструкции подлежащее называет действующее лицо, сказуемое — действие, а прямое дополнение в винительном падеже без предлога — объект. Основу активной конструкции, как изображено на рисунке 1, составляют подлежащее (действующее лицо) и сказуемое (действие).

Рис. 1. Схема предложения активного строя

Пассивная конструкция (см. рис. 2) содержит подлежащее, называющее объект, сказуемое, называющее действие, и косвенное дополнение в творительном падеже, называющее действующее лицо [4].

Рис. 2. Схема предложения пассивного строя (один из вариантов)

[3] Бочина Т.Г., Ван Цуй. Функционально-когнитивные особенности выражения пассива в русском и китайском языках // Филология и культура. Philology and culture. Казань, 2013. № 4 (34). С. 37.

[4] Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. 14-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2016. С. 232.

В китайском языке основным способом выражения пассива является синтаксический. Лексико-морфологический способ также представлен, хотя и в меньшей мере. Ниже рассмотрены несколько способов выражения пассива.

А) Передача значения пассива при помощи конструкции 是 shì。。。的 de, когда субъект вместе с глаголом вводится в рамочную конструкцию между 是и 的. Только при наличии именно этих двух элементов — *субъекта и глагола*, которые вводятся в рамочную конструкцию, может быть передано значение пассива. Это связано с тем, что конструкция 是。。。的, обрамляющая обстоятельства, дополнения и т. д., не имеет отношения к пассиву, служит для выделения внутрирамочного слова и указывает одновременно на прошедшее время. Например:

这张画儿**是**哥哥画**的**。Эта картина нарисована старшим братом. (Брат + рисовать.)

这件衬衫**是**妈妈买**的**。Эта рубашка куплена мамой. (Мама + покупать.)

我的平板电脑**是**他拿过来**的**。Мой планшетный компьютер принесен им. (Он + приносить.)

Как уже упоминалось выше, введение каких-либо иных членов предложения в рамочную конструкцию 是。。。的 меняет смысл и значение предложения. Например:

我 **是** 昨 天 来 **的**。Я вчера приехал. (Вчера + приезжать.)

Б) Предложения, в которых при сохранении синтаксиса предложения активного строя, где сохраняется классическая схема построения (подлежащее + сказуемое) и в которых место подлежащего — условного субъекта — занимает неодушевленный предмет, также представляют собой предложения пассивного строя. Главным условием является неспособность субъекта, выраженного неодушевленным предметом, к самостоятельному действию. Об этом пишет и Сюй Цзиннин, подчеркивая, что, если объект не может самостоятельно выполнить действие, выраженное глаголом, предложения пассива обычно строятся именно так [5].

В таких предложениях неодушевленный предмет, как правило, выполняет функцию объекта и, оставаясь по сути объектом, переходит на позицию субъекта. Предложения, в которых пассив четко не маркирован предлогами и/или иными показателями страдательного залога, хотя и передают значение пассива, тем не менее являются таковыми прежде всего с точки зрения логики и смысла. В китайской грамматической терминологии такие предложения получили название 意义上的被动句 — понятийно-пассивные предложения. Например:

火车票都买好了。Все билеты на поезд куплены (дословно *купились*).

信写好了，已经寄出去了。Письмо написано (дословно *написалось*) и уже отправлено.

小伙子二十五，**裤子**破了没人补。Молодой человек 25 лет, брюки порвались, а зашить некому. (Частушка, посвященная закоренелым холостякам.)

我的**眼镜**哪儿去了？Куда делись (дословно *куда ушли*) мои очки?

我哥哥的**电脑**坏了。Компьютер моего старшего брата сломан (сломался).

老师的**手表**丢了。Часы учителя потерялись.

衣服洗干净了。Одежда постирана.

В предложениях, в которых субъект представлен неодушевленным предметом, также может применяться рамочная конструкция **是。。。的**, о которой говорилось выше. В этом случае само наличие глагола внутри рамочной конструкции, даже при вынесении субъекта — неодушевленного предмета — за пределы рамочной конструкции, указывает на пассив. Например:

我的大衣是定做的。Мое пальто сделано на заказ.

那本书是在这家商店里买的。Та книга куплена в этом магазине.

В) К морфологическому способу выражения пассива в китайском языке можно отнести употребление отдельных глаголов, которые сами по себе выражают отношения пассива. Примерами таких глаголов, которые чаще всего переводятся на русский язык с аффиксом *-ся,* являются: 遭 zāo — подвергаться; сталкиваться (с неким негативным событием); 挨 ái —

[5] 中级汉语语法讲义/徐晶凝著。北京：北京大学出版社，2008. 1 Лекции по грамматике китайского языка среднего уровня / под ред. Сюй Цзиннин. Пекин : Изд-во Пекин. ун-та, 2008. С. 154.

подвергаться (некоему негативному воздействию); терпеть (голод, холод и т.д.); 受shòu — подвергаться; сталкиваться; получать (в качестве дополнения к этому глаголу могут выступать события, явления или ситуации, которые имеют как негативный оттенок, так и вполне нейтральный или положительный).

Глаголы 遭 и 受 могут сочетаться с некоторыми односложными словами, образуя парные связки: 受到, shòudào, подвергнуться; 受苦, shòukǔ, страдать; 受累, shòulèi, быть впутанным; 受伤, shòushāng, получить ранение; 遭受, zāoshòu, подвергнуться, потерпеть; 遭到, zāodào, подвергнуться, потерпеть и др. В качестве дополнения к таким глаголам используются в основном двусложные или многосложные слова и словосочетания, в некоторых случаях перед ними допускается употребление наречий степени 很hěn, 十分shífēn, 非常fēicháng, 太 tài и пр. Схема построения таких предложений обычно соответствует схеме построения предложений активного строя, пассивный строй выражается самими глаголами [6]. Например:

人出事，全家**受累**。Если с человеком что-то произойдет (что-то натворит), у всей семьи будут проблемы (дословно: *вся семья пострадает*).

他**受聘**当了排球教练。Он был принят на работу и стал тренером волейбольной команды.

王教授的讲座**很受**欢迎。Лекция профессора Ван получила одобрение.

工作中**遭遇**了不少困难。В работе столкнулся с немалыми трудностями.

许多地区都**遭了灾**。Многие районы подверглись стихийным бедствиям.

这次洪水使很多人**遭难**。Это наводнение привело к тому, что многие столкнулись с трудностями.

Г) Синтаксический способ образования пассива связан с изменением порядка слов в предложении с одновременным введением соответствующих предлогов: 被bèi, 让 ràng, 叫jiào, 给 gěi. Сами предлоги на русский язык не переводятся и выполняют служебную роль маркера пассива. Изменение порядка слов с конструкцией с **被** bèi, в которой дополнение занимает прототипическое место субъекта, а последний оказывается сдвинутым на второе место и маркированным предлогом 被 bèi, предполагает уменьшение агентивности описываемой ситуации или ее дезагентивизацию [7].

Важным условием, лимитирующим употребление вышеуказанных предлогов в предложениях пассива, является то, что сказуемым в таких предложениях не может быть односложный глагол. Так же, как в случае с конструкцией 把 bǎ, сказуемое должно быть выражено результативным глаголом или иметь суффикс либо модификатор.

Подлежащее-объект в таких предложениях должно быть представлено определенным, известным собеседникам предметом (лицом). Не допускается использование в качестве подлежащего неопределенных предметов (лиц), то есть нельзя употреблять такие слова, как 一本书 (одна книга), 某些人 (какие-то люди), 有的东西 (некоторые вещи) и т. д. Глагол-предикат в таких предложениях обычно не может быть представлен одним, отдельно взятым глаголом. Он должен содержать дополнительные элементы (дополнение-субъект) впереди или позади (суффиксы, модификаторы, обстоятельства меры и т. д.). Например:

我们都**被**这部电影**感动**了。Мы все тронуты этим фильмом. (*Правильный пример.*)

我们**被感动**。Мы все тронуты. (*Неправильный пример.*) [8].

При сохранении общей синтаксической структуры предложения происходит подмена значений: подлежащее перестает выполнять функцию фактического субъекта и передает ее дополнению.

---

[6] Кошкин А.П. Элементарная грамматика китайского языка (с пояснениями и упражнениями) : учеб. пособие. 基础汉语语法（简介和练习）. 2-е изд., доп. и перераб. М. : ВКН, 2016. С. 322.

[7] Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики: синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка) / Моск. гос. ун-т ; Ин-т стран Азии и Африки. М. : Языки славянской культуры, 2002. С. 72.

[8] 外国人学汉语语法/胡清国编著。上海：上海教育出版社，2009.10. Иностранцы изучают грамматику китайского языка / гл. ред. Ху Цинго. Шанхай : Шанхай. изд-во образования, 2009. С. 221.

В таких предложениях предполагается введение перед дополнением одного из предлогов: 被bèi, 让 ràng, 叫jiào, 给 gěi. Форма предложного оформления с добавлением 给 gěi, то есть 。。。被 (让) (叫)。。。给 наиболее характерна для устной речи. Все служебные слова в таких предложениях (а также отрицания и модальные глаголы) размещаются перед предлогами 被 bèi, 让 ràng, 叫 jiào, 给 gěi (см. рис. 3).

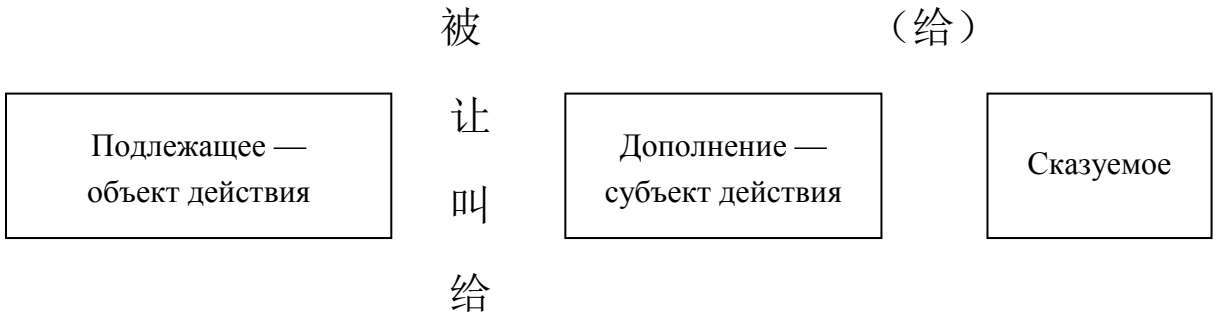

Рис. 3. Схема предложения пассива с предлогами

他的照相机　被　阿姨　拿走了。
Его фотоаппарат　тётей　был унесён.
(т.е. *Его фотоаппарат был унесён тётей.)*

那 本 画 报 叫 妹 妹 撕 破 了。Тот иллюстрированный журнал был порван младшей сестрой.

这条裙子已经**被**我**给**洗干净了。Эта юбка постирана мной.

黑板上的汉字都**让**王同学擦掉了。Иероглифы, которые были на доске, стёрты учеником Ваном.

这本书**让**谁拿走了？我还没看完呢。Кем унесена эта книга? Я еще не дочитал.

我的巧克力**被**谁**给**吃了？Кем съеден мой шоколад ?

我的钱**给**她花光了。Мои деньги были потрачены ею.

Предлоги 被 bèi, 让 ràng, 叫 jiào, 给 gěi, занимая одинаковую синтаксическую позицию в предложении, играя одну и ту же роль предлога-показателя, не являются, тем не менее, абсолютно тождественными и взаимозаменяемыми. Так, предлог 被 bèi может употребляться только в таких предложениях, в которых сказуемое представлено глаголом действия, то есть глаголом, обозначающим *активное* действие (делать, работать, нести, бегать, ломать и т. д.). При этом предлог 被 bèi может употребляться в предложениях, в которых дополнение-субъект, то есть кем совершается действие, отсутствует, в то время как предлоги 让 rang, 叫 jiào при отсутствии того, кем совершено действие, употребляться не могут. В случае, если дополнение-субъект отсутствует, предлог 被 bèi ставится непосредственно перед сказуемым[9]. Например:

我的裤子**被**破了。Мои брюки порвались (порваны). *(Нет указания на то, кем порваны брюки.)*

昨天在商店里刘先生的钱包**被**偷了。Вчера в магазине был украден кошелек господина Лю. *(Нет указания на то, кем украден кошелек.)*

Предлог 给 gěi также может употребляться в предложении без указания на субъект действия. Например:

这条路去年**给**修好了。Эта дорога была отремонтирована в прошлом году.

[9] Кошкин А.П. Элементарная грамматика китайского языка … С. 324.

Предлоги 让 rang, 叫 jiào обладают большей свободой сочетания с глаголами. Они могут употребляться как со сказуемыми, представленными глаголами действия, так и со сказуемыми, представленными глаголами, не обозначающими физическое действие. В отличие от предлога 被 bèi, употребление предлогов допускается при любом сказуемом, в том числе выраженном глаголом не-действия, к которым относятся «有», «满意», «知道» и т. д. Например:

这几件打折的衬衫都**让**我买下来了。Эти несколько рубашек, на которые распространялась скидка, были куплены мной.

这盆花**叫**他养死了。Эти цветы в горшке были загублены им.

这件事终于**让**他知道了。Он, наконец, узнал об этом. (Дословно: *Это дело, наконец, было узнано им*).

他**叫**那个小伙子骗走一百块钱。 Он был обманут тем парнишкой на сто юаней.

自行车**让**钉子**给**扎了一个洞。 Велосипед был проколот гвоздем.

Если в силу каких-либо обстоятельств в предложениях, не содержащих указание на дополнение-субъект, то есть кем или чем совершается действие, необходимо употребить именно предлог 让 ràng или 叫 jiào, тогда в качестве пустого дополнения-субъекта выступает слово 人 rén, которое на русский язык не переводится. Например:

这 些 东 西 都 **让 人** 卖 出 去 了 。Эти вещи все были проданы.

行李**叫人**收拾好了。Багаж был собран.

Кроме вышеупомянутой конструкции 是。。。的。。。, в китайском языке для образования пассива используются также конструкции 为 wèi 。。。所 suǒ 。。。и 被 bèi 。。。所 suǒ。。。, при этом первый элемент парной конструкции занимает позицию перед дополнением-субъектом, а второй — перед сказуемым.

Условием, лимитирующим употребление таких конструкций, является употребление в качестве сказуемого ограниченного круга глаголов. В основном это двусложные глаголы: 吸引 xīyǐn притягивать, привлекать; 鼓舞 gǔwǔ вдохновить, воодушевить; 感动 gǎndòng растрогаться, быть тронутым; 尊敬 zūnjìng чтить, уважать; 战胜 zhànshèng победить, преодолеть; 克服 kèfú преодолеть; 控制 kòngzhì управлять, контролировать; 采纳 cǎinà принять, согласиться; 驱使 qūshǐ заставлять, побуждать; 证明 zhèngmíng доказывать, удостоверять; 发现 fāxiàn обнаруживать, находить и некоторых других. Односложные глаголы в таких конструкциях представлены в еще более ограниченном составе: 迫 pò вынуждать; 动 dòng двигать(ся), действовать; 阻 zǔ препятствовать, мешать. Например:

大家**被**他的精神**所**感动。Мы все тронуты его духом (силой воли).

你应该有自己的思想，不能总是**为**别人**所**利用。У тебя должны быть свои мысли, нельзя, чтобы тебя все время использовали [10].

При анализе вопросов образования пассива в китайском языке исследователи сталкиваются с проблемами соотнесения понятия «пассив» в европейских языках и китайском языке. Необходимо выявить и тщательно исследовать роль возвратных и невозвратных глаголов, провести четкую грань между каузативными глаголами 让 ràng, 叫 jiào и предлогами пассива 让 ràng, 叫 jiào, уточнить роль и место глаголов состояния и т. д.

Предложения пассива в китайском языке встречаются часто. Особенно данное явление характерно для художественных произведений, газетных текстов и официальной речи. Именно этим объясняется необходимость изучения данной проблемы.

[10] Кошкин А.П. Элементарная грамматика китайского языка … С. 325.

Список использованной литературы

1. Бочина, Т.Г. Функционально-когнитивные особенности выражения пассива в русском и китайском языках [Текст] / Т.Г. Бочина, Ван Цуй // Филология и культура. Philology and culture. — Казань, 2013. — № 4 (34). — С. 37–43.

2. Валгина, Н.С. Современный русский язык [Текст] : учеб. для вузов. / Н.С. Валгина, Д.Э Розенталь., М.И. Фомина ; под ред. Н.С. Валгиной. — 6-е изд., перераб. и доп. — М. : Логос, 2001. — 528 с.

3. Кошкин, А.П. Элементарная грамматика китайского языка (с пояснениями и упражнениями) [Текст] : учеб. пособие. — 基础汉语语法（简介和练习）. — 2-е изд., доп. и перераб. — М. : ВКН, 2016. — 480 с.

4. Немченко, В.Н. Грамматическая терминология [Текст] : слов.-справ. — М. : Флинта : Наука, 2011. — 592 с.

5. Розенталь, Д.Э. Современный русский язык [Текст] / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. — 14-е изд. — М. : АЙРИС-пресс, 2016. — 448 с.

6. Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики: синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка) [Текст] / Моск. гос. ун-т ; Ин-т стран Азии и Африки. — М. : Языки славянской культуры, 2002. — 896 с. – (Studia philologica)

7. 中级汉语语法讲义/徐晶凝著。—北京：北京大学出版社. Лекции по грамматике китайского языка среднего уровня [Текст] / под ред. Сюй Цзиннин. — Пекин : Изд-во Пекин. ун-та, 2008. — 232 с.

8. 外国人学汉语语法/胡清国编著。—上海：上海教育出版社. Иностранцы изучают грамматику китайского языка [Текст] / гл. ред. Ху Цинго. — Шанхай : Шанхай. изд-во образования, 2009. — 318 с.

References

1. Bochina, T.G. Funktsionalno-kognitivnye osobennosti vyrazheniya passiva v russkom i kitayskom yazykah [Functional and cognitive features of passive voice expression in Russian and Chinese languages] [Tekst] / T.G. Bochina, Wang Cui // Philology and culture. — Kazan, 2013. — N 4 (34). — Pp. 37–43 (in Russ.)

2. Koshkin, A. Elementarnaya grammatika kitayskogo yazika (s poyasneniyamy i uprazhneniyami) [Elementary grammar of Chinese language (with comments and exercises)] [Tekst]. — 基础汉语语法（简介和练习）. — 2-ed. — Moscow : VKN, 2016. — 480 p. (in Russ.)

3. Nemchenko, V. Grammaticheskaya terminologia [Tekst] : slovar-spravochnik [Grammatical terminology : Glossary-Reference book]. — Moscow : Flinta : Nauka, 2011. — 592 p. (in Russ.)

4. Rosenthal, D. Sovremenniy russkiy yazyk [Modern Russian language] [Tekst] / D. Rosenthal, I. Golub, M. Telenkova. — 14-ed. — Moscow : IRIS-press, 2016. — 448 p. (in Russ.)

5. Tan Aoshuang. Problemy skrytoy grammatiki: sintaxis, semantika I pragmatika yazika izoliruyushego stroya (na primere kitayskogo yazika) [The problem of hidden grammar: syntax, semantics and pragmatics of isolating languages (represented by Chinese) [Text] / Moscow State University ; Institute of Asian and African countries. — Moscow : Languages of Slavic culture, 2002. — 896 p. (in Russ.)

6. Valgina, N. Sovremenniy russkiy yazyk [Modern Russian language] [Text] / N. Valgina, D. Rozenthal, M. Fomina. — 6-ed. — Moscow : Logos, 2001. — 528 p. (in Russ.)

7. 中级汉语语法讲义/徐晶凝著—北京：北京大学出版社，2008. Lektsii po grammatike kitayskogo yazyika srednego urovnya [Lectures on Chinese language grammar for students of intermediate level] [Text] / Xu Jingning. — Beijing : Beijing University Publishing, 232 p. (in Chin.)

8. 外国人学汉语语法/胡清国编著—上海：上海教育出版社，2009. Inostrantsy izuchayut grammatiku kitayskogo yazyka [Foreigners are studying Chinese grammar] [Text] / ed by. Hu Qingguo. — Shanghai : Shanghai Education publishing house, 2009. — 318 p. (in Chin.)

Сведения об авторе

Кошкин Максим Андреевич — преподаватель китайского языка кафедры восточных языков факультета востоковедения и истории Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск, Россия); докторант Харбинского педагогического университета (г. Харбин, КНР). Почтовый адрес (раб.): 680000, Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68. Тел. (4212) 420-564. Электронный адрес: max_berkut89@mail.ru

Koshkin, Maxim — teacher of Chinese, Chair of Oriental Languages, Oriental Studies and History Dpt,, Pacific Pedagogical University (Khabarovsk, Russia); Doctoral Student, Harbin Normal University (Harbin, China). Postal address: 680000, Khabarovsk, 68 Karl Marx Str. Tel.: (4212) 420-564. E-mail address: max_berkut89@mail.ru

УДК: 378+811.111

Н.Н. Панаити

Основные концепты, лежащие в основе реализации принципа системности в обучении иностранному языку как специальности

В статье рассматриваются различные трактовки принципа системности в обучении иностранному языку, в связи с чем обосновывается необходимость выявления его методической значимости. Для этого сам принцип должен быть представлен в полном объеме, целостно, с учетом дидактических, психологических и лингвистических факторов, определяющих его основу. При таком подходе принцип системности обнаруживает свои корни в философском понятии «системность», в восприятии языка как многоуровневой системы, в психологических процессах систематизации получаемых знаний и в системности самого процесса обучения, что является дидактическим аспектом. На начальном этапе обучения реализация принципа системности осуществляется посредством модификации и трансформации лингвистической системы в соответствии с целями и условиями учебного процесса. Языковой материал, отбираемый для презентации из разных подсистем — фонетической, лексической, грамматической, выступает далее как набор элементов системы обучения. Фонетические навыки на начальном этапе становятся векторными относительно всего процесса обучения, составляя его системообразующее ядро. Установление, упорядочивание и активизация функционально-значимых связей, возникающих между выбранными элементами в ходе их взаимодействия, ведет к структурированию новой макросистемы. Это и есть реальное проявление системности.

принцип системности, система, систематизация, систематичность, модификация, трансформация

Panaïti, Natalia

The Basic Concepts of the Principle of Systematization in Foreign Language Teaching and Learning

The principle of systematization in foreign language teaching and learning is viewed by scholars from different perspectives. The article discusses its various interpretations and attempts to reveal the principle's essence by analyzing its basic educational linguistic and psychological components. The concept of "system" as it is viewed in the paper serves to unite its philosophical aspect, systemic approach to language structure, systematization of knowledge and a systemic arrangement of teaching itself. At the initial stage of foreign language education the principle is implemented by means of transformation and modification of the linguistic system. The material presented in class consists of a number of elements from phonetic, lexical and grammatical systems. Within the process of teaching these elements are systematized and transformed into study units. During the initial stage, phonetic skills come to the forefront and form the nucleus of the language teaching process. The connections emerging among the selected elements are supported by their functional systemic interaction, making it possible to structure a new macro-system.

principle of systematization, system, systemic, systematical, modification, transformation

На протяжении последних лет преподавателям и студентам предлагают пользоваться новыми методами и технологиями для более эффективного обучения иностранным языкам и их изучения. Такой интерес к различным инновациям — явление не новое. В большинстве случаев, разочаровываясь в существующих методах, преподаватели обращались к нетрадиционным способам обучения иностранным языкам. Достаточно напомнить о суггестопедии Г. Лозанова, ритмопедии Г.М. Бурденюк, методе активизации резервных возможностей личности и коллектива Г.А. Китайгородской [1] и др.

[1] Лозанов Г.К. Суггестология и суггестопедия : автореф. дис. … д-ра мед. наук. : 14.767 / Харьк. мед. ин-т. София : [б. и.], 1970. 64 с. ; Бурденюк Г.М. Ритмопедия в обучении иностранным языкам / отв. ред. А.А. Леонтьев. Кишинёв : Штиинца, 1985. 131 с. ; Китайгородская Г.А. Методические основы интенсивного обучения иностранным языкам. М. : Изд-во МГУ, 1986. 175 с.

© Панаити Н.Н., 2017

Однако эти способы никогда не становились массовыми настолько, чтобы стать частью общей системы образования и тем самым обусловить эффективность одного или нескольких подходов к обучению. Поэтому до сих пор эта тема остается открытой. В условиях современности в связи распространением компьютерных технологий, сетевой коммуникации и других медиаресурсов ученые и преподаватели пытаются, использовать разноплановые приемы, основная задача которых — обеспечить интерактивность в деятельности обучающихся. Методическими достоинствами компьютерного обучения в том числе является «бóльшая степень интерактивности, чем при работе в аудитории. <…> Компьютер — это наиболее подходящее средство в обучении иностранному языку, целью которого является интерактивное общение» [2].

Такая деятельность лишь отчасти может быть названа учебным процессом. Это объясняется тем, что общие цели обучения обозначены весьма неопределенно, пути их достижения — приблизительно, преподаватель, «работая с компьютером… неизбежно меняет всю структуру урока и его назначение» [3]. Отсутствие четкой структуры занятия, перехода от одного задания к другому, измерений достигнутого характеризует учебную деятельность как незавершенный проект. В определенной мере это признают и сами преподаватели иностранного языка. «Готовые учебные компьютерные программы очень сложно адаптировать к традиционному уроку, поскольку они не всегда соответствуют рабочей программе дисциплины, методическим целям и дидактическим принципам обучения» [4]. «Недостаток качественного программного обеспечения обусловлен тем, что не разработаны четкие критерии и стандарты оценки его эффективности, а также пренебрежительным порой отношением создателей программ к теории обучения иностранным языкам» [5]. «Используя интернет-ресурсы в учебном процессе, преподаватель должен тщательно продумывать свои цели, поскольку бессистемное использование интернет-ресурсов вряд ли даст желаемый результат» [6].

Нередко единственным критерием использования компьютерных технологий служит мотивация обучающихся. По утверждению З.Р. Девтеровой, «при интеграции интернет-ресурсов в учебный процесс возрастает уровень мотивации студентов» [7]. Другими словами, предположение о том, что такой вид деятельности отвечает интересам и запросам нового поколения Z и следующего за ним поколения Альфа, является основополагающим. «Поколения Y, Z и новое поколение Альфа отличаются зависимостью от технологий, интенсивно используют интернет… взаимодействуют со сверстниками через социальные сети и получают знания через мировую информационную сеть» [8].

Ученые и преподаватели в стремлении соответствовать интересам и запросам новых поколений не нацелены на продолжение ранее начатых исследований по проблемам методики обучения. Эти проблемы на эмпирическом уровне остаются и требуют своего решения. Это объясняется тем, что большинство используемых программ и учебников рассчитаны на все еще существующую традицию, задача преподавателей практики языка на специальных факультетах вузов в своей сущности не меняется, в то время как цель подготовки учителя иностранного языка требует инвентаризации не только принципов обучения иностранному языку, но и существующих подходов.

Наша цель — рассмотреть в серии опубликованных статей то, что было сделано, и то, что делается сейчас, систематизировать существовавшие и существующие подходы и тем самым определить закономерные пути развития методической организации процесса обучения.

Начнем с принципа системности, который в области преподавания и изучения иностранного языка одновременно является и общедидактическим, и специфическим.

---

[2] Еремина О.В. Информационные технологии в преподавании английского языка. URL : https//ict.edu.ru/vconf/files/3147.rtf

[3] Кочмар О.Н. Применение компьютерных технологий при обучении иностранному языку // Вестник науки Сибири. 2012. № 5. С. 227.

[4] Там же.

[5] Еремина О.В. Информационные технологии в преподавании английского языка.

[6] Девтерова З.Р. Компьютерные технологии в обучении иностранному языку в вузе // Новые технологии. 2009. № 3. URL : http://elibrary.ru/item.asp?id=12930075

[7] Там же.

[8] Жилавская И.В. Поколение Альфа глазами поколения Z. URL : http://files.runet-id.com/2015/riw/presentations/23oct:riw15-next3-2--jilavskaya.pdf

Описание принципов обучения иностранным языкам рассматривалось в качестве стержневого вопроса во многих методических работах (И.Л. Бим, Н.И. Гез, П.Б. Гурвич, М.В. Ляховицкий, А.А. Миролюбов, И.В. Рахманов, Г.В. Рогова, Е.Н. Соловова и др.), так как «именно принципы определяют то, как организуется и проходит обучение, и обеспечивают эффективную организацию обучения иностранному языку» [9]. «Принципы объясняют, как идет процесс обучения. В сфере образования принятый принцип становится частью философии преподавателя, его мировоззренческой позицией, которая позволяет ему определить и оценить поставленные им образовательные цели, его практическую деятельность и достигнутые результаты» [10].

Тем не менее, определяя цели, содержание, методы и организацию обучения, принципы, по мнению Г.В. Роговой и П.Б. Гурвича, не содержат категорических выводов, а нацеливают на решение методических проблем в духе объективного научного синтеза [11]. С учетом того что у разных авторов разное видение этих проблем, они предлагают свою трактовку того или иного принципа. Однако такое толкование «нередко представлено либо на дидактической, либо на психологической, либо на лингвистической основе, в связи с чем затушевывается методическая сущность анализируемых понятий» [12]. В результате «методика не имеет в необходимой степени научно обоснованных принципов как основы теории обучения ИЯ и нуждается в разработке лингводидактических принципов» [13]. Так, в фокусе методических исследований нередко находятся отдельные аспекты реализации принципа системности в учебном процессе. Например, суть этого принципа в организации обучения иностранному языку состоит в том, что все обучение построено на основе правил цикличности и концентричности, или принципа систематичности [14], предполагающего, что весь материал делится на темы и подтемы с соответствующим количеством часов. «Более того, в ряде публикаций принцип системности заменяется принципом систематизации получаемых учащимися знаний» [15] или предлагается систематизировать то, «чему обучать, и уже далее определяться, как обучать, принимая систематизацию материала в содержательном плане как условие эффективного обучения» [16].

Для того чтобы методическая значимость того или иного принципа обучения стала очевидной, важно представить его в полном объеме, целостно, учитывая весь спектр дидактических, психологических и лингвистических факторов, которые определяют его основу. Именно при таком подходе принцип системности обнаруживает свои корни в философском понятии «системность», в восприятии языка как многоуровневой системы, в психологических процессах систематизации получаемых знаний, в системности самого процесса обучения, что является дидактическим аспектом.

Очевидно, что различные трактовки принципа системности объединяет само понятие «система», которое проявляется, с одной стороны, в исследуемой дисциплине, а с другой стороны, в методике ее преподавания.

«В науке сложилось достаточно определенное представление о разных типах систем, хотя нельзя сказать о его однозначности и единообразии» [17]. Кратко его можно определить

---

[9] Ламзин С.А. Методические принципы как основа теории обучения иностранным языкам: синергетический подход : дис. … д-ра пед. наук. URL : http://www.dissercat.com/content/metodicheskie-principy-kak-osnova-teorii-obycheniya-innostrannym-yazykam-sinergeticheskiy-as

[10] Mondal P. The Importance of Principles in Teaching. URL :http://www.yourarticlelibrary.com/teaching/the-importance-of-principles-in-teaching/5994/ (Пер. наш. — Н.П.)

[11] Рогова Г.В., Верещагина И.Н. Методика обучения английскому языку на начальном этапе в средней школе. М., 1988. С. 47 ; Гурвич П.Б. Основы обучения устной речи на языковых факультетах. Владимир, 1972.

[12] Гез Н.И., Ляховицкий М.В., Миролюбов А.А. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М. : Высшая школа, 1982. С. 62.

[13] Ламзин С.А. Методические принципы как основа теории обучения иностранным языкам: синергетический подход.

[14] Наумова О.В. Развитие методики преподавания иностранных языков: обзор основных направлений / Ин-т языкознания РАН. URL : http://www/iling-ran/ru/library/sbornir/for_lang/2014_06/7.pdf&rct=j&frm

[15] Павлова И.П. Реализация принципа системности при обучении общению на иностранном языке // Вестник МГЛУ. 2010. Вып. 12 (591). С. 25.

[16] Decoo W. Systemization in Foreign Language Teaching: Monitoring Content Progression // Journal of Second Foreign Language Teaching and Research. Routledge, 2011. Vol. 1, Iss. 2. P. 159. (Пер. наш. — Н.П.)

[17] Малёв А.В. Непрерывная лингвометодическая подготовка преподавателя иностранного языка : дис. … д-ра пед. наук. Нижний Новгород, 2015. С. 27.

как целостный комплекс взаимосвязанных элементов, «при этом связи между ними служат важными условиями возникновения, существования и развития каждого из элементов, а вместе с тем и системы в целом» [18].

Понятие «система» весьма значимо для процесса обучения иностранным языкам по той причине, что, с одной стороны, оно соотносится с системой языка как лингвистического феномена, который, реализуясь в речи, служит средством осуществления вербального общения, а с другой стороны, находит свое отражение в описании иностранного языка как учебного предмета. Именно эти аспекты в многозначности «системы» интересуют нас более всего, так как в соответствии со спецификой процесса обучения система языка, безусловно, будет представлена в ее модифицированном описании. Однако «язык и в таком описании должен сохранить все свои сущностные свойства и свою системную организацию» [19] и в соответствии с принципом системности «рассматриваться как системное образование, состоящее из взаимосвязанных элементов разных структурных уровней, объединенных в единое целое» [20].

Так как мы рассматриваем процесс обучения иностранному языку, то все характеристики, присущие системе (целостность, структурность, многоуровневость (или иерархичность), единство со средой, множественность описаний), необходимо проанализировать применительно к условиям обучения этому языку. Проблема состоит в том, что сам процесс обучения по своей сути является сложной макросистемой, в рамках которой одновременно реализуются системы разного рода и характера, например: система языка и система речи, система коммуникативных ситуаций, система методических целей, приемов и способов овладения различными видами речевой деятельности, система знаний, умений и навыков, представляющих собой механизм реализации коммуникативных компетенций.

Учитывая данный факт, определим далее возможности и способы взаимодействия этих систем и выявим закономерности проникновения одной системы в другую. Такой подход позволит нам сохранить целостное восприятие существующих систем и будет способствовать осознанному пониманию всего комплекса трансформаций и модификаций, которым они подвергаются в результате функционирования в рамках учебного процесса.

Понимание языка как сложной многоуровневой системы или системы подсистем заставляет подходить к преподаванию языка не только аспектно, но и комплексно. «Даже в языковом вузе, где осуществляется аспектное преподавание ИЯ, при котором фонетические, грамматические и лексические средства изучаются по отдельности, это вовсе не способствует успешному усвоению языка как средства общения и познания» [21].

Изучение каждого уровня языка, его элементов и их взаимоотношений лежит в основе аспектного обучения иностранному языку, а соподчиненность подсистем, образование ими единого целого требуют постоянной комплексной отработки языковых явлений и непременного внимания к целостности языка. Изучая иностранный язык, необходимо усвоить систему составляющих его единиц и правил их взаимоотношения. Следовательно, «обучая языку, мы должны создать в сознании студентов представление о языке как о целостной системе» [22].

Однако, согласно А.А. Леонтьеву, «описание системы языка для целей обучения совершенно не обязательно должно быть тождественным структурному или научно-лингвистическому» [23]. Поэтому лингвистическая система может быть подвергнута определенной методической интерпретации, в результате которой она будет модифицирована и таким образом адаптирована для процесса обучения в соответствии с его целями и условиями.

Условия обучения ИЯ на начальном этапе в языковом вузе (уровень лингвистической подготовки, коррекция коммуникативных навыков и умений, профессиональная ориентация и др.) и его конечная цель (формирование основ коммуникативной компетенции) оказывают

---

[18] Малёв А.В. Непрерывная лингвометодическая подготовка преподавателя иностранного языка. С. 28.

[19] Леонтьев А.А. Принцип коммуникативности сегодня // Иностранные языки в школе. 1986. № 2. С. 31.

[20] Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий. М : Икар, 2009. С. 217.

[21] Павлова И.П. Реализация принципа системности при обучении общению на иностранном языке. С. 26.

[22] Бородулина М.К., Карлин А.Л. Обучение иностранному языку как специальности. М. : Высшая школа, 1975. С. 13.

[23] Леонтьев А.А. Принцип коммуникативности сегодня. С. 31.

непосредственное влияние на содержательную и структурную организацию самого процесса обучения. С практической точки зрения это означает, что на этом этапе система языка не может быть представлена и изучена в полном объеме. Следовательно, возникает необходимость определить пути и способы ее адаптации, позволяющие сохранить целостность системы как одну из основных ее системных характеристик. «В силу принципиальной сложности каждой системы, ее адекватное познание требует построения множества различных моделей, каждая из которых описывает лишь определенный аспект системы» [24].

Решение этого вопроса требует уточнения отдельных деталей, касающихся процесса адаптации системы, который предполагает либо ее *модификацию*, либо *трансформацию*.

Любая система представляет собой множество входящих в нее элементов, которые определяют и формируют ее как структуру. Основу системы составляет определенная последовательность этих элементов, а исключение одного или нескольких из них неминуемо вызывает процесс ее саморазрушения. Тем не менее, целостность системы ошибочно принимать за незыблемость, ибо она открыта для определенного рода комбинаций элементов, перемещение которых приводит к ее видоизменению, появлению новых признаков и свойств. Таким образом происходит *процесс модификации*. Например, корректировка и формирование отдельных произносительных навыков потребуют определенной перегруппировки согласных и гласных звуков как элементов фонетической системы английского языка. Безусловно, сама система звуков при этом не изменится, но на ее основе будет создана модифицированная последовательность ее презентации. «Достижение практических целей обучения иностранному языку требует не просто опоры на знание системы данного языка, а предварительной организации педагогом или автором учебника языковых средств, подлежащих усвоению, в разные системы…» [25]

Такая модификация обусловлена рядом причин, к числу которых можно отнести: особенности артикуляции звуков, сходство со звуками родного языка и различие в их постановке, наличие дистинктивных признаков, несущих смыслоразличительную нагрузку и т. д. Более того, придерживаясь комплексного подхода, необходимо, чтобы последовательность введения звуков и их последующая отработка смогли обеспечить одновременное развитие навыков во всех видах речевой деятельности.

В отличие от модификации, *процесс трансформации* затрагивает структурно-функциональные характеристики системы. Его суть сводится к сопоставлению двух или более систем, что приводит к появлению новой иерархии компонентов, реорганизации структуры, то есть преобразованию системы.

Проиллюстрировать процесс трансформации можно на примере использования системы видовременных форм в английском языке. В этом случае происходит сопоставление двух систем: системы времен русского языка и английского. При их семантическом сопоставлении выявляются совпадающие и не совпадающие значения. Значения, которые не совпадают, также должны быть систематизированы, иначе они станут причиной саморазрушения системы, что в конечном итоге спровоцирует появление серьезных грамматических ошибок. Поэтому в этом случае необходимо использовать, по выражению З.М. Цветковой, «предвосхищающее обобщение» [26], где несовпадающие значения могут быть представлены пустотами, заполнение которых происходит по мере изучения грамматического материала. Таким образом система видоизменяется, акценты смещаются в сторону ее функционального использования, что позволяет снять целый ряд трудностей, возникающих у студентов при осмыслении и передаче значений видовременных форм.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что принцип системности с самого начала обучения иностранному языку базируется на процессах модификации и трансформации и может рассматриваться как результат сложного, постепенного преобразования нескольких систем в систему иной формации или макросистему.

---

[24] Калмыков А.А. Образы НОО. Матрица ключевых посланий. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. С. 221.
[25] Павлова И.П. Реализация принципа системности при обучении общению на иностранном языке. С. 30.
[26] Цветкова З.М. О преподавании иностранных языков в средней школе. М., 1949. С. 12.

В процессе обучения, однако, передача обобщенного знания или опыта не должна носить стихийного или хаотичного характера. Поэтому очевидной становится проблема презентации и присвоения какой бы то ни было системы. Учитывая сложную структурную организацию системы, целесообразно в процессе ознакомления с ней отбирать, располагать и преподносить ее содержание, придерживаясь определенной последовательности в изложении, для того чтобы могла просматриваться вся система и возможности ее реализации. Иными словами, необходимо соблюдать регулярность, упорядоченность и последовательность, то есть систематичность, в распределении и презентации системы. Систематичность является непременным и непосредственным условием систематизации, которая имеет место только тогда, когда количество поступающей информации соответствует возможностям ее переработки. Систематизация есть одновременно процесс и результат присвоения рассматриваемой системы со всей совокупностью присущих ей свойств, что достигается посредством активизации функций каждого отдельного ее элемента. «Систематизация... позволяет увидеть частное явление как часть общего, установить дополнительные восходящие и нисходящие связи» [27].

На практике реализация такого подхода на начальном этапе обучения возможна, если представить отобранный языковой материал в виде набора элементов из разных подсистем: фонетической (звуки, тоны), лексической (лексические единицы), грамматической (грамматические структуры). Далее эти элементы будут выступать уже в качестве элементов иной системы — системы обучения.

Безусловно, в самом начале обучения «доминирующей» системой становится фонетическая система языка. Постановка звуков, выявление их характеристик в звуковой системе иностранного языка, сравнение со звуковым строем родного языка, заполнение специальных классификационных таблиц позволяют обучающимся определить функциональные свойства каждой отдельной системы, одновременно анализируя возможности сопоставления двух систем для обеспечения положительного переноса и преодоления межъязыковой интерференции. Такой подход к обучению чрезвычайно важен для будущих преподавателей, которые уже на 1 курсе начинают овладевать профессиональными навыками и умениями, рассматривая любое языковое явление не только как единицу, принадлежащую лингвистической системе, но и одновременно как компонент, реализующийся в ее методическом изложении.

На начальном этапе фонетические навыки становятся векторными относительно всего процесса обучения, составляя системообразующее ядро. Именно оно отвечает за создание макросистемы, включающей методические цели, приемы и способы овладения различными видами речевой деятельности. Учитывая, что их реализация должна быть направлена на формирование коммуникативной компетенции обучающихся, «необходимо с самого начала подумать о сфере (или сферах) употребления языка и исходя из этого подбирать и выстраивать предъявление языковых средств. Только таким образом мы можем обучить языку как средству коммуникации, а не как запасу языковых средств» [28].

Рассмотрим несколько примеров реализации системности в рамках первого занятия по практике английского языка, где в качестве системообразующего начала выступают:

- группы согласных и гласных звуков апикально-альвеолярные [t, d, n, l], губно-губные [m, b, p], губно-зубные [v, f], альвеолярные щелевые [s, z] и гласные [i:, i, e];
- нисходящий и восходящий тоны;
- ритмическая организация предложения.

Финальной целью такого занятия должны стать продуцируемые обучающимися микродиалоги и монологи, показывающие, с одной стороны, уровень овладения отрабатываемыми фонетическими навыками в потоке речи, а с другой — способность принимать осмысленное коммуникативное решение, используя минимум фонетического, лексического и грамматического материала.

Исходя из того что принцип системности в первую очередь предполагает взаимосвязанность элементов, необходимо в соответствии с набором перечисленных выше звуков произвести отбор вокабуляра и грамматических структур, что позволит обеспечить монологическое и диалогическое общение. Представим набор этих элементов в виде таблицы.

---

[27] Краснощекова Г.А. Фундаментализация неспециального лингвистического образования : автореф. дис. … д-ра пед. наук. Пятигорск, 2010. С. 16.

[28] Widdowson H.G. Teaching Language as Communication. N.Y. : Oxford University Press, 1990. C. 15.

Лексические единицы	*Грамматические конструкции*
Глаголы: *meet, miss, send, spell, visit.* Местоимения: *it, me.* Имена собственные: *Ben, Bill, Ed, Ned, Pete, Steve, Ness, Eve, Tess, Vivie.*	The Imperative Mood. *Send it. Meet Pete.* Конструкции *it is (it's) … Smb (Name) is…* обозначают: • время (*It is 7),* • оценивание действия (*It's simple. It is easy),* • возраст, самочувствие, состояние (*Smb (Name) is ... 10., Smb (Name) is ill., Smb is sleepy),* • побуждение кого-либо к действию (*Let smb do smth. (Let me meet Pete.)),* • совместное действие (*Let's do smth. (Let's visit Bess.)*)

Приведенный в таблице набор лексических и грамматических элементов, даже такой ограниченный, посредством их комбинаций уже в рамках первого занятия позволяет создавать микродиалоги и микромонологи.

Микродиалоги:

— Spell "deep". — "D,E,E, P". It's easy.

Или:

— Spell "beetle". "B,E,E,T,L,E". It isn't easy.

Микромонологи или микродиалоги с заменой имен собственных, возраста, действия:

Eve is little. Eve is 7. Let Ben meet (visit) Eve.

Или:

Eve isn't little. Eve is fifteen. Let's send Eve.

Let Bess spell it. — It isn't easy. Bess is five.

Далее эти микромонологи могут быть использованы как реплики расширенного диалога:

— Eve is little. Eve is 7. Let Ben meet (visit) Eve.

— Ben is busy.

— Let Steve meet Eve.

— Steve is ill. Let `me meet Eve.

— Settled.

Однако на начальном этапе обучения иностранному языку как специальности мы сталкиваемся с рядом противоречий, возникающих непосредственно в ходе учебного процесса. Парадоксально, но их источником является тот уровень владения иностранным языком, который обучающиеся показали при сдаче ЕГЭ. Другими словами, у студентов создается ложное представление о том, что предлагаемое им коррекционное начало — регрессирующий шаг в изучении иностранного языка. Это объясняется тем, что задания, основная цель которых сфокусирована именно на коррекции произносительных и интонационных навыков, в большинстве своем однотипны: *"Read. Read and reproduce. Make use of the substitutions"*. Часто они требуют механического воспроизведения или заучивания, в результате чего тот коммуникативный потенциал, которым многие из них все-таки обладают, не проявляется. Такие задания воспринимаются обучающимися как «слишком простые и однообразные» и их многократное повторение ведет к снижению мотивации обучения.

Практически эта проблема может быть решена посредством создания условий, которые побуждали бы употребить в речи изучаемый языковой материал, стимулируя мыслительную активность, направленную на смысловое содержание высказывания. Реализовать эти условия, как считает Б.А. Лапидус, позволяет «ситуативность» [29], которая, по нашему мнению, может быть задана с помощью коммуникативного контекста.

Так, предлагаемый выше диалог, можно вписать в следующий коммуникативный контекст: *The aunt is upset because she can't visit (meet) her little niece Eve (Eve is little. Eve is 7.) That's why she wants someone of her elder sons — either Ben or Steve — to do it (Let Ben visit (meet) Eve. Let Steve visit (meet) Eve. But her daughter whom she is taking to now explains why they can't do it (Ben is busy. Steve is ill.) and offers her own help (Let me visit (meet) Eve). It seems to be a good idea. (Settled.)*

[29] Лапидус Б.А., Неусихина М.М. Учебник английского языка. М., 1970. С. 4.

Аналогичные контексты можно создавать и для микромонологов. Например:

You are a teacher at the Primary school. Introduce the new pupils to their classmates. Meet Ed. Ed is 10. Meet Steve. Steve is 7.

Отработка нисходящего и восходящего интонационного тона также может сопровождаться контекстом:

Ask your groupmate to spell some word and appreciate the way she/he does it. See if she/he is boasting or doesn't like challenging tasks. Express your irony.

— S pell "deep", please.

— "D, E, E, P". It's easy.

Или:

It isn't easy. // It's difficult.

— It is. Или: *Is it?*

One of you is focused on his/her work and can hardly notice time flying. When the other tries to draw his/her attention to it is surprised.

— It's seven!

— Is it? (Indeed?)

— It is.

Или:

— Let's begin!

— Begin?

— Yes. It's ten!

Второй диалог, как и сам контекст, можно расширить, добавив одно или несколько предложений *(I see. Steve is little. / Steve is ill. / Steve needs help.),* конкретизируя реакцию второго говорящего: *The speaker understands that he/she should not be so forgetful and provides arguments to prove how considerate he/she really is.*

— Let's meet Steve!

— Steve?

— Steve!

— I see. Steve is little.

Согласно принципу системности, мы сможем вновь вернуться к подобным диалогам по мере введения новых звуков, уточняя при этом коммуникативное намерение говорящего, который теперь предлагает свое решение в сложившейся ситуации.

— It's dark.	*— We are late.*
— Is it?	*— Are we?*
— It is.	*— We are.*
— Turn on the light, then	*— Let's take a taxi.*

Более того, работая в группе, студенты могут, действуя по аналогии, самостоятельно восстановить монолог или диалог, опираясь на заданный преподавателем коммуникативный контекст, составлять монологи и диалоги по собственным контекстам, которые должны быть представлены на английском языке, обмениваться этими контекстами и предлагать свои варианты диалогов и монологов.

Таким образом, как отмечает Дж. Ричардс, «системный подход предполагает использование языка как средства коммуникации, позволяющего нам, независимо от ситуации, постоянно совершать выбор значения, которое может быть выражено с помощью интонации, слов и грамматических конструкций» [30].

Следовательно, задача преподавателя иностранного языка состоит в том, чтобы научить студентов делать выбор, который будет направлен на развитие способности осознанного подхода к совершаемому действию. Только в этом случае, по Л.С. Выготскому, системность будет выступать критерием осознанности [31].

---

[30] Richards J. Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics. Longman, 1999. P. 371.

[31] Выготский Л.С. Собр. соч. : в 6 т. Т. 1. С. 165.

Безусловно, для того чтобы подойти к финальным заданиям занятия, необходимо систематически выполнять целый ряд тренировочных упражнений в рамках комплексного подхода к обучению иностранному языку: узнавание гласного звука по его немой артикуляции, распознавание прозвучавших пар как фонетически идентичных или контрастных (по длине гласного, по глухости-звонкости финального согласного и по иным фонематическим признакам); озвучивание незнакомых слов согласно правилам чтения (например: *Steel, meddle, sneeze, fiddle, mess, stifle, deeds, pebble, stipple, beetle, ebbs, etc.).* Такие упражнения помогают определиться, насколько систематизирован изученный материал и освоена система звуко-буквенных отношений, так как процесс обучения строится от звука к букве и буквосочетанию, далее к правилам чтения и орфографии.

Таким образом, последовательность постановки звуков, определяющая систему, становится значимой не сама по себе, а как организационное начало формирования параллельной системы, отвечающей за коммуникативную направленность процесса обучения. Следовательно, уже на начальном этапе возникает необходимость и возможность создания предпосылок для системы коммуникативных ситуаций, которая может строиться с учетом нескольких направлений:

1. Расширение уже отработанных коммуникативных ситуаций за счет конкретизации или обобщения задаваемых ими условий общения и характеристик коммуникантов.
2. Формирование тематического единства.
3. Реализация коммуникативного намерения в зависимости от изменившихся характеристик коммуникантов и условий общения.

Другими словами, принцип системности предполагает, что фонетическая система постепенно становится подсистемой, а ее место занимает система коммуникативных ситуаций, частично реализуемая посредством использования коммуникативного контекста. В комбинаторике с системой языка она становится ядром для формирования иной макросистемы. Это и есть реальное проявление системности, которая одновременно представляет процесс и результат структурирования системы из разного рода элементов посредством установления, упорядочивания и активизации функционально-значимых связей, возникающих между выбранными элементами в ходе их взаимодействия.

Теоретическое обобщение позволяет разделить весь процесс структурирования макросистемы на три ступени.

На первой ступени должно быть создано ядро системы, ее организующее или аккумулирующее начало, которое будет отвечать за формирование всей системы, задавая ее определенные характеристики и ожидаемые свойства. В этой роли могут выступать один или несколько элементов «доминирующей» системы, например: системы языка или системы коммуникативных компетенций.

На второй ступени потребуется детальный анализ всех задействованных в данном процессе систем и их элементов. Это позволит выделить и отобрать те из них, которые соотносятся с предполагаемыми свойствами и качествами формируемой системы.

На третьей ступени происходит восстановление и активизация функционально-значимых связей между выбранными элементами и их реорганизация в новое структурное объединение.

С одной стороны, каждый из составляющих элементов, автономный и равноправный по отношению к другим, будет вбирать в себя и сохранять все номинальные характеристики представляемой им системы. С другой стороны, он не сможет оставаться изолированным, поскольку, согласно поставленным целям и существующим условиям, он становится частью нового объединения, вследствие чего между ним и другими элементами неизменно устанавливаются отношения определенной взаимозависимости. Это, в свою очередь, приведет к появлению связей второго, третьего порядка, то есть внутренних межсистемных связей на различных уровнях субординации.

Таким образом, данное «объединение», когда запускается механизм взаимодействия, приобретает черты структурно-функциональной организации, а входящие в его состав элементы преобразуются или трансформируются в элементы совершенно иной новой системы. Обладая достаточной мобильностью внутри системы, такие элементы придают вновь созданной макросистеме максимальную гибкость и способность к продуцированию различного рода моделей.

Функциональным аспектом такого подхода является реализация принципа системности, позволяющего использовать его при обучении иностранному языку и овладении им.

Список использованной литературы

1. Азимов, Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий [Текст] / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. — М. : Икар, 2009. — 448 с.

2. Бородулина, М.К. Обучение иностранному языку как специальности [Текст] / М.К. Бородулина, А.Л. Карлин. — М. : Высшая школа, 1975. — 264 с.

3. Бурденюк, Г.М. Ритмопедия в обучении иностранным языкам [Текст] / отв. ред. А.А. Леонтьев. — Кишинёв : Штиинца, 1985. — 131 с.

4. Выготский, Л.С. Собр. соч. [Текст] : в 6 т. — Т. 1. — М. : Педагогика, 1982. — 165 с.

5. Гез, Н.И. Методика обучения иностранным языкам в средней школе [Текст] / Н.И. Гез, М.В. Ляховицкий, А.А. Миролюбов. — М. : Высшая школа, 1982. — 373 с.

6. Девтерова, З.Р. Компьютерные технологии в обучении иностранному языку в вузе [Электронный ресурс] // Новые технологии. — 2009. — № 3. — С. 89–91. — Режим доступа : http://elibrary.ru/item.asp?id=12930075

7. Еремина, О.В. Информационные технологии в преподавании английского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://ict.edu.ru/vconf/files/3147.rtf

8. Жилавская, И.В. Поколение Альфа глазами поколения Z [Электронный ресурс]. — Режим доступа : runet-id.com/…/23oct.ruv15-next3-2—jilavskay.pdf.

9. Калмыков, А.А. Образы НОО. Матрица ключевых посланий [Текст]. — М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. — 461 с.

10. Кочмар, О.Н. Применение компьютерных технологий при обучении иностранному языку [Текст] // Вестник науки Сибири. Серия Филология. Педагогика. — 2012. — № 5. — С. 225–228.

11. Китайгородская, Г.А. Методические основы интенсивного обучения иностранным языкам [Текст]. — М. : Изд-во МГУ, 1986. — 175 с.

12. Краснощекова, Г.А. Фундаментализация неспециального лингвистического образования [Текст] : автореф. дис. … д-ра пед. наук. — Пятигорск, 2010. — 44 с.

13. Кремлева, А.Б. Использование видеохостинга “Youtube” на занятиях по иностранному языку в высшей школе [Текст] // Информационно-коммуникативные технологии в современном образовательном процессе : сб. науч. ст. — Челябинск, 2016. — С. 111–117.

14. Ламзин, С.А. Методические принципы как основа теории обучения иностранным языкам: синергетический аспект [Электронный ресурс]. — Рязань, 2002. — 363 с. — Режим доступа : http://www.dissercat.com/content/metodicheskie-prinsipy-kak-osnova- teorii-obucheniya-innostrannym-yazykam-sinergeticheskii

15. Лапидус, Б.А. Учебник английского языка [Текст] / Б.А. Лапидус, М.М. Неусихина. — М. : Высшая школа, 1970. — 368 с.

16. Леонтьев, А.А. Принцип коммуникативности сегодня [Текст] // Иностранные языки в школе. — 1986. — № 2. — С. 27–31.

17. Лозанов, Г.К. Суггестология и суггестопедия [Текст] : автореф. дис. … д-ра мед. наук / Харьк. мед. ин-т. — София : [б. и.], 1970. — 64 с.

18. Малёв, А.В. Непрерывная лингвометодическая подготовка преподавателя иностранного языка [Текст] : дис. … д-ра пед. наук. — Нижний Новгород, 2015. — 379 с.

19. Наумова, О.В. Развитие методики преподавания иностранных языков: обзор основных направлений [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ilingran.ru/library/sbornik/for_lang/2014_06/7.pdf&rct=j&frm

20. Павлова, И.П. Реализация принципа системности при обучении общению на иностранном языке [Текст] // Вестник МГЛУ. — 2010. — Вып. 12 (591). — С. 25–37.

21. Рогова, Г.В. Методика обучения английскому языку на начальном этапе в средней школе [Текст] / Г.В. Рогова, И.Н. Верещагина. — М. : Просвещение, 1988. — 224 с.

22. Цветкова, З.М. О преподавании иностранных языков в средней школе [Текст]. — М. : Изд-во АПН РСФСР, 1949. — 32 с.

23. Decoo, W Systemization in Foreign Language Teaching: Monitoring Content Progression [Text] // Journal of Second Foreign Language Teaching and Research. — 2011. — Vol. 1. — Iss. 2. — Pp. 159–162.

24. Mondal, P The Importance of Principles in Teaching [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.yourarticlelibrary.com/teaching/the-importance-of-principles-in-teaching/5994/

25. Richards, J. Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics [Text]. — Longman, 1999. — 423 p.

26. Widdowson, H.G. Teaching Language as Communication / H.G. Widdowson. — N.Y. : Oxford University Press, 1990. —168 p.

References

1. Asimov, E.G. Novy slovar metodicheskikh terminov i ponyatii [New Glossary of Terms and Concepts of Teaching] [Tekst] / E.G. Asimov, A.N. Shchukin. — Moscow : Ikar, 2009. — 448 p. (in Russ.)
2. Borodulina, M.K. Obuchenie innostrannomu yazyku kak spetsialnosti [Teaching a Foreign Language as a Major] [Tekst] / M.K. Borodulina, A.L. Karlin. — Moscow : Vysshaya Shkola, 1975. — 264 p. (in Russ).
3. Burdenyuk, G.M. Ritmopedia v obuchenii inostrannym yazykam [Rithmopoedia in Foreign Language Teaching] [Tekst] / ed. by A.A. Leontyev. — Kishinev : Shtiintsa, 1985. — 131 p. (in Russ.)
4. Decoo, W. Systemization in Foreign Language Teaching: Monitoring Content Progression [Text] // Journal of Second Foreign Language Teaching and Research. — 2011. — Vol. 1. — Iss. 2. — Pp. 159–162.
5. Devterova, Z.R. Kompyuterny technology v obuchenii innostrannomu yazyku v vuze [Computer Technologies in Foreign Language Teaching in Tertiary Education: New Technologies] [Electronic resource]. — 2009. — N 3. — P. 89–91. — Mode of access : http://elibrary.ru/item.asp?id=12930075 (in Russ.)
6. Gez, N.I. Metodika obucheniya innostrannym yazykam v srednei shkole [Methods of Foreign Language Teaching at Secondary School] [Tekst] / N.I. Gez, M.V. Lyakhovitsky, A.A. Mirolyubov. — Moscow : Vysshaya Shkola, 1982. — 373 p. (in Russ.)
7. Kalmykov, A.A. O brazy NOO. Matritsa klyuchevykh poslaniy [The NOO images. A matrix of key Messages] [Tekst]. — Moscow ; Berlin : Direct-media, 2016. — 461 p.
8. Kitaigorodskaya, G.A. Metodicheskiye osnovy intensivnogo obucheniya inostrannym yazykam [Methodological Dasis of Foreign Language Teaching] [Tekst]. — Moscow : MSU, 1986. — 175 p. (in Russ.)
9. Kochmar, O.N. Primeneniye komputernykh tekhnologii pri obuchenii innostrannomu yazyku [Computer Technologies Used in Foreign Language Teaching] [Tekst] // Vestnik Nauki Sibiri. Seriya Fylologiya. Pedagogika [Herald of Science in Siberia. Philology. Pedagogy]. — 2012. — N 5. — Pp. 225–228. (in Russ.)
10. Krasnoshchyokova, G.A. Fundamentalizatsiya nespetsialnogo lingvisticheskogo obrazovaniya [Infusion of Linguistic science into non-specialized language education at universities] [Tekst] : Abstracts of doctoral dissertation, advanced degree. — Pyatigorsk, 2010. — 44 p. (in Russ.)
11. Kremleva, A.B. Ispolzovaniye videokhostinga na zanyatiyakh po innostrannomu yazyku v vysshey shkole [Using “Youtube” at a Foreign Language Class in Tertiary Education] [Tekst] // Infromatsionno-kommunikativniye tekhnologii v sovremennom obrazovatelnom protsesse: nauchnoye izdaniye. Sbornik nauchnikh statei [Informative and Communicative Technologies in Modern Educational Process: Scientific publication. Collection of articles]. — Chelyabinsk, 2016. — Pp. 111–117. (in Russ.)
12. Lamzin, S.A. Metodicheskiye printsipy kak osnova teorii obucheniya innostrannym yazykam: Sinergeticheskii aspekt [Prinsiples of Teaching as a Theoretical Basis in Foreign Language Teaching : Synergetic Approach] [Electronic resource]. — Ryazan, 2002. — Mode of access : http://www.dissercat.com/content/metodicheskie-prinsipy-kak-osnova- teorii-obucheniya-innostrannym-yazykam-sinergeticheskii (in Russ.)
13. Lapidus, B.A. Uchebnik angliyskogo yazyka [The Engkish Laguage. Textbook] [Tekst] / B.A. Lapidus, M.M. Neusikhina. — Moscow : Vysshaya Shkola, 1970. — 368 c.
14. Leont’yev, A.A. Printsip kommunikativnosti segodnya [Communicative Approach to Language Teaching and Learning Nowadays] [Tekst] // Innostranniye yazyki v shkole [Foreign Languages at School]. — 1986. — N 2. — P. 27–31. (in Russ.)
15. Lozanov, G.K. Suggestologiya I suggestopediya [Syuggestology and Suggestopedia] [Tekst] : Abstrascts of Doctoral Dissertation (medical Science). — Kharkov : Kharkov medical University ; Sofia, 1970. — 64 p. (in Russ.)
16. Malyov, A.B. Neprerivnaya lingvometodicheskaya podgotovka prepodavatelya innostrannogo yazyka [Continuous Education of a Foreign Language Teacher in Linguistics and Teaching Methods] [Tekst] : Abstracts of doctoral dissertation. — Nizhnii Novgorod, 2015. — 379 p. (in Russ.)
17. Mondal, P The Importance of Principles in Teaching [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.yourarticlelibrary.com/teaching/the-importance-of-principles-in-teaching/5994/
18. Naumova, O.V. Razvitiye metodiki prepodavaniya innostrannykh yazykov:obzor osnovnikh napravleni [Development of Methods in Foreign Language Teaching: Review of Basic Approaches [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.iling-ran.ru/library/sbornik/for_lang/2014_06/7.pdf&rct=j&frm (in Russ.)
19. Pavlova, I.P. Realizatsiya printsipa sistemnosti pri obuschenii obshcheniyu na innostrannom yazyke [Principle of Systematization in Teaching Foreign Language Communication] [Tekst] // Vestnik MGLU [Herald of the Moscow State Linguistic University]. — 2010. — N 12 (591). — Pp. 25–37. (in Russ.)
20. Richards, J. Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics [Text]. — Longman, 1999. — 423 p.
21. Rogova, G.V. Metodika obshcheniya angliyskomu yazyku na nachalnom etape v srednei shkole [Methods of Teaching English at the Initial Stage of Secondary School] [Tekst] / G.V. Rogova, I.N. Vereshchagina. — Moscow : Prosvechsheniye, 1988. — 224 p. (in Russ.)

22. Tsvetkova, Z.M. O prepodavanii innostrannykh yazykov v srednei [About Teaching of Foreign Languages at Seconday School] [Tekst]. — Moscow : Akademiya Pedagogicheskikh Nauk RSFSR, 1949. — 32 p. (in Russ.)
23. Vygotsky, L.S. Collection of Works [Tekst] : in 6 Vol. — Moscow : Pedagogika, 1982. — Vol. 1. (in Russ.)
24. Widdowson, H.G. Teaching Language as Communication [Text]. — N.Y. : Oxford University Press, 1990.
25. Yeryomina, O.V. Informatsionnyey tekhnologii v prepodavanii angliyskogo yazyka [Informative technologies in English Language Teaching] [Electronic recource]. — Mode of access : ttp://ict.edu.ru/vconf/files/3147.rtf (in Russ.)
26. Zhilavskaya, I.V. Pokoleniye Al'fa glazami pokoleniya Z [Alfa Generation in the Eyes of Z Generation] [Electronic recource]. — Mode of access : runet-id.com/…/23oct.ruv15-next3-2—jilavskay.pdf. (in Russ.)

Сведения об авторе

Панаити, Наталья Николаевна — старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Почтовый адрес (раб.): 390000, Рязань, ул. Свободы, 46. РГУ имени С.А. Есенина. Ауд. 38. Тел.: 97-15-32. Электронный адрес: n.panaiti@rsu.edu.ru

Panaïti, Natalia — Senior Lecturer, Dpt. of Linguistics and Intercultural Communication, Foreign Languages Institute, Ryazan State University named for S.A. Esenin. Postal address: 46. Svobody St., Ryazan, 390000. Tel.: 97-15-32. E-mail: n.panaiti@rsu.edu.ru

УДК 81'27 / 81'34

А.Д. Петренко, Д.М. Храбскова, Д.А. Петренко

Языковые изменения в аспекте социально ориентированной фонетики

Представленное в статье научное исследование носит теоретико-аналитический характер и предполагает обобщение и диахроническую интерпретацию модификационных процессов в акустико-звуковой синтагматике и парадигматике языка. Научная новизна заключается в унификации терминологической составляющей социофонетики как отдельной отрасли языкознания, что обусловливает целевую установку на описание предмета научного познания в его интердисциплинарной взаимосвязи. Сравнительное изучение основных трактовок лингвистической мысли XX–XXI столетий, а также анализ результатов прикладных фонетико-фонологических исследований, выполняемых в рамках крымской научной школы социофонетики и фоностилистики, позволяют определить предмет социофонетики как единицу звукового уровня языковой системы, динамически структурирующуюся в социальной плоскости. Заданным семантическим параметрам в полной мере отвечает термин «фонетическая переменная», который выступает в качестве определяющего к предметному денотату социально ориентированной фонетики. Социофонетический анализ как основной метод исследования в данной отрасли успешно апробирован в работах крымских ученых и позволяет подтвердить основной теоретический постулат, который зафиксирован в формулировке А.Д. Петренко: «Социофонетический анализ, предполагающий, в свою очередь, четкую соотнесенность действия любых постоянных признаков социальной и звуковой системы, открывает новые возможности поиска источников звуковых изменений. Данный подход позволяет наблюдать подобные процессы в динамике их развития и в самой общей форме выстроить жесткую эволюционную цепь в распространении произносительных форм от идиолекта к социолекту, а далее к общепринятому языковым сообществом варианту, получающему в итоге шанс стать однажды кодифицированным».

социофонетика, фоностилистика, языковые изменения, языковая вариативность

© Петренко А.Д., Храбскова Д.М., Петренко Д.А., 2017

Petrenko, Aleksandr; Khrabskova, Danuta; Petrenko, Daniil

Language Changes from the Perspective of Socially Oriented Phonetics

The research presented in the article has a theoretical-analytical character and presupposes generalization and diachronic interpretation of the modification processes in acoustic-sound syntagmatics and paradigmatics of the language. The scientific novelty lies in unifying the terminological component of socially-oriented phonetics (sociophonetics) as a separate branch of linguistics, with a view to describing this branch of linguistics in its interdisciplinary interdependence. Comparative studies of basic interpretations of the 20th century linguistic thought and of applied phonetic-phonologic research made within the confines of Crimean scientific school of sociophonetics and phonostylistics, starting since the 80th of the 20th century make it possible to identify the subject of sociophonetics as a unit of the sound level of a language system dynamically structured on the social plane. The term "phonetic variable" which functions as the identifier to the subject denotate of sociophonetics meets fully the adjusted semantic parameters. The object then is all the summation of socially conditioned language changes on phonetic-phonological level, showing correlational dependence with the processes of the language evolution. Sociophonetic analysis as the basic method of investigation in this branch is successfully attempted in the works of Crimean scientists and allows to prove the basic theoretical postulate of sociophonetics, which, independently from the structural organization of the material studied, remains unchanged and is fixed in Alexander D. Petrenko's formulation:

"Sociophonetic analysis" presupposing, in its turn, clear correlation of the function of any constant feature of the social and sound system, opens new venues to searching for the sources of sound changes. This approach allows to observe sound changes in the dynamics of their development, and in the most general form to trace a fixed evolutionary chain in the spreading of pronounced forms from idiolect to sociolect and further to a commonly accepted variant shared by the language community, with a chance to become codified sooner or later.

sociophonetics, phonostylistics, language change, linguistic variability

С середины 80-х годов прошлого столетия в Симферопольском государственном университете имени М.В. Фрунзе (ныне ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского») в рамках научной школы социофонетики и фоностилистики сформировалось новое направление социолингвистических исследований — социально обусловленная фонетико-фонологическая вариативность национального языка как целостной структуры. В сферу проблем изучения включены такие крупные темы, как двуязычие и многоязычие, характеристика языковой ситуации и языковое планирование, вариативность языка в социальном и национальном контекстах, социальное расслоение говорящих и развивающиеся языковые изменения, а также ряд других.

По словам одного из основоположников языковедческой науки В. фон Гумбольдта, «языковые знаки — это обязательно звуки» [1], которые являются средством передачи акустико-звукового образа слова. В настоящее время лингвистами многих стран активно разрабатывается проблема взаимоотношения нормирования и вариативности речи с учетом всего комплекса условий, регулирующих реализацию сегментного состава фонетики языка. В значительной степени это касается исследований в области произношения — социофонетики.

Перед языковедами стоит задача всестороннего и углубленного изучения проблем языковой вариативности, связанной с различными социальными признаками говорящих. Существенное влияние на фонетические особенности речи оказывают профессия, пол, возраст человека, а также изменения речевого поведения в разные периоды жизни говорящего. «Язык для живущего в нем сознания, — подчеркивает М.М. Бахтин, — это не абстрактная система нормативных форм, а конкретное разноречивое мнение о мире. Все слова пахнут профессией, жанром, направлением, партией, определенным произведением, определенным человеком, поколением, возрастом, днем и часом. Каждое слово пахнет контекстом и контекстами, в которых оно жило своею социально напряженной жизнью» [2].

---

[1] Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984. С. 302.

[2] Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Художественная литература, 1975. С. 166.

Основной целью социально-фонетических исследований в настоящее время является установление общественно значимых вариантов языковых знаков или их комплексов и анализ употребления этих вариантов в социологически релевантных группах, в определенных ситуациях и при определенной целевой направленности речевой коммуникации.

Как справедливо отметил В.М. Бухаров в своих наблюдениях над языковой деятельностью, к регулятивной основе такой деятельности группы говорящих любого уровня относятся принципы социального контроля и престижности, что находит свое отражение в языковой норме [3]. Л.И. Прокопова неоднократно подчеркивала, что вопрос о том, какой социолект или диалект оказывает решающее влияние на формирование орфоэпической нормы языка, неизбежно возникает в дискуссиях о перспективах и основных направлениях развития литературной нормы [4].

В современной лингвистике, благодаря работам У. Лабова [5], закрепилось представление о социофонетике как науке, которая расширяет взгляд на функции языка, концентрирует внимание на его социальном использовании и отвергает ограничения, накладываемые традиционной формальной лингвистикой на область изучаемых фактов и характер методов исследования. Одним из направлений современных исследований в социофонетике является установление истоков и причин языковых изменений, в том числе звуковых, как в плане диахронии, так и синхронии. Необходимость поиска источников системных изменений в языке и попытка их объяснения привели лингвистов к изучению более тесных и тонких взаимоотношений между языковыми и социальными структурами [6].

Во многих языках мира регистрируются мощные и нередко труднообъяснимые процессы, сущность которых является объектом лингвистических исследований [7]. Дифференциация населения постепенно приводит к тому, что представителям одного поколения становится все труднее понимать лиц, принадлежащих к другой генерации. Это хорошо иллюстрируют и различия внутри самих языковых сообществ, и речь представителей разных социальных групп, и отличия мужских и женских вариантов, и особенности языка детей, билингвизма и т. п. В связи с тем что исследователи ограничиваются чаще всего рамками функционального подхода к языку как к средству передачи информации, такие изменения оказываются за рамками позиций традиционного подхода [8].

В середине XX века У. Лабов осуществил фактический переворот в языкознании, доказав одним из первых на практике тесную взаимосвязь социальных и языковых структур на примере анализа ряда произносительных форм в речи носителей английского языка в Нью-Йорке [9]. Именно У. Лабов ввел в понятийный аппарат современной социофонетики числовое измерение, или переменные величины, с помощью которых устанавливаются корреляции между языковыми и социальными структурами.

Едва ли можно делить языковые явления на социально обусловленные и социально не обусловленные, если исходить из глубинных содержаний языковых процессов. Объективным представляется, что одни изменения в языке происходят очевидным образом и непосредственно

---

[3] Бухаров В.М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка : моногр. Нижний Новгород : Изд-во Нижегор. ун-та, 1995. 138 с.

[4] Прокопова Л.І. Соціолект школярів і німецька літературна вимова // Мови європейського культурного ареалу. Розвиток і взаємодія. Київ : Довіра, 1995. С. 163–168.

[5] См. напр.: Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике. М. : Прогресс, 1975. Вып. 7. С. 96–182.

[6] Лабов У. Единство социолингвистики // Социально-лингвистические исследования. М. : Наука, 1976. С. 5–31 ; Петренко А.Д. Проблема соотношения языковых изменений и социального варьирования // Актуальные проблемы изучения языка для специальных целей : науч. сб. М. : Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1992. Ч. II. С. 82–88.

[7] Стериополо Е.И. Система гласных и ее реализация в речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале немецкого языка) : автореф. дис. … д-ра филол. наук. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. 36 с. ; Ferguson C.A., Garnica O. Theories in phonological development // Foundations of language development / E.H. Lenneberg and E. Lenneberg (Eds.). New York : Academic Press, 1975. P. 153–180 ; Gauchat L. L´unité phonétique dans le patois d´une commune // Aus romanischen Sprachen und Literaturen : Festschrift Heinrich Morf. Halle : M. Hiemeyer, 1905. S. 368 ; Labov W. The Social Stratification of English in New York City / Center for applied linguistics. Washington : National Council of Teachers of English, 1966. 655 p. ; Müller-Freienfells R. Zur Psychologie und Soziologie phonetischer Erscheinungen // Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft. Berlin, 1948. H. 3/4. S. 151–164.

[8] Лабов У. Единство социолингвистики С. 5–31.

[9] Labov W. The Social Stratification of English in New York City.

под влиянием тех перемен, которые имеют место в общественной жизни, другие же зависят от них не столь явно — лишь по конечным результатам.

Первые работы в области социальной дифференциации языка отличались откровенно идеологическим и упрощенным взглядом на социальную структуру общества, в соответствии с которым эта структура рассматривалась исключительно как структура классовая. В работах современных ученых отмечается стремление учитывать всю многогранность и многоаспектность социальной структуры. Впервые об этом в СССР публично было заявлено лишь весной 1986 года президентом социологической ассоциации академиком Т.И. Заславской на страницах газеты «Известия».

Содержанием подавляющего большинства языковедческих исследований вплоть до середины XX века была разработка абстрактных теорий и гипотез в отношении языковых фактов, подтверждение которых откладывалось на долгое время. Главным был постулат об идеальном носителе языка и абсолютно однородном человеческом обществе, члены которого свободно владеют своим языком. Допускалось, однако, что носители языка способны к такой речевой деятельности, которая ни при каких условиях не подвержена влиянию меняющихся условий внеязыковой среды.

Приходится признать, что в реальном человеческом обществе не существует идеальных носителей языка, нет и не может быть идеальных и однородных человеческих коллективов. При этом, как подчеркивает О.С. Ахманова, «разные социальные группы, общественные слои, различные национальности оказываются в отношениях антагонистического противоречия, которое часто находит прямое и непосредственное отражение в явлениях языка, например, при отборе той или иной формы или варианта, противопоставлении друг другу различных национальных языков, искусственном стимулировании одних и подавлении других и т. п.» [10].

В эпоху структурализма и генеративной грамматики языковеды десятилетиями изучали свой предмет в качестве самостоятельной знаковой системы и вопрос о социальной природе языка был практически исключен из исследовательской области. Мнение о том, что такой подход заключает науку в слишком тесные рамки, складывалось достаточно медленно, однако, сформировавшись, оно стало общераспространенным, как и осознание необходимости вырваться за рамки подобных мыслительных схем.

Четкое разграничение социального и структурного аспектов языка уже наблюдается в лингвистике XX века. Один из основоположников социолингвистического направления в языкознании А. Мейе в своей критике концепции младограмматиков предвидел приближение времени, когда нельзя будет ссылаться на явления психической ассоциации, не подчиненной никакому общему принципу, и уже в начале века он убедительно писал о том, что понять язык можно лишь с учетом его социальной природы [11].

Формирование новых отраслей в языкознании — фоностилистики и социофонетики — вполне закономерно, поскольку дает возможность с новой точки зрения взглянуть на ряд нерешенных проблем. Одной из них является проблема развивающихся языковых изменений. Изменения на лексико-семантическом уровне могут быть подвергнуты практически *«визуальному»* наблюдению, на уровне грамматики для этого требуются более сложные методы регистрации и контроля. Очевидно, что изменения в языке охватывают все его структурные уровни. Вряд ли можно было бы утверждать, что некоторые из них *«отстают»* в своем развитии или остаются неизменными, незатронутыми.

К важным направлениям изучения развивающихся языковых изменений относится социофонетическая вариативность языка — реализация сегментного состава и просодическая организация речи в зависимости от социальной ситуации общения (фоностилистический аспект) и социальных факторов — социальный статус, пол и возраст говорящих (стратификационный аспект). Социолингвистический анализ на произносительном уровне позволяет сегодня:

– описать основные тенденции звуковых изменений, происходящих в синтагматике языка;

---

[10] Ахманова, О.С. Рец. на кн. : Labov W. The social Stratification of English in New York City // Вопросы языкознания. М. : Наука, 1967. № 6. С. 140.

[11] Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М. ; Л., 1938. 471 с.

– ответить на вопрос о причинах и характере языковых изменений, зафиксировать их в развитии (динамическая синхрония);

– выявить особенности варьирования речи в различных коммуникативных ситуациях общения и связанный с этим выбор говорящими того или иного произносительного стиля;

– учесть и обобщить особенности в распределении литературных, разговорных, диалектных и других языковых форм в речи представителей различных социальных групп;

– установить набор дифференциальных признаков, отличающих речь представителей одной социальной группы от речи другой (*социолект*);

– определить набор переменных правил реализации гласных и согласных в различных социальных группах;

– сопоставить характер варьирования речи говорящих мужского и женского пола *(сексолект)* в пределах одного или нескольких социальных диалектов;

– выявить характер языковой вариативности в речи представителей различных поколений говорящих (*аннолект*);

– установить особенности языковой вариативности на произносительном уровне в *идиолекте* на протяжении длительного времени.

Решение данных задач ведет к социальной стратификации языка, наиболее полному описанию его функциональных возможностей и тенденций развития звуковой системы.

В оценке вопроса языковых изменений часто звучат достаточно категоричные утверждения. Некоторые внешние причины для бессознательных языковых изменений, как полагает Э. Хауген, можно принять лишь с большими предосторожностями. Исследователь считает, что ни климат, ни оккупация, ни физиология, ни характер, ни история не могут быть причинами, вызывающими столь глубокие лингвистические изменения, как передвижение германских согласных или сдвиг гласных в английском языке, умлаут и потерю окончаний в большинстве романских и германских языков [12].

Подобное утверждение справедливо лишь в том смысле, что ни одно из перечисленных автором внешних обстоятельств непосредственно не вызывало тех или иных изменений в языке. Бесспорной представляется обусловленность языковых модификаций изменениями в общественной жизни. Нельзя не согласиться с тем, что возникшие под воздействием социально-экономических факторов контакты между народами и взаимодействие контактирующих языков, как естественное следствие подобного рода контактов, приводят к серьезным изменениям в структуре языка и, в частности, к довольно существенной перестройке фонологических систем. На это обстоятельство указывал еще Я. Гримм, сформулировавший закон о регулярных соответствиях между согласными в германских языках, с одной стороны, и согласными в других индоевропейских, но не германских языках — с другой. Э. Хауген объективно прав, заявляя, что нет языков, которые изменяются сами по себе, но есть люди, которые изменяют языки [13]. Меняются люди, и звуковые изменения — это естественная манифестация данного процесса.

Древневерхненемецкое передвижение согласных, как полагает немецкий лингвист Х.-Г. Вольф, началось первоначально в среднефранкском диалекте только у одной социальной группы, а именно у аристократии, которая из политических соображений искала языкового союза с верхненемецкими племенами [14]. Автор отметил процесс возникновения и развития языкового изменения в пределах отдельной социальной группы, которое распространилось позднее в речи представителей других групп говорящих. Вслед за Х.-Г. Вольфом подобные явления современные исследователи относят к понятию «*престиж элиты»*.

Понятие «престиж элиты» применимо и к процессу формирования французского языка при условии диалектического подхода к восприятию слова «элита». Языковая ситуация в Северной Галлии периода V–IX веков характеризуется как билингвальная латинско-франкская с ярко выраженными элементами галло-романской диглоссии. Исконное романизированное

---

[12] Haugen E. Social factors of sound change // Proceedings of the IX-th International Congress of Phonetic Sciences. Copenhagen : University of Copenhagen, 1980. Vol. III. P. 222–237.

[13] Ibid.

[14] Wolf H. Sprachwandel in soziolinguistischer Sicht // Germanistische Linguistik. Georg Olms Verlag, 1970. Vol. 1, N 6. 700 S.

население использовало в повседневной коммуникации галло-романский язык, подвергавшийся интенсивному влиянию германского суперстрата. Франкские завоеватели, представлявшие наиболее престижный слой населения, но одновременно и наименее образованный, и самый малочисленный (5 % от общего количества жителей Священной Римской империи романо-германских народов), были социально мотивированы к освоению языка подвластного им населения. Галло-романский язык франкской знати становится вторым языком общения на начальном этапе этнической ассимиляции (V–VI века), а на последующих этапах формирования французской народности — родным языком галло-романских франков. Именно этот германизированный галло-романский язык приобретает к VII веку наибольший социальный престиж, достаточный для постепенного вытеснения всех иных коммуникативных кодов. Таким образом, современный французский язык суть порождение германского сознания [15].

Еще одним примером может служить процесс формирования коптского языка в период эллинизации Египта (332–30 годы до н. э.). Претерпев кардинальные структурные изменения в фонетической организации (образование подсистемы гласных, развитие индоевропейской корреляции по звонкости/глухости на уровне согласных), на лексико-семантическом уровне (формирование системы отвлеченных понятий), на грамматическом уровне (трансформация полисинтетических структур в аналитические), коптский язык на современном этапе классифицируется как конечная стадия развития древнеегипетского языка, выступая показателем этнической принадлежности автохтонного христианского населения Верхнего Египта [16]. Тем самым подтверждается сформулированный Х.-Г. Вольфом постулат: языковые изменения являются не одноразовым актом, но сравнительно долгим процессом. Свое начало такой процесс берет на идиолектном уровне. Индивидуальное изменение получает шанс стать признанным языковым сообществом только после принятия более широким коллективом говорящих. Х.-Г. Вольф не уточняет, к сожалению, о каком именно коллективе говорящих идет речь. Он лишь отмечает, что первичную реализацию варианта на фонетическом уровне можно объяснить структурными, «*имманентными»* по отношению к языку факторами, а именно: артикуляционная база, количественные характеристики звуков, темп речи, мелодика, акцент и пр. Эти «*механические», «спонтанные»* (в терминах младограмматиков) факторы, как предполагает автор, должны быть глубоко перепроверены влиянием элементов социального порядка [17].

Мнения лингвистов о влиянии социальных факторов на причины языковых изменений в первой четверти XX столетия часто были абсолютно полярными. Например, А. Мейе считал, что социальное изменение служит единственным варьирующим элементом, к которому можно обратиться для объяснения языковых изменений, так как языковые изменения представляют собой последствия социального варьирования, иногда непосредственные и прямые, но гораздо чаще опосредованные и косвенные [18].

Довольно категорично в этой связи звучит точка зрения Л. Блумфилда, полагавшего, что многие звуковые изменения сокращают лингвистические формы, упрощают фонетическую систему или любым другим образом уменьшают трудность высказывания [19]. Однако до сих пор ни одному исследователю не удалось установить корреляцию между звуковыми изменениями и предыдущим явлением. Причины звукового изменения неизвестны.

Тем не менее, продолжают появляться теории, в которых лингвисты пытаются объяснить звуковые изменения одними единственными формальными признаками, такими, например, как упрощение правил, экономия речевых усилий и т. п. Уже на втором конгрессе, посвященном северной и общей лингвистике, языковеды отвергли свое более раннее утверждение об упрощении и признали точку зрения, высказанную Ф. де Соссюром и А. Мейе: спорадическая природа звукового изменения дает возможность объяснения через любой постоянный фактор в фонетической

---

[15] Храбскова Д.М. Фонетическая эволюция французской речи этнических французско-немецких билингвов : дис. … канд. филол. наук. Киев : Изд-во КНУ им. Тараса Шевченко, 2006. 241 с. (укр. яз.).

[16] Петренко А.Д., Храбскова Д.М. О социолингвистическом статусе коптского языка в контексте древней ближневосточной этнокультуры // Социолингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры : моногр. М. : Перо, 2015. С. 102–143.

[17] Wolf H. Sprachwandel in soziolinguistischer Sicht.

[18] Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale. Paris : Champion, 1926. Vol. 1. 240 p.

[19] Bloomfield L. Language. New York : Henry Holt, 1933. 386 p.

системе. Таким образом, впервые была высказана мысль о том, что объяснения динамики звукового изменения должны принимать во внимание параллельные изменения в обществе.

В своей статье У. Лабов ссылается на швейцарца Л. Гоша, на одно из первых его эмпирических исследований по изучению развивающихся фонетических изменений [20]. Результаты проведенного Л. Гоша социофонетического анализа помогли выявить целый ряд парадоксов, связанных с развивающимися языковыми изменениями. В частности, ученый обнаружил, что представители пяти поколений в маленьком франкоязычном поселке Шармей (Charmey) контона Фрибур (Fribourg) в Швейцарии по-разному реализовали один согласный и пять гласных. Это явление он оценил как свидетельство о развивающемся фонетическом изменении [21].

Четверть века спустя было установлено, что за прошедшее время четыре из отмеченных Л. Гоша реализаций, действительно, получили дальнейшее развитие. Стало очевидным, что обнаруженные и систематизированные им произносительные формы нельзя оценивать в рамках традиционных представлений. Принцип «*упрощения правил»,* а также «*наименьших усилий»,* выдвинутый позднее А. Мартине [22], вряд ли подходит для объяснения дифтонгизации [a] в [ao], при которой ядро дифтонга принимает более заднее положение, сопровождаясь скольжением. Л. Гоша выдвинул несколько социолингвистических гипотез. По одной из них главная роль в появлении и распространении новых произносительных форм приписывалась женщинам, которые в отношении языковых сдвигов были на поколение впереди мужчин. На действие схожего механизма указывает и анализ парижского варианта французского языка, выполненный Р. Рейхштейн [23].

Позднее сам У. Лабов исследовал сдвиги и видоизменения в фонетической системе нью-йоркского диалекта [24]. Полученные им результаты свидетельствуют о наличии многих изменений, характеризующихся усложнением артикуляции. Было установлено, что в течение трех поколений жители Нью-Йорка последовательно преобразовали краткий неопределенный звук [æ] в словах *bad* и *man* в [æ:] и далее последовательно в [E:∂], [e:∂], [i:∂]. В то же время огубленный гласный в *lost, off, coffee* и т. п. сместился от открытого [⊃] к [o:∂] [25]. Подобные цепи видоизменений регистрировались лингвистами Великобритании и США. По мнению У. Лабова, американское произношение проходит в настоящее время через великий сдвиг гласных [26]. В 14-м издании Словаря произношения современного английского языка Д. Джоунза зарегистрированы значительные изменения в распределении некоторых фонем в составах слов, появление у некоторых слов новых вариантов фонемных структур и т. д. [27].

К парадоксам иного рода относятся реализации, предлагаемые нередко словарями произношения. Например, Большой словарь немецкого произношения (GWDA, 1982) рекомендует в качестве нормы произношения в префиксах *er-, ver-, zer-* полную вокализацию вибранта «R». Ни в одном из исследованных нами социолектов Германии (студенты, школьники, служащие, врачи, профессора, рабочие) подобные реализации в официальной речи практически не встречались, хотя и были часто зарегистрированы в спонтанной, неподготовленной речи при достаточно быстром темпе у носителей языка с более низким социальным статусом (производственные рабочие) и у молодежи (школьники, студенты).

Информантам были предложены в качестве произносительной нормы следующие варианты реализаций в официальной речи, которые представлены в Большом словаре немецкого произношения (GWDA):

[α ' t s e: l n] — *erzählen,*	[α ' f a n] — *erfahren,*
[f α ' m a e (d) n] — *vermeiden,*	[t s α ' z E t s n] — *zersetzen,*
[t s α ' ∫ p a l t u η] — *Zerspaltung,*	[t s α ' f a l] — *Zerfall.*

[20] Лабов У. Единство социолингвистики. С. 16–17.

[21] Gauchat L. L´unité phonétique dans le patois d´une commune S. 368.

[22] Martinet A. Economie de changements phonétiques. Berne : A. Francke, 1955. 111 p.

[23] Reichstein R. Study of social and geographic variation of linguistic behaviour // Word. 1960. Vol. 16. P. 62–81.

[24] Labov W. The Social Stratification of English in New York City.

[25] Петренко О.Д., Петренко Д.О. Проблеми соціофонетичної варіативності мовлення // Вісник «Іноземна філологія». Київ : Видавництво КНУ ім. Тараса Шевченка. 2004. № 37–38. С. 15–18.

[26] Labov W., Ash Sh., Boberg Ch. Atlas of North American English: Phonetics, Phonology and Sound Change. Berlin ; New-York : Mouton de Gruyter ; Pck Har/CD edition (December 8, 2005). 318 p.

[27] Jones D., Gimson A.C., Ramsaran S. English Pronouncing Dictionary. London : Cambridge University Press, 1988. 413 p.

Однако эти варианты получили негативную оценку всех без исключения информантов — представителей шести социальных групп (школьники, студенты, преподаватели, юристы, врачи, предприниматели), в ходе тестов на субъективную реакцию, проведенных в период с 1993 года по 2013 год среди слушателей института иностранных языков Рурского университета в городе Бохум, студентов и преподавателей университета Дуйсбург-Эссен Федеральной Земли Северный Рейн-Вестфалия, а также Лейпцигского, Гейдельбергского и Гамбургского университетов. Среди опрошенных 75 % заявили, что это просто ошибка в произношении; 24 % респондентов ответили, что это исключительно диалектная форма, типичная для говорящих на юге и востоке Германии и выдает уроженцев Баварии или Саксонии; 1 % участников опроса отметили, что данную реализацию отличает сильно вульгаризированный оттенок, который в речи собеседника «режет слух» [28].

В то же время многие носители языка в обстановке официального общения употребляют полноартикулируемый гласный [e:] в безударных приставках *be-* и *ge-*, то есть в позиции, где согласно норме произношения необходима реализация редуцированного Murmellaut [∂]. И хотя число подобных реализаций невелико (от 3 % до 18 % в различных социолектах), необходимо отметить, что подобное расширение и, соответственно, усложнение артикуляции встречается довольно часто. На это обстоятельство в характеристике произносительных особенностей социолекта школьников указывает и Л.И. Прокопова [29].

В первом случае имеет место несоответствие произношения информантов орфоэпической норме в официальной речи. Это выглядит парадоксально, так как ставит под сомнение истинность словарной нормы и противопоставляет ей реальность речи, где продолжают реализовываться формы [ER], [fER], [tSER], представленные к тому же во всех словарях немецкого произношения вплоть до 1984 года.

Обозначается четкая граница в выборе варианта реализации префиксов в зависимости от степени официальности общения — от вокализованного [α] в непринужденной речи до [ER], [fER], [tSER] в официальной.

Во втором случае, при переходе [e:] → [∂] в префиксах *be-* и *ge-*, происходит совершенно новое явление, не зафиксированное ранее в исследованиях немецкого произношения и описанное нами впервые в характеристике социолекта немецких студентов Восточной Германии еще в 1986 году [30].

В своем исследовании Е.И. Стериополо [31] осуществила попытку установить пределы аллофонического варьирования гласных при описании системы фонем современного немецкого языка с целью выявить произносительные тенденции данной фонологической системы и сформулировать прогнозы относительно ее дальнейшего развития.

Автором определяется, в частности, фонологический статус долгой широкой фонемы [E:], которая оценивается в исследовании как уходящая из системы гласных фонем современного немецкого языка. Подобные заключения, на наш взгляд, не совсем корректны, поскольку для любого уровня языковой системы существует понятие центра и периферии, в рамках которых и размещаются (перемещаются) языковые единицы. Абсолютно соглашаясь с мнением Л.Р. Зиндера, определявшего данный гласный в качестве факультативного варианта фонемы [e:], считаем, что фонема [E:] не может рассматриваться в качестве «уходящей» из фонологической системы, ибо из системы ничего не может «уйти» или «исчезнуть».

В рамках функционалистической теории для объяснения подобных явлений формулируется следующее общее положение: принцип звуковой системы заключается в различении слов и таким образом в передаче референционного значения. А. Мартине выдвинул предположение, согласно которому многие звуковые сдвиги можно объяснить исходя из функциональной роли

---

[28] Петренко А.Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии : моногр. Киев : Довіра, 1998. 254 с. ; Petrenko A.D., Petrenko D.A. Theorie und Praxis der sozial orientierten Phonetikforschung // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt am Main ; Bern ; Bruxelles ; New York ; Oxford ; Wien : Peter Lang Edition, Intern. Verlag der Wissenschaften, 2013. S. 241–253.

[29] Прокопова Л.І. Соціолект школярів і німецька літературна вимова. С. 163–168.

[30] Петренко А.Д. Тенденции развития немецкого произношения в студенческой среде ГДР : автореф. дис. … канд. филол. наук. Киев : Изд-во КГУ им. Т.Г. Шевченко, 1986. 23 с.

[31] Стериополо Е.И. Система гласных и ее реализация в речи…

звуковой системы: цепи сдвигов определяют тенденцию системы сохранять различия, стиранию которых угрожает принцип наименьших усилий [32].

В одном из часто используемых объяснений языковых изменений природу сдвигов относят к процессу заимствований из диалектных разновидностей, пользующихся более высоким социальным престижем. Однако, если действие этого фактора, как отмечает У. Лабов, можно наблюдать во многих сельских районах, то в больших городах изменения возникают в центре пролетарских районов, причем городской диалект, пользующийся низким социальным престижем, становится все более и более отличным от диалекта среднего класса [33]. Во всех до настоящего времени исследованных случаях фронт языкового сдвига проходит в пределах центральных групп общества, а неравномерное распределение по классам закономерно сочетается с протеканием языковых изменений.

Как наглядно продемонстрировали исследования У. Лабова [34], проведенные в Нью-Йорке, смещение гласного позволяет, тем не менее, отличать *can* от *can't* даже в том случае, когда происходит упрощение конечной группы согласных, приводящее к апокопе конечного [t]. Так, для утвердительной формы имеется [kæn], а для отрицательной — [ka:n(t)]. Однако дальнейшие изменения нивелируют это различие, и на севере Нью-Джерси часто можно услышать [kæ:n] для обеих форм, так что слушателям приходится останавливать говорящего и переспрашивать по буквам, что он имел в виду: C-A-N или C-A-N-T?

Вместо обычного по своей простоте отрицания *nicht*, множество немцев предпочитают, элиминируя конечный смычный [t], произносить близкие диалектным формам [n∅:] или [ne:] вплоть до омофона [net]. В северонемецком ареале соседствуют формы, имеющие дифтонг в стандартном языке и монофтонг в диалекте (haus — hus); в центральных районах Германии — плозивный [g] и глайд [j] (gut — jut), формы с вокализованным [l]; в южно-немецких регионах [f ⊃ l] — [vo:i]. Взаимодействие подобных вариантов, бесспорно, сказывается как на норме стандартного произношения, так и на функционировании разговорного языка и местных диалектов.

При этом так же часто, как обнаруживаются цепочки изменений, противостоящих смещению значений, наблюдаются и изменения, приводящие к постепенному стиранию различий. Так, например, количественная редукция (сокращение/расширение) приводит в быстрой немецкой речи к слияниям, а иногда и к потере различий *(Kamm-kam*; *kam-kann*; *reisen-reißen; nieseln-niesen)*. В свою очередь, качественная редукция гласных, смещение вниз и вверх по степени подъема языка и изменения по признаку ряда приводят к тому, что некоторые слова становятся в результате сдвига неразличимыми, например: *ihr / er; Ohr / Uhr; ein / einen* и пр. Ряд разговорных и диалектных произносительных форм немецкого языка возможно идентифицировать, лишь принимая во внимание языковой контекст или соответствующие формы стандартного произношения, где подобные реализации выступают нередко в другом значении, например:

[gRos] — *“Gras”;*	[hozn] — *“Hasen”;*
[gRus] — *“groß”;*	[uR] — *“Ohr”;*
[mal] — *“Mehl”;*	[nabl] — *“Nebel”;*
[sten] — *“Stein”;*	[vi] — *“weh”.*

Подобные сдвиги наблюдаются в разных языках как на парадигматическом, так и на синтагматическом уровне. Например, в современном греческом языке гласная фонема [i:] представляет результат слияния семи гласных древнегреческого периода. В эльзасском варианте французского языка фонетическая недодифференциация коррелятивного признака «звонкость/глухость» приводит к омофонии. Ярким примером стилистического каламбура может служить фраза одного из французских министров эльзасского происхождения “Mes projets sont détruits” — [me-prɔ-ʒɛ-sõ-de-trɣi] — «Мои планы разрушены», которую члены парламента восприняли как [me-brɔ-ʃɛ-sõ-de-trɣit] — “Mes brochets sont des truites” — «Мои щуки — форель».

[32] Martinet A. Economie de changements phonétiques.
[33] Labov W. The Social Stratification of English in New York City.
[34] Лабов У. Единство социолингвистики. С. 5–31.

Нередко утрачиваются и грамматические различия. В современном немецком языке наблюдается очевидное разрушение синтаксической рамочной конструкции [35], происходит частичная нейтрализация признака слабого склонения имен существительных мужского рода. Французский язык в устной реализации потерял с исчезновением конечного -*s* важнейший признак множественного числа имен существительных. На это обстоятельство обращает внимание Н.С. Чемоданов [36]. В большинстве случаев лишь смещение гласных позволяет сохранить разграничение между единственным и множественным числом, однако со временем и это существенное различие почти стерлось. Президент Франции Шарль де Голль в обращении к французскому народу со словами *"Je m'adresse aux peuples…",* понимая функциональную недостаточность языка, вынужден был добавить *"au pluriel".* В современной Греции прескриптивным путем стремятся сохранить трисоставную структуру грамматической категории рода, которая в устной речи трансформируется в оппозицию "masculinum (+neutrum) / femininum" из-за апокопы -ν в артиклях формы аккузатива единственного числа (το(ν) ώμο *m.* / το ρούχο *n.*).

В социолингвистике постепенно сложилось мнение о необходимости особо рассматривать лингвистическое определение значения, которое оказывается существенно более узким, чем социальное, экспрессивное или стилистическое. Согласно утверждению У. Лабова, «невозможно никакое социальное, директивное или аппелятивное значение, коль скоро не существует первичного лингвистического определения понятия тождества, основанного на референционном значении. В противном случае слушатель будет воспринимать замену как указание на то, что говорящий сказал нечто иное, а не произвел выбор способа выражения некоторого утверждения, информируя, таким образом, о положении, статусе слушателя или об отношении к нему» [37].

Во всех случаях общающиеся производят социальный выбор одного из конкурирующих способов формулирования какого-либо высказывания. Таким образом, социолингвистические исследования отвечают одному из главных постулатов лингвистики, принадлежащему Л. Блумфилду: «…некоторые высказывания идентичны или отчасти сходны по звучанию и значению, несмотря на то, что нет двух фонетически тождественных высказываний» [38].

Закономерности в выборе того или иного варианта, характер их замены, социальное применение важны для социолингвистики в равной мере. Как считает Э. Стёртеван, мы не можем понять системы фонетических законов, пока не узнаем, каким образом «соперничество» между фонемами привело к победе одной из них. Перед тем как фонема сможет распространиться от слова к слову, необходимо, чтобы один из двух «соперников» приобрел некоторый престиж [39]. Мысль Э. Стёртевана о престиже фонем следует, очевидно, понимать так: престиж определенным образом переносится языковой/речевой общностью на одну из вариантных языковых форм. Следовательно, данная языковая форма обладает значимой социальной ценностью для этой общности.

Как полагает Ф. Вейсалов, «количество мыслимых, воспроизводимых и различаемых человеком звуковых образований теоретически не ограничено, но конкретное использование их в каждом из языков подчинено внутриязыковым законам. Неограниченные звуковые образования объединяются в ограниченное число функциональных единиц, из коих конструируется практически неисчислимое множество высказываний, хотя принцип выбора, то есть механизм селекции, в общетеоретическом плане не совсем ясен» [40].

С тех пор как А. Мартине высказал мысль о динамической синхронии, лингвистам был дан мощный импульс для проведения интенсивных исследований в направлении поиска развивающихся языковых изменений [41]. В данном направлении достигнуто довольно много практических успехов. Важнейшим достижением лингвистов стал прецедент включения многих

---

[35] Турищева О.О. Порушення рамкової конструкції в сучасній німецькій мові: функціональний аспект, нормативний статус : автореф. дис. … канд. филол. наук. Київ : Видавництво КНУ ім. Тараса Шевченка, 2011. 22 с.

[36] Чемоданов Н.С. Проблемы социальной лингвистики в современном языкознании // Новое в лингвистике. Вып. 7 : Социолингвистика. М. : Прогресс, 1975. С. 5–32.

[37] Лабов У. Единство социолингвистики. С. 30.

[38] Bloomfield L. Language. P. 125.

[39] Sturtevant E. An introduction to linguistic science. New Haven : Yale University Press, 1947. 234 p.

[40] Вейсалов Ф.Я. Проблема взаимосвязи субстанции и формы в современном языкознании // Структура языка и современные методы ее анализа : сб. науч. тр. Баку : Изд-во АГУ, 1986. URL : http://www.translit.az/ELEKTRON%20KITABXANA/ELMNEZERIMESELE/Faxraddin_Veysalli/Faxraddin_Veysalli-substansiya_ve_forma.htm

[41] Martinet A. Economie de changements phonétiques.

произносительных форм в новые издания словарей произношения и выход на новый уровень изучения проблем языковой нормы и произносительных стилей.

Привлечение стилистического аспекта в современных исследованиях языковой вариативности вполне закономерно и необходимо. Вопрос об определении стилей в лингвистике давно, по существу, является ключевым вопросом, от которого зависит решение многих других проблем. Попытка обозначить некоторые различия в речевом поведении носителей немецкого языка с учетом трех стилистических разновидностей речи, связанных с изменением ситуации общения, впервые предпринята в Большом словаре немецкого произношения (GWDA). Данная дифференциация основывается на исследованиях Г. Майнхольда [42] и С.М. Гайдучика [43] фоностилистических аспектов устной немецкой речи и восходит, по сути, к традициям ленинградской фонетической школы Л.В. Щербы [44], различавшего, как известно, полный и разговорный стили речи.

Со стилистическим фактором непосредственно связана и проблема изучения развивающихся языковых изменений. Подобные исследования трудоемки, а потому малочисленны, что затрудняет в настоящее время возможность составления атласа социальных диалектов того или иного языкового ареала, хотя подобный опыт уже имеется. Например, У. Лабов является автором двухтомника «Принципы языковых изменений» (Principles of Linguistic Change. Vol. I : Internal Factors. 1994 ; Vol. II : Social Factors. 2001), а в соавторстве с Ш. Эш и Ч. Бобергом — «Диалектологического атласа английского языка Северной Америки» (The Atlas of North American English, 2006).

В настоящее время приходится констатировать, что время утверждений и обобщений, подобных тем, что «так говорят», постепенно уходит в прошлое, требуя от лингвиста ответа на вопросы: «кто говорит?», «когда говорит?», «с кем говорит?», «в какой ситуации общения?», «представители каких групп говорящих?» и т. п.

Лингвистический анализ, предполагающий жесткую соотнесенность действия любых постоянных и переменных признаков социальной и звуковой системы, открывает новые возможности поиска источников звуковых изменений. Данный подход дает возможность наблюдать и регистрировать подобные процессы в динамике их развития и в самой общей форме выстроить устойчивую эволюционную цепь в распространении произносительных форм от идиолекта к социолекту, а далее к общепринятому языковым сообществом варианту, получающему в итоге шанс стать однажды кодифицированным.

Список использованной литературы

1. Ахманова, О.С. Рецензия на книгу: Labov W. The social Stratification of English in New York City [Текст] // Вопросы языкознания. — М. : Наука, 1967. — № 6. — С. 140–142.

2. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет [Текст]. — М. : Художественная литература, 1975. — 504 с.

3. Бухаров, В.М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка [Текст] : моногр. — Нижний Новгород : Изд-во Нижегор. ун-та, 1995. — 138 с.

4. Вейсалов, Ф.Я. Проблема взаимосвязи субстанции и формы в современном языкознании [Электронный ресурс] // Структура языка и современные методы ее анализа : сб. науч. тр. — Баку : Изд-во АГУ, 1986. — Режим доступа : http://www.translit.az/ELEKTRON%20KITABXANA/ELMNEZERIMESELE/Faxraddin_Veysalli/Faxraddin_Veysalli-substansiya_ve_forma.htm

5. Гайдучик, С.М. Орфоэпические нормы и фоностилистические черты [Текст] // Вопросы филологии. — Минск : Вышэйшая школа, 1973. — С. 153–161.

6. Гайдучик, С.М. Фоностилистический аспект устной речи: экспериментально-фонетическое исследование на материале немецкого языка [Текст] : автореф. дис. … д-ра филол. наук. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1973. — 31 с.

7. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст]. — М. : Прогресс, 1984. — 302 с.

[42] Meinhold G. Phonostilistische Ebenen in der deutschen Standardaussprache // Deutsch als Fremdsprache. Leipzig, 1986. N 5. S. 288–293; Idem. Deutsche Standardaussprache. Lautschwächungen und Formstufen. Jena, 1973. 147 S.

[43] Гайдучик С.М. Орфоэпические нормы и фоностилистические черты // Вопросы филологии. Минск : Вышэйшая школа, 1973. С. 153–161 ; Его же. Фоностилистический аспект устной речи: экспериментально-фонетическое исследование на материале немецкого языка : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Л. : Изд-во ЛГУ, 1973. 31 с.

[44] Щерба Л.В. Теория русского письма. Л. : Наука, 1983. 134 с.

8. Лабов, У. Единство социолингвистики [Текст] // Социально-лингвистические исследования. — М. : Наука, 1976. — С. 5–31.

9. Лабов, У. Исследование языка в его социальном контексте [Текст] // Новое в лингвистике. — М. : Прогресс, 1975. — Вып. 7. — С. 96–182.

10. Лабов, У. Отражение социальных процессов в языковых структурах [Текст] // Новое в лингвистике. — Вып. 7. — М. : Прогресс, 1975. — С. 320–335.

11. Мейе, А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков [Текст]. — М. ; Л., 1938. — 471 с.

12. Петренко, А.Д. Проблема соотношения языковых изменений и социального варьирования [Текст] // Актуальные проблемы изучения языка для специальных целей : науч. сб.— М. : Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1992. — Ч. II. — С. 82–88.

13. Петренко, А.Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии [Текст] : моногр. — Киев : Довіра, 1998. — 254 с.

14. Петренко, А.Д. Тенденции развития немецкого произношения в студенческой среде ГДР [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Киев : Изд-во КГУ им. Т.Г. Шевченко, 1986. — 23 с.

15. Петренко, А.Д. О социолингвистическом статусе коптского языка в контексте древней ближневосточной этнокультуры [Текст] / А.Д. Петренко, Д.М. Храбскова // Социолингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры : моногр. — М. : Перо, 2015. — С. 102–143.

16. Петренко, О.Д. Проблеми соціофонетичної варіативності мовлення [Текст] / О.Д. Петренко, Д.О. Петренко // Вісник «Іноземна філологія». — Київ : Видавництво КНУ ім. Тараса Шевченка, 2004. — № 37–38. — С. 15–18.

17. Прокопова, Л.І. Соціолект школярів і німецька літературна вимова [Текст] // Мови європейського культурного ареалу. Розвиток і взаємодія. — Київ : Довіра, 1995. — С. 163–168.

18. Стериополо, Е.И. Система гласных и ее реализация в речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале немецкого языка) [Текст] : автореф. дис. … д-ра филол. наук. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. — 36 с.

19. Турищева, О.О. Порушення рамкової конструкції в сучасній німецькій мові: функціональний аспект, нормативний статус [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Київ : Видавництво КНУ ім. Тараса Шевченка, 2011. — 22 с.

20. Храбскова, Д.М. Фонетическая эволюция французской речи этнических французско-немецких билингвов [Текст] : дис. … канд. филол. наук. — Киев : Изд-во КНУ им. Тараса Шевченко, 2006. — 241 с.

21. Чемоданов, Н.С. Проблемы социальной лингвистики в современном языкознании [Текст] // Новое в лингвистике. — Вып. 7 : Социолингвистика. — М. : Прогресс, 1975. — С. 5–32.

22. Щерба, Л.В. Теория русского письма [Текст]. — Л. : Наука, 1983. — 134 с.

23. Bloomfield, L. Language [Text]. — New York : Henry Holt, 1933. — 386 p.

24. Jones, D. English Pronouncing Dictionary [Text] / D. Jones, A.C. Gimson, S. Ramsaran. — London : Cambridge University Press, 1988. — 413 p.

25. Ferguson, C.A. Theories in phonological development [Text] / C.A. Ferguson, O. Garnica // Foundations of language development. — Lenneberg E.H. and Lenneberg E. (Eds.). — N.Y. : Academic Press, 1975. — P. 153–180.

26. Gauchat, L. L´unité phonétique dans le patois d´une commune [Text] // Aus romanischen Sprachen und Literaturen: Festschrift Heinrich Morf. — Halle : M. Hiemeyer, 1905. — 368 S.

27. Haugen, E. Social factors of sound change [Text] // Proceedings of the IX-th International Congress of Phonetic Sciences. — Copenhagen : University of Copenhagen, 1980. — Vol. III. — P. 222–237.

28. Labov, W. The Social Stratification of English in New York City [Text] / Center for applied linguistics. — Washington : National Council of Teachers of English, 1966. — 655 p.

29. Labov, W. Atlas of North American English: Phonetics, Phonology and Sound Change [Text] / W. Labov, Sh. Ash, Ch. Boberg. — Berlin ; New York : Mouton de Gruyter ; Pck Har/CD edition (December 8, 2005). — 318 p.

30. Martinet, A. Economie de changements phonétiques [Text]. — Berne : A. Francke, 1955. — 111 p.

31. Meillet, A. Linguistique historique et linguistique générale [Text]. — Paris : Champion, 1926. — Vol. 1. — 240 p.

32. Meinhold, G. Phonostilistische Ebenen in der deutschen Standardaussprache [Text] // Deutsch als Fremdsprache.— Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1986. — N 5. — S. 288–293.

33. Meinhold, G. Deutsche Standardaussprache. Lautschwächungen und Formstufen [Text]. — Jena : Friedrich-Schiller-Universität, 1973. — 147 S.

34. Müller-Freienfells, R. Zur Psychologie und Soziologie phonetischer Erscheinungen [Text] // Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft. — Berlin, 1948. — H. 3/4. — S. 151–164.

35. Petrenko, A.D. Theorie und Praxis der sozial orientierten Phonetikforschung [Text] / A.D. Petrenko, D.A. Petrenko // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. — Frankfurt am Main ; Bern ; Bruxelles ; New York ; Oxford ; Wien : Peter Lang Edition, Intern. Verlag der Wissenschaften. — 2013. — S. 241–253.

36. Reichstein, R. Study of social and geographic variation of linguistic behaviour [Text] // Word. — 1960. — Vol. 16. — P. 62–81.

37. Sturtevant, E. An introduction to linguistic science [Text]. — New Haven : Yale University Press, 1947. — 234 p.

38. Wolf, H. Sprachwandel in soziolinguistischer Sicht [Text] // Germanistische Linguistik. — Georg Olms Verlag, 1970. — Vol. 1. — N 6. — 700 S.

References

1. Akhmanova, O.S. Retsenziya na knigu W. Labov: The Social Stratification of English in New York City [Book Review of W. Labov: The Social Stratification of English in New York City] [Tekst] // Voprosy yazykoznaniya. — M. : Nauka, 1967. — N 6. — S. 140–142. (in Russ.)

2. Bakhtin, M.M. Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let [Problems of literature and aesthetics. Studies from different years] [Tekst]. — M. : Khudozhestvennaya literature, 1975. — 504 s. (in Russ.)

3. Bukharov, V.M. Varianty norm proiznosheniya sovremennogo nemetskogo literaturnogo yazyka : Monogr. [Variants of pronunciation rules of modern German literary language] [Tekst]. — Nizhny Novgorod : Izdatelstvo Nizhegorodskogo universiteta, 1995. — 138 s. (in Russ.)

4. Veysalov, F.Ya. Problema vzaimosvyazi substantsii i formy v sovremennom yazykoznanii [The relationship of substance and form in modern linguistics] [Elektronnyy resurs] // Collection of papers: Struktura yazyka i sovremennye metody ee analiza [Language Structure and Modern methods of its Analysis]. — Baku : Izdatelstvo AGU, 1986. — Rezhim dostupa : http://www.translit.az/ELEKTRON KITABXANA/ELMNEZERIMESELE/ Faxraddin_Veysalli/Faxraddin_Veysalli-substansiya_ve_forma.htm (in Russ.)

5. Gayduchik, S.M. Orfoepicheskie normy i fonostilisticheskie cherty [Orthoepic norms and phonostylistic features] [Tekst] // Voprosy filologii. — Minsk : Vysheyshaya shkola, 1973. — S. 153–161. (in Russ.)

6. Gayduchik, S.M. Fonostilisticheskiy aspekt ustnoy rechi: Eksperimentalno-foneticheskoe issledovanie na materiale nemetskogo yazyka [The Phonostyistic Aspect of Oral Speech: An experimental phonetic study of German] [Tekst] : Abstracts of doctoral dissertation in philology. — L. : Izdatelstvo LGU, 1973. — 31 s. (in Russ.)

7. Gumboldt, V. fon. Izbrannyie trudy po yazykoznaniyu [Selected works in linguistics] [Tekst]. — M. : Progress, 1984. — 302 s. (in Russ.)

8. Labov, W. Edinstvo sotsiolingvistiki [The Unity of Sociolinguistics] [Tekst] // Sotsialno-lingvisticheskie issledovaniya [Studies in Social Linguistics]. — M. : Nauka, 1976. — S. 5–31. (in Russ.)

9. Labov, W. Issledovanie yazyka v ego sotsialnom kontekste [The Study of language in its social context] [Tekst] // Novoe v lingvistike [Recent research in Linguistics]. — Iss. 7. — M. : Progress, 1975). — S. 960–182. (in Russ.)

10. Labov, W. Otrazhenie sotsialnykh protsessov v yazykovykh strukturakh [The Reflection of social processes in linguistic structures] [Tekst] // Novoe v lingvistike. — Iss. 7. — M. : Progress, 1975. — S. 320–335. (in Russ.)

11. Meye, A. Vvedenie v sravnitelnoe izuchenie indoevropeyskih yazyikov [Introduction to the comparative study of Indo-European languages] [Tekst]. — Moscow ; Leningrad, 1938. — 471 s. (in Russ.)

12. Petrenko, A.D. Problema sootnosheniya yazyikovyh izmeneniy i sotsialnogo varyirovaniya [The problem of the relation of linguistic change and social variation] [Tekst] // Collection of research papers: Aktualnye problemy izucheniya yazyka dlya spetsialnykh tseley [Urgent issues of studying languages for special purposes]. — Pt. II. — M. : Izdatelstvo MGU im. M.V. Lomonosova, 1992. — S. 82–88. (in Russ.)

13. Petrenko, A.D. Sotsiofoneticheskaya variativnost sovremennogo nemetskogo yazyka v Germanii: Monografiya [Sociophonetic variation of the modern German language in Germany] [Tekst]. — Kiev : Dovira, 1998. — 254 s. (in Russ.)

14. Petrenko, A.D. Tendentsii razvitiya nemetskogo proiznosheniya v studencheskoy srede GDR [Trends in the development of German pronunciation among students of the GDR] [Tekst] : Abstracts of candidate dissertation in philology. — Kiev : Izdatelstvo KGU im. T.G. Shevchenko, 1986. — 23 s. (in Russ.)

15. Petrenko, A.D. O sotsiolingvisticheskom statuse koptskogo yazyka v kontekste drevney blizhnevostochnoy etnokulturyi [On the sociolinguistic status of the Coptic language in the context of ancient Middle East ethnic culture] [Tekst] / A.D. Petrenko, D.M. Khrabskova // Sotsiolingvisticheskie problemyi variativnosti yazyika

kak tselostnoy strukturyi [Sociolinguistic issues of variation of the language as an entity] : Monogr. — M. : Pero, 2015. — S. 102–143. (in Russ.)

16. Petrenko, O.D. Problemy sotsiofoneticheskoy variativnosti rechi [On the sociophonetic variability of speech] [Tekst] / O.D. Petrenko, D.O. Petrenko // Vestnik «Inostrannaya filologiya». — N 37–38. — Kiev : Izdatelstvo KNU im. Tarasa Shevchenko, 2004. — S. 15–18. (in Ukr.)

17. Prokopova, L.I. Sotsiolekt shkolnikov i nemetskoe literaturnoe proiznoshenie [Sociolect of students and German pronunciation] [Tekst] // Yazyiki evropeyskogo kulturnogo areala. Razvitie i vzaimodeystvie [Languages of European Culture Area]. — Kiev : Dovira, 1995. — S. 163–168. (in Ukr.)

18. Steriopolo, E.I. Sistema glasnyh i ee realizatsiya v rechi. (Eksperimentalno-foneticheskoe issledovanie na materiale nemetskogo yazyika) [The vowel system and its realization in speech. (Experimental phonetic research of the German language)] [Tekst] : Abstracts of doctoral dissertation in philology. — SPb. : Izdatelstvo SPbGU, 1995. — 36 s. (in Russ.)

19. Turischeva, O.O. Narushenie ramochnoy konstruktsii v sovremennom nemetskom yazyike: funktsionalnyiy aspekt, normativnyi status [Violation of the framework structure in modern German: functional aspect, the normative status] [Tekst] : Abstracts of candidate dissertation in philology. — Kiev : Izdatelstvo KNU im. Tarasa Shevchenko, 2011. — 22 s. (in Ukr.)

20. Khrabskova, D.M. Foneticheskaya evolyutsiya frantsuzskoy rechi etnicheskih frantsuzsko-nemetskih bilingvov [Phonetic evolution of the French language of ethnic French-German bilinguals] [Tekst] : Candidate dissertation in philology. — Kiev : Izdatelstvo KNU im. Tarasa Shevchenko, 2006. — 241 s. (in Ukr.)

21. Chemodanov, N.S. Problemy sotsialnoy lingvistiki v sovremennom yazykoznanii [Issues of social linguistics in modern linguistics] [Tekst] // Novoe v lingvistike [Recent research in Linguisitcs]. — Iss 7 : Sotsiolingvistika. — M. : Progress, 1975. — S. 5–32. (in Russ.)

22. Scherba, L.V. Teoriya russkogo pisma [Theory of Russian writing] [Tekst]. — Leningrad : Nauka, 1983. — 134 s. (in Russ.)

23. Bloomfield, L. Language [Text]. — New York : Henry Holt, 1933. — 386 p.

24. Jones, D. English Pronouncing Dictionary [Text] / D. Jones, A.C. Gimson, S. Ramsaran. — London : Cambridge University Press, 1988. — 413 p.

25. Ferguson, C.A. Theories in phonological development [Text] / C.A. Ferguson, O. Garnica // Foundations of language development / ed by. E.H. Lenneberg and E. Lenneberg. — New York : Academic Press, 1975. — Pp. 153–180.

26. Gauchat, L. L´unité phonétique dans le patois d´une commune [Text] // Aus romanischen Sprachen und Literaturen / Festschrift Heinrich Morf. — Halle : M. Hiemeyer, 1905. — 368 p.

27. Haugen, E. Social factors of sound change [Text] // Proceedings of the IX-th International Congress of Phonetic Sciences. — Copenhagen : University of Copenhagen, 1980. — Vol. III. — Pp. 222–237.

28. Labov, W. The Social Stratification of English in New York City [Text] / Center for applied linguistics. — Washington : National Council of Teachers of English, 1966. — 655 p.

29. Labov, W. Atlas of North American English: Phonetics, Phonology and Sound Change [Text] / W. Labov, Sh. Ash, Ch. Boberg. — Berlin — New York : Mouton de Gruyter ; Pck Har/CD edition, 2005. — 318 p.

30. Martinet, A. Economie de changements phonétiques [Text]. — Berne : A. Francke, 1955. — 111 p.

31. Meillet, A. Linguistique historique et linguistique générale [Text]. — Vol. 1. — Paris : Champion, 1926. — 240 p.

32. Meinhold, G. Phonostilistische Ebenen in der deutschen Standardaussprache [Text] // Deutsch als Fremdsprache. — Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1986. — N 5. — Pp. 288–293.

33. Meinhold, G. Deutsche Standardaussprache. Lautschwächungen und Formstufen [Text]. — Jena : Friedrich-Schiller-Universität, 1973. — 147 p.

34. Müller-Freienfells, R. Zur Psychologie und Soziologie phonetischer Erscheinungen [Text] // Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft. — Berlin, 1948. — H. 3/4. — Pp. 151–164.

35. Petrenko, A.D. Theorie und Praxis der sozial orientierten Phonetikforschung [Text] / A.D. Petrenko, D.A. Petrenko // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. — Frankfurt am Main ; Bern ; Bruxelles ; New York ; Oxford ; Wien : Peter Lang Edition, Intern. Verlag der Wissenschaften, 2013. — Pp. 24–253.

36. Reichstein, R. Study of social and geographic variation of linguistic behaviour [Text] // Word. — 1960. — Vol. 16. — Pp. 62–81.

37. Sturtevant, E. An introduction to linguistic science [Text]. — New Haven : Yale University Press, 1947. — 234 p.

38. Wolf, H. Sprachwandel in soziolinguistischer Sicht [Text] // Germanistische Linguistik. — Georg Olms Verlag, 1970. — Vol. 1, N 6. — 700 p.

Сведения об авторах

Петренко Александр Демьянович — доктор филологических наук, профессор, директор института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», академик Академии наук высшей школы Украины, лауреат почетного знака Министерства образования и науки Украины «За научные достижения», лауреат почетного звания «Заслуженный работник образования Автономной Республики Крым». Почтовый адрес (раб.): ул. Ленина, д. 11, Симферополь, 295000, Республика Крым. Электронный адрес: aldpetrenko@ukr.net

Petrenko, Aleksandr — Ph.D., Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Philology and Foreign Languages, Head of the Chair of Language Theory, Literature and Sociolinguistics, Tavricheskaya Academy — branch of Crimean Federal University named for V.I. Vernadsky; Academician (Academy of Sciences, Tertiary Education, Ukraine), holder of the Honorary Sign of the Ministry of Education and Science, Ukraine ("For Academic Merit"), Merited Educator of the Autonomous Republic of Crimea. Postal address: 11 Lenin St., Simferopol, 295000, Republic of Crimea, Russia. E-mail: aldpetrenko@ukr.net

Храбскова Данута Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора института иностранной филологии по научно-исследовательской работе, заведующая кафедрой романской и классической филологии Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского». Почтовый адрес (раб.): ул. Ленина, д. 11, Симферополь, 295000, Республика Крым. Электронный адрес: danuta.simf@yandex.ru

Khrabskova, Danuta — Ph.D. (Philology), Associate Professor, Deputy Director of the Institute of Philology and Foreign Languages for Research, Head of the Chair of Romance and Classical Philology, Tavricheskaya Academy — branch of Crimean Federal University named for V.I. Vernadsky. Postal address: 11 Lenin St., Simferopol, 295000, Republic of Crimea, Russia. E-mail: danuta.simf@yandex.ru

Петренко Даниил Александрович — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского». Почтовый адрес (раб.): ул. Ленина, д. 11, Симферополь, 295000, Республика Крым. Электронный адрес: daniil.petrenko@list.ru

Petrenko, Daniil — Ph.D. (Philology), Associate Professor, Head of the Chair of German Philology, Tavricheskaya Academy — branch of Crimean Federal University named for V.I. Vernadsky. Postal address: 11 Lenin St., Simferopol, 295000, Republic of Crimea. E-mail: daniil.petrenko@list.ru

УДК 81'27+811.111

Э.В. Семенова

Экстра- и интралингвистические факторы реализации межкультурной коммуникации юристов (на материале английского языка)

В рамках межкультурной профессиональной коммуникации юристов рассматривается национально-культурная специфика английской кодифицированной юридической терминологии и профессионально-жаргонного слоя юридической лексики, что обусловлено воздействием экстралингвистических и интралингвистических факторов на их формирование. В статье анализируются кодифицированные термины как маркеры научного стиля и официальной ситуации и неофициальные разговорные специальные номинативные единицы (профессиональный жаргон) как основа разных уровней межкультурного профессионального общения работников правоохранительных органов.

Совокупность знаний национальных свойств профессиональной деятельности и способов лингвистической репрезентации специальных понятий, а также фоновые знания истории развития научно-практической сферы отрасли в иноязычной национальной культуре, наряду с языковыми компетенциями, обусловливает успешность межкультурной коммуникации в профессиональной сфере.

межкультурная коммуникация, языковая компетенция, коммуникативная компетенция, юридическая терминология, профессиональный жаргон, фоновые знания

© Семенова Э.В., 2017

Semenova, Ella

Extra- and Intralinguistic Factors of Intercultural Communication Affecting Legal Discourse in English (illustrated by examples in English)

The goal of the paper is to trace the impact of extralinguistic and intralinguistic factors on legal terminology formation and on the formation of professional legal jargon. Besides, much attention is paid to the framework of intercultural professional communication of lawyers, the national and cultural specificity of English legal terminology. The paper analyzes codified terms as markers of scientific style and official situation, informal colloquial terms (professional jargon) as a professional dialect layer. Codified terms and professional jargon emphasize various levels of intercultural professional communication of law-enforcement officers.

The success of intercultural communication in the professional sphere is fostered by awareness of national peculiarities of professional legal discourse, assimilation of legal concepts and their linguistic representation; it also depends on background diachronic knowledge of the development of legal practices within the foreign language culture. All these, alongside with fluency of communicative skills, ensure effective professional intercultural communication.

intercultural communication, language competence, communicative competence, legal terminology, professional jargon, background knowledge

Межкультурная коммуникация — это сложный процесс интерпретации как иноязычного, так и инокультурного поведения коммуникантов. В связи с этим успех межкультурного общения возможен только при владении его участниками коммуникативной компетенцией. При этом построение речевого поведения в различных коммуникативных ситуациях, в том числе в профессиональной области, основывается на знаниях языка и культуры.

В.Г. Костомаров характеризует коммуникативную компетенцию как «способность к выбору и реализации программ речевого поведения в зависимости от способности человека ориентироваться в различной обстановке, то есть его умения оценивать ситуации с учетом темы, задач, коммуникативных установок, возникающих у участников до и во время беседы» [1]. Из приведенного определения следует, что структура коммуникативной компетенции является сложной и многоуровневой. Так, В.С. Виноградов выделяет пять уровней коммуникативной компетенции: психофизиологические особенности личности (собственно коммуникативная способность человека); социальная характеристика и статус личности; культурный фонд личности; языковая компетенция личности (владение языком) и прагматикон личности (мотивационная сфера и собственно коммуникативные знания, умения и навыки) [2].

Наличие коммуникативной компетенции у участников межкультурной коммуникации способствует успешному взаимопониманию и интерпретации сообщения. При этом происходит взаимовлияние участников процесса как представителей различных культур. Очевидно, что в условиях межкультурной коммуникации, наряду с общекультурной компетенцией (способность ориентироваться в пространстве национальных, социальных явлений), особую роль играют лингвистическая (языковая) и предметная (профессиональная) компетенции (способность ориентироваться, выбирать способ деятельности и поведения в пространстве «профессиональных традиций»). На основе анализа зарубежных и отечественных исследователей Т.П. Оглуздина делает следующие выводы: 1) языковая компетенция — это базовый компонент коммуникативной компетенции; 2) большинство ученых рассматривают языковую компетенцию как знание языковой системы изучаемого языка на фонологическом, лексическом и грамматическом уровнях [3].

---

[1] Муреева С.В. Изучение латыни в юридическом вузе в аспекте межкультурной компетенции. Саратов : Научная книга, 2004. С. 22.

[2] Шамне Н.Л. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации : учеб. пособие. Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999. С. 120–121.

[3] Оглуздина Т.П. Развитие содержания понятия «языковая компетенция» в истории лингвистики и теории обучения иностранным языкам // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. Вып. 2 (104). С. 91–94.

Первичным средством коммуникации является язык, и от владения языком и дальнейшего его использования зависит качество передачи и понимания сообщения. При этом адресант как отправитель сообщения проявляет более узкую языковую компетенцию и, напротив, адресат как получатель — более широкую [4]. Языковая компетенция требует наличия определенных языковых знаний и навыков их применения. Стоит также отметить, что в рамках любой профессиональной межкультурной коммуникации необходимо учитывать не только национально-культурную специфику общих базовых понятий, но и терминологическую составляющую.

Терминологические системы являются характерными частями языковой картины мира. Каждая из них связана с определенной областью человеческой деятельности. Понятия, определяемые терминами, основываются на общепринятой реальности, которая специфически трансформируется научными знаниями (физика, химия, биология), волевыми факторами, институциональным идеологическим и экономическим обоснованием деятельности правительства, развитием эстетических и других нужд общества, связанных с различными формами проявления культурной жизни (право, искусство, литература) [5]. Стоит отметить, что при осуществлении межкультурной правовой коммуникации необходимо учитывать воздействие экстралингвистических (внеязыковых) и интралингвистических (языковых) факторов на формирование юридической терминологии, а также их влияние на специфику юридических документов и профессионального общения. Влияние этих факторов определяет отбор речевых номинативных единиц в той или иной ситуации общения, в том числе и в отдельной профессиональной группе. В этом случае, наряду с языковой компетенцией, важным фактором коммуникации выступает профессиональная компетенция.

Юридическую лексику можно разделить на официально-закрепленные термины и неофициальные разговорные единицы (профессиональный сленг, жаргон). Эти два типа номинативных единиц принадлежат различным стилям языка и характеризуются спецификой значений. Различны также сферы их применения. Официально-закрепленные термины, в отличие от профессионального сленга, употребляемого в неофициальной разговорной речи, являются маркерами научного стиля и официальной коммуникативной ситуации (законотворчество, экспертиза законопроектов и др.). Специфика правовой коммуникации отличается содержательной точностью, объективностью, логичностью, несет высокую целевую рациональность. При этом «принятые нормы употребления слов определяют некоторые формы мышления и поведения» [6].

Официально-закрепленные термины отличаются точностью формулировок и отсутствием коннотаций. Такие термины являются эмоционально-нейтральными и представлены не только одним словом (***sentence*** — приговор (к наказанию)), сочетанием слов ***(Appeal Court, Juvenile Court)***, но и значительным количеством устойчивых словосочетаний и клише, в том числе неассимилированными латинскими наименованиями и архаизмами (***to introduce a bill*** — представлять (внести) законопроект; ***to be on the floor*** — стоять на обсуждении (о законопроекте); ***to be in the chair*** — председательствовать; ***mens rea*** — виновная воля (вина); ***actus reus*** — виновное действие; ***said*** — (выше)упомянутый, ***to*** **inquire** — запрашивать) [7].

Любая деятельность юриста (правоприменительная, экспертно-консультационная и др.) «немыслима без ведения диалога и/или разрешения конфликтов, обсуждения и составления договоров, ведения деловой переписки» [8], а также без решения практических вопросов применения права (например, работниками следственных органов). Исходя из этого необходимо отметить, что

---

[4] Якобсон Р. Избранные работы по лингвистике / Благовещ. гуманит. колледж им. И.А. Бодуэна де Куртенэ. Благовещенск, 1998. С. 313.

[5] Khizhnyak S.P. Terminological systems of law as specific fragments of the language picture of the world // Legal English: theory and practice of teaching: Interuniversity bulletin of scientific articles / Editor-in-Chief S.P. Khizhnyak ; SEI of HPE “Saratov State Law Academy”. Saratov : SEI of HPE “Saratov State Law Academy” Publishers, 2011. P. 29.

[6] Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Зарубежная лингвистика. I : пер. с англ. / общ. ред. В.А. Звегинцева. Н.С. Чемоданова. М. : Прогресс, 1999. С. 58.

[7] Англо-русский юридический словарь / С.Н. Андрианов, А.С. Берсон, А.С. Никифоров. 3-е изд., испр. М. : РУССО, 2000.

[8] Вьюшкина Е.Г. Обучение студентов-юристов навыкам делового общения в рамках программы «Переводчик в сфере коммуникации» // Коммуникации в информационном обществе: проблемы и возможности. Чебоксары : Изд-во Чуваш. гос. пед. ун-та, 2017. С. 54–58.

представители юридических профессий во время устного профессионального общения пользуются различными специальными терминами, которые можно обозначить как профессионально-жаргонный слой. При этом наличие профессиональных различий в языке не подрывает его единства — соответствующие специфические особенности находят полное применение, позволяя более точно обозначить все детали и оттенки, порой очень важные для «посвященных» [9].

В социально-функциональной парадигме языка выделяются также жаргоны разного типа с характерной ограниченностью употребления, так как они выполняют функцию узконаправленного общения обособленной группы, в том числе объединенной одной профессией.

Совокупность жаргонных слов, составляющих слой разговорной лексики согласно отечественной лингвистической традиции, носит, как правило, эмоциональный, экспрессивный, ироничный характер, они образуются на основе метафорических переносов «(***coffin*** — a jail cell; ***bad actor*** — a criminal; ***babysister*** — a body guard, often for a witness under police protection)» [10]. В системе юридических профессиональных жаргонизмов отмечаются устойчивые словосочетания, также образованные по метафорическим моделям, сущность которых состоит в том, чтобы имеющимися (первичными) номинативными средствами языка передать новые правовые понятия: действие — результат (***struck off*** — продано); действие — человек (***go between*** — посредник). Проникновение в речь юристов жаргонизмов и замена ими общепринятых слов связаны, в первую очередь, с профессиональной областью их применения, например, слова, образованные с помощью метафоризации: ***to nail on charge*** — предъявить обвинение, привлечь к уголовной ответственности (букв. прижать к стене) [11] и др.

Таким образом, специальную юридическую лексику можно охарактеризовать как систему разных подсистем номинативных единиц (кодифицированные термины и профессиональные жаргонизмы), отражающих функциональную стратификацию единиц языка, которая должна учитываться в межкультурной коммуникации, равно как и степень официальности общения юристов. В отличие от терминов, которые служат для номинации наиболее общих понятий и являются важными и понятными для всех представителей профессии, профессиональные жаргонизмы называют все разновидности понятия, с которыми сталкиваются специалисты конкретной специализации в своей работе. Такие особенности профессионального жаргона объясняются их рецепцией и функционированием в неформальной обстановке и не всегда уместной в официально-деловом стиле общения. Вместе с тем общение юристов или иных работников правоохранительных органов допускает наличие в речи жаргонизмов, которые часто используются для дифференциации понятий, не существующих в кодифицированной терминосистеме. По причине своего разнообразия, частого использования и более точного разделения специальных понятий, не имеющих аналогов в терминосистеме, наблюдается наличие примерно одинакового количества терминов и профессиональных жаргонизмов, обозначающих противоправные действия и субъектов противоправного действия [12] (“*Offences against person*” — assault, homicide, rape; “*Offences against property*” — burglary, robbery, theft; “*Offenders*” — burglar, criminal, thief, etc.). Так, кодифицированным терминам соответствуют профессиональные жаргонизмы с различным объемом сигнификативного значения **assault**: twenty forty PC/240 PC, ***put a chive on*** — to put a knife against a victim’s body, usu. to the throat; **theft: *to cab* —** to do lesser thefts, ***clean out*** — to steal from a person, ***joy ride* —** a ride in a stolen car *pol. and legal use*, ***shoplifting*** — petty larceny involving the theft of goods from a store *Brit. and US underworld, pol. use 1690 and legal use*; **burglar: *cat* —** a burglar adept at scaling walls and moving about stealthily *pol. use 1928*, ***climber*** — a burglar who is adept at scaling the sides of buildings *Brit.pol.*, ***pick man*** — one who picks locks professionally *NYPD use* [13].

---

[9] Маслов Ю.С. Введение в языкознание : учеб. для филол. спец. вузов. 3-е изд., испр. М. : Высш. шк., 1998. С. 20.

[10] Kuznetsova J.A. Legal terminology and professional slang: meaning and usage. Legal English: theory and practice of teaching: Interuniversity bulletin of scientific articles / Editor-in-Chief S.P. Khizhnyak; SEI of HPE “Saratov State Law Academy”. P. 43–44.

[11] Англо-русский юридический словарь.

[12] Юридическая лингвистика : учеб. пособие / С.П. Хижняк [и др.]. Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2009. С. 122.

[13] Кузнецова Ю.А. Идеографический словарь английских юридических терминов и профессионализмов. Саратов : Наука, 2011.

Обращает на себя внимание тот факт, что основанием для возникновения и дальнейшего употребления понятий в профессиональной речи является их субъективизм и частная предметная соотнесенность. По сравнению с терминами профессиональные жаргонизмы часто могут указывать не только, например, на преступление, но и на место, время, способ его совершения и другие обстоятельства (**criminal**: ***cold dube*** — one who can commit a malicious act and show no remorse, usu. by his peers *Calif.pr.use*, ***mooner*** — a criminal or eccentric during the period of the full moon *pol.use*; **unlawful usage of drugs**: ***pop*** — to use heroin; **offense**: ***class X crimes*** — any crime involving armed violence) [14].

При межкультурном контакте происходит столкновение разных картин мира, менталитета, ценностных ориентиров, в том числе в области профессиональной коммуникации. В ситуации использования профессиональных жаргонизмов декодирование сообщений одним из участников (не носителя языка) может быть затруднено по причине культурно-языкового видения, заданного ему родным языком. При профессиональном общении специалистам из одной области (например, юриспруденции и т.д.), но из разных лингвосоциумов необходимо принимать во внимание национально-культурные и исторические особенности юридических терминосистем. Так, например, многие из устойчивых правовых терминосочетаний уходят своими корнями в прошлое: ***dock brief*** — защита (неимущего подсудимого) по назначению, ***leapfrog appeal*** — апелляция непосредственно в палату лордов, минуя промежуточные инстанции; терминосочетания с компонентом цветообозначения ***black cap*** — черная шапочка (связана с традицией надевать черную шапку при оглашении смертного приговора), ***catch red-handed*** — поймать преступника, застигнутого на месте преступления; терминосочетания с компонентом «имя собственное» ***John Doe*** — нарицательное обозначение истца в судебном процессе, ***Richard Roe*** — нарицательное обозначение ответчика в судебном процессе (о выселении с земельного участка) [15]. Следовательно, для осуществления успешной межкультурной коммуникации в юридической сфере требуются не только языковые знания, но и прочное знание национальных системных свойств научно-профессиональной отрасли или профессиональной деятельности; знание системной организации специальной юридической лексики (терминов и профессиональных жаргонизмов) в иной национальной культуре [16]. При этом следует четко разграничивать термины и профессиональные жаргонизмы в соответствии с их лингвистическими характеристиками, так как они являются номинантами различных языковых стилей: официального и неофициального. Кроме того, необходимо отметить, что, в отличие от официально-закрепленных терминов, профессиональные жаргонизмы отличаются субъективизмом, индивидуально-личностной и частной предметной особенностью: «**dinosaur** — an old-fashioned police officer, whose methods are almost extinct, **horse** — an honest hard-working police officer» [17]. Смешение таких единиц, неуместное их употребление или ошибочный выбор значения в профессиональном общении может привести к коммуникативным помехам или неудачам взаимопонимания. Различие экстра- и интралингвистических характеристик номинативных единиц юридического дискурса диктует необходимость в их строгом разграничении в ситуации, при которой происходит межкультурное профессиональное общение. В отличие от неофициального общения, где допустимо использование экспрессивных, ироничных профессиональных жаргонизмов, условия официальной обстановки обусловливают выбор нейтрально-эмоциональных юридических терминов (официальный термин — профессиональный жаргонизм: ***chief of police*** — grumbler, ***lieutenant*** — lou, ***policeman*** — bobby, cop, ***murder*** — bang off, ***the homeless*** — skell (NYPD use), ***prisoner*** — caged) [18]. В то же время способность различать их может свидетельствовать о более высоком уровне межкультурной компетенции, знании фоновых особенностей формирования и функционирования разных типов специальной лексики.

---

[14] Кузнецова Ю.А. Идеографический словарь английских юридических терминов и профессионализмов.

[15] Англо-русский юридический словарь.

[16] Хижняк С.П. Факторы успешной профессиональной коммуникации юристов в аспекте глобализации // Коммуникации в информационном обществе: проблемы и возможности. Чебоксары : Изд-во Чуваш. гос. пед. ун-та, 2017. С. 237–241.

[17] Kuznetsova J.A. Legal terminology and professional slang: meaning and usage. P. 42.

[18] Кузнецова Ю.А. Идеографический словарь английских юридических терминов и профессионализмов.

Список использованной литературы

1. Андрианов, С.Н. Англо-русский юридический словарь [Текст]. — 3-е изд., испр. / С.Н. Андрианов, А.С. Берсон, А.С. Никифоров. — М. : РУССО, 2000. — 512 с.

2. Вьюшкина, Е.Г. Обучение студентов-юристов навыкам делового общения в рамках программы «Переводчик в сфере коммуникации» [Текст] // Коммуникации в информационном обществе: проблемы и возможности. — Чебоксары : Изд-во Чуваш. гос. пед. ун-та. — 2017. — С. 54–58.

3. Кузнецова, Ю.А. Идеографический словарь английских юридических терминов и профессионализмов [Текст]. — Саратов : Наука, 2011. — 71 с.

4. Маслов, Ю.С. Введение в языкознание [Текст] : учеб. для филол. спец. вузов. — 3-е изд., испр. — М. : Высш. шк., 1998. — 272 с.

5. Муреева, С.В. Изучение латыни в юридическом вузе в аспекте межкультурной компетенции [Текст]. — Саратов : Научная книга, 2004. — 114 с.

6. Оглуздина, Т.П. Развитие содержания понятия «языковая компетенция» в истории лингвистики и теории обучения иностранным языкам [Текст] // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2011. — Вып. 2 (104). — С. 91–94.

7. Уорф, Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку [Текст] // Зарубежная лингвистика. I : пер. с англ. / общ ред. В.А. Звегинцева, Н.С. Чемоданова. — М. : Прогресс, 1999. — 308 с.

8. Хижняк, С.П. Факторы успешной профессиональной коммуникации юристов в аспекте глобализации [Текст] // Коммуникации в информационном обществе: проблемы и возможности. — Чебоксары : Изд-во Чуваш. гос. пед. ун-та, 2017. — С. 237–241.

9. Шамне, Н.Л. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации [Текст] : учеб. пособие. — Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999. — 208 с.

10. Юридическая лингвистика [Текст] : учеб. пособие / С.П. Хижняк [и др.]. — Саратов : Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2009. — 252 с.

11. Якобсон, Р. Избранные работы по лингвистике [Текст] / Благовещ. гуманитар. колледж им. И.А. Бодуэна де Куртенэ. — Благовещенск, 1998. — 448 с.

12. Khizhnyak, S.P. Terminological systems of law as specific fragments of the language picture of the world [Text] // Legal English: theory and practice of teaching: Interuniversity bulletin of scientific articles / Editor-in-Chief S.P. Khizhnyak ; SEI of HPE “Saratov State Law Academy”. — Saratov : SEI of HPE “Saratov State Law Academy” Publishers, 2011. — 88 p.

13. Kuznetsova, J.A. Legal terminology and professional slang: meaning and usage. Legal English: theory and practice of teaching: Interuniversity bulletin of scientific articles [Text] / Editor-in-Chief S.P. Khizhnyak ; SEI of HPE “Saratov State Law Academy”. — Saratov : SEI of HPE “Saratov State Law Academy” Publishers, 2011. — 88 p.

References

1. Andrianov, S.N. English-Russian Law Dictionary [Text] / S.N. Andrianov, A.S. Berson, A.S. Nikiforov. — 3d ed. — Moscow : RUSSO, 2000. — 512 s. (in Russ.)

2. Khizhnyak, S.P. Factors of successful professional communication of lawyers in the aspect of globalization. Kommunikatsii v informatsionnom obshchestve: problemy i vozmozhnosti [Communication in the Information Society: Problems and Opportunities] [Tekst]. — Cheboksary : Chuvash State Pedagogical University publishing house, 2017. — S. 237–241. (in Russ.)

3. Khizhnyak, S.P. Terminological systems of law as specific fragments of the language picture of the world [Text] // Legal English: theory and practice of teaching: Interuniversity bulletin of scientific articles / Editor-in-Chief S.P. Khizhnyak ; SEI of HPE “Saratov State Law Academy”. — Saratov : SEI of HPE “Saratov State Law Academy” Publishers, 2011. — 88 p.

4. Kuznetsova, J.A. Ideograficheskiy slovar' angliyskikh yuridicheskikh terminov i professionalizmov [The ideographic dictionary of English legal terms and professionalisms] [Tekst]. — Saratov : Nauka, 2011. — 71 s. (in Russ.)

5. Kuznetsova, J.A. Legal terminology and professional slang: meaning and usage. Legal English: theory and practice of teaching: Interuniversity bulletin of scientific articles [Text] / Editor-in-Chief S.P. Khizhnyak ; SEI of HPE “Saratov State Law Academy”. — Saratov : SEI of HPE “Saratov State Law Academy” Publishers, 2011. — 88 p.

6. Maslov, Yu.S. Vvedenie v yazykoznanie [Introduction to Linguistics] [Tekst] : Textbook for specialists of philological of specialized universities. — 3d ed. — Moscow : Higher School, 1998. — 272 s. (in Russ.).

7. Mureeva, S.V. Izuchenie latyni v yuridicheskom vuze v aspekte mezhkul'turnoy kompetentsii [The study of Latin in a law school in the aspect of intercultural competence] [Tekst]. — Saratov : Nauchnaya kniga, 2004. — 114 s. (in Russ.).

8. Ogluzdina, T.P. Communication in the Information Society: Problems and Development of the content of the concept “Language Competence” in the History of Linguistics and the Theory of Teaching Foreign Languages the Possibilities [Text] // Vestnik TGPU [TSPU Bulletin]. — 2011. — Iss. 2 (104). — S. 91–94 (in Russ.).

9. Shamne, N.L. Aktual'nye problemy mezhkul'turnoy kommunikatsii [Actual problems of intercultural communication] [Tekst] : Textbook. — Volgograd : Volgograd State University publishing house, 1999. — 208 s. (in Russ).

10. V'yushkina, E.G. Training of law students in business communication skills within the framework of the “Translator in Communication” program. Kommunikatsii v informatsionnom obshchestve: problemy i vozmozhnosti [Communication in the Information Society: Problems and Opportunities] [Tekst]. — Cheboksary : Chuvash State Pedagogical University publishing house, 2017. — S. 54–58 (in Russ.).

11. Whorf, B.L. The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language. Zarubezhnaya lingvistika [Foreign Linguistics. I] [Text] // Trans. from English / V.A. Zvegintsev and N.S. Chemodanov (ed.). — Moscow : Progress, 1999. — 308 p.

12. Yakobson, R. Izbrannye raboty po lingvistike [Selected works in Linguistics] [Text]. — Blagoveschensk : BGK named after I.A. Baudouin de Courtenay, 1998. — 448 s. (in Russ.)

13. Yuridicheskaya lingvistika [Legal Linguistics] [Tekst] : Textbook / S.P. Khizhnyak [et al.]. — Saratov, SEI of HPE “Saratov State Law Academy” Publishers, 2009. — 252 s. (in Russ.).

Сведения об авторе

Семенова Элла Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка Саратовской государственной юридической академии. Почтовый адрес: 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1. Тел.: 8 (8452) 29-90-47 (кафедра английского языка). E-mail: esemenova2604@gmail.com

Semenova, Ella — PhD (Pedagogy), Associate Professor of the English Language Dpt., Saratov State Law Academy. Postal address: 1, Vol'akaya Str, Saratov, 410056, Russia. Tel. (office): 8 (8452) 29-90-47. E-mail: esemenova2604@gmail.com

РАЗДЕЛ III

ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ: ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

УДК 81'25

Ван Цзиньлин

Сопоставление тактики передачи образов в переводе древнекитайской поэзии на русском и английском языках (на примере стихотворения Мэн Хаожаня «Посещаю хутор старого друга»)

В статье рассматривается философская основа перевода древней китайской поэзии на английский и русский языки, основные тактики перевода, выявляются языковые особенности поэзии разных народов, анализируются на примерах переводов на английский и русский языки древнекитайского стихотворения Мэн Хаожаня «Посещаю хутор старого друга» способы передачи эстетического переживания, сопоставляются переводческие тактики воссоздания художественных деталей с учетом различий языкового и культурного фона. Сравнение переводов подтверждает, что для точной передачи основной идеи и художественных образов древнекитайской поэзии важны глубокое понимание национальной культуры, умение видеть в деталях скрытый смысл, обоснованная замена культурных концептов с учетом культуры принимающего языка. Чем больше культурной информации заложено в оригинале, тем сложнее справиться с переводом.

древнекитайская поэзия, изображение, тактики перевода образов, эстетическое сопереживание, языковые и культурные особенности

Wang Jinling

Translation of Ancient Chinese Poetry into English and Russian: Comparing Translation Strategies (illustrated by Meng Haoran's verse "A Visit to an Old Friend's Farm")

The paper treats the philosophic basis of ancient Chinese Poetry. It examines linguistic peculiarities of different nations' poetic traditions and the main strategies of translating ancient Chinese poetry into English and Russian. The author analyses the degree of translator "interference" with the original message of the poet and illustrates the ways of rendering it by comparing Meng Haoran's verse and its translations into Russian and English, with regard to the differences in the translators' native background, both linguistic and cultural. Comparison of translation proves that faithful rendition of imagery requires a profound vision of the implications suggested by factual details. It also justifies partial domestication of cultural concepts in order to bring modern Russian or English readers closer to Chinese poetry of ancient times. The divergences in the translations can be accounted for by different levels of mastering the Ancient Chinese language and by different awareness of the impact of culture-specific language signs. The more culture-bound the original is, the harder is the translator's job.

ancient chinese poetry, depiction, tactics of rendering imagery, aesthetic empathy, linguistic and culture-bound peculiarities

Древняя китайская поэзия ценна не только своей формальной красотой, но и тем, что она отражает глубокое духовное содержание китайской культуры. Древние китайские стихотворения написаны емким и насыщенным языком, отличающимся от современных китайских стихотворных произведений в идеологическом, формальном и культурно-специфическом аспектах. Поэтому перевод древних китайских стихотворений требует преодоления границ между эпохами, нациями и языками, что вызывает особые трудности понимания и выражения смысла в поэтической переводческой деятельности. Переводчик ограничен такими факторами, как разные социальные культуры, разные языковые системы, разные традиции версификации, разная читательская аудитория и т. п., что приводит к использованию разных стратегий и тактик при переводе с разных языков, а также при переводе на один и тот же язык разными переводчиками.

© Ван Цзиньлин, 2017

Философская основа перевода древней китайской поэзии

Китайский язык представляет собой структурную систему, основанную на интеграции смыслового значения составляющих единиц, отличается изолированностью, идеографической абстрактностью и имплицитностью, что особенно прослеживается в древнем китайском языке. Древняя китайская поэзия, унаследовав такие философские понятия, как «соединение человека и неба», «слияние субъекта и объекта», всегда придавала большое значение основной мысли и идеографической имплицитности. Поэты чаще используют методы смысловой интеграции и создают самое сложное и выразительное изображение и настроение с помощью максимально экономичного языка и лаконичной структурной формы. Формальная модель древней китайской поэзии представляет собой именно такое качественное соединение разных изображений, что производит эффект монтажа [1].

Для древней китайской поэзии типичны нечеткие грамматические связи, нечеткое выражение временных и залоговых отношений, бесподлежащные предложения и свободное перечисление слов-изображений, что в полной мере демонстрирует возможности смысловой интеграции. Такой метод интеграции художественных деталей в единый замысел также отражает психологическое состояние поэта, тенденцию подчеркивать связь между мыслью и чувственным восприятием мира, эстетическую концепцию, где духовность ставится выше соблюдения формы [2].

Под влиянием комплексности и расплывчатости китайского философского мышления в древней поэзии Поднебесной особое внимание уделяется строению внутренней логики, когда все грамматические и внутренние логические связи между предметами скрываются в иероглифах и между строк. Эти связи суть теории взаимопорождения иллюзорности и реальности. Для древней китайской поэзии диалектическое единство иллюзорного и реального — и философская основа поэтического видения мира, и принцип организации формы стиха. *Реальное изображение* — это проявляемые в языке конкретные, яркие и воспринимаемые образы, включающие внешнюю форму, вид, состояние, звук, а также эксплицитно выраженные дух, чувство и смысл [3]. Под иллюзорным изображением подразумевается имплицитное изображение, которое замечается, расширяется и дополняется читателями как эстетическое изображение [4]. Сочетание реального и иллюзорного как единство противоположностей создает уникальную красоту древней китайской поэзии. Таким образом, понятие «изображение» (художественная деталь), становясь инструментом выражения авторской идеологии и чувства, вовлечения и сопереживания читателей, является основной единицей древнего китайского стихотворчества. В стихотворении художественный образ проявляется в изображении, который создается посредством воображения или фантазии эстетической мечты и эстетического чувства [5]. При переводе древних китайских стихотворений для реализации эстетического восприятия и эстетического сопереживания переводчик должен использовать свой эстетический опыт, мобилизовать такие эстетические и психологические механизмы, как восприятие, воображение, понимание и воспроизведение, реинтерпретировать эстетическое изображение, вникая в имплицитный замысел автора [6], то есть в языке перевода перестроить, воспроизвести соответствующее эстетическое переживание поэта, создать потенциальные эстетические ценности [7].

Языковые особенности поэзии разных наций и основные тактики перевода древнекитайской поэзии на английский и русский языки

Каждый язык самим своим строем в какой-то мере предопределяет характер поэтической традиции народа как по содержанию, так и по форме его выражения [8]. По мнению китайского

---

[1] Хе Вэньцзин 何文静. 他山之石，可以攻玉–意象主义对古诗翻译的理论启示，三峡大学学报（人文社会科学版），2009年第6期, p. 98.

[2] Сунь Жуй 孙锐. 英语形合手段在中国古诗翻译中的应用//重庆工学院学报，2008年第3期, p. 149–151。

[3] У Шэн 吴晟. 中国古代诗学探论。北京：商务印书馆，2012, p. 105.

[4] Лю Юэмин 刘月明. 接受美学视野下的译者与译文本//中国文学研究，2015年第4期，p. 125。

[5] Цзян Лю 江柳. 诗歌美学理论与实践。武汉：长江文艺出版社，1988, p. 45。

[6] Лю Мичин 刘宓庆. 翻译美学导论。北京：中国对外翻译出版公司，2005, p. 153、

[7] Лю Юэмин 刘月明. 接受美学视野下的译者与译文本//中国文学研究，2015年第4期, p. 125。

[8] Лэн Ди 冷迪. 追逐最优美的文化足迹：诗歌——中国古代诗歌与英语传统诗歌比较及中英语文化解读//山东教育学院学报，2005,年第1期, 42–45页。

ученого Гао Минкая, китайцы стараются не использовать служебные слова, лишенные лексического значения, а предпочитают такое расположение иероглифов, обозначающих суть происходящего или сопутствующие обстоятельства, чтобы люди разгадали отношения и связи между каждыми двумя или более явлениями, событиями или обстоятельствами [9]. Отсутствие служебных слов позволяет в древнекитайской поэзии выражать более широкие логические отношения и более свободно и непринужденно перечислять разные детали. В китайском языке, как и в некоторых языках Юго-Восточной Азии, отсутствует словарная модификация, тогда как в русском, арабском, древнегреческом языках, в санскрите, в языках американских индейцев, наоборот, наблюдается изобилие словоформ. В английском языке гораздо меньше морфологических изменений [10]. Как известно, флективность русского и английского языков создает синтаксические конструкции с помощью разных словоформ и делает их более лаконичными, целостными и емкими. Предложения строятся по той или иной грамматической модели, и с помощью взаимосвязей флективных словоформ и служебных слов выражается смысл и логические отношения между фразами.

При явных различиях в форме выражения между древнекитайским, английским и русским стихосложением переводчик, передавая смысловое содержание, основную мысль и стиль древнекитайского стихотворения, обязан учитывать различия между языком подлинника и языком перевода, выбирать особые языковые формы для сохранения смысла оригинала. При переводе древнекитайского стихотворения с присущей ему компрессией смысла следует использовать формообразующие средства переводящего языка, например более эксплицитный и формализованный синтаксис, чтобы не только соответствовать требованиям языка перевода, но и воспроизвести творческую манеру автора и дух культуры подлинника, не только отразить конкретные детали, но и выявить скрытый под иероглифами подтекст. Если переводчик не может восстановить подлинную обстановку, описанную в стихотворении, ему трудно передать авторское восприятие события и место действия, отношение поэта к герою, невозможно воспроизвести эстетическое переживание, выраженное в подлиннике [11]. В переводческой деятельности древнекитайских стихотворений на иностранные языки важно точно передать отношения «реальности — иллюзорности» изображений, для чего предлагается следующая стратегия.

Во-первых, следует определить явный смысл стихотворения и его основные концепты, что позволит перейти к анализу ассоциаций и выявлению стоящего за ними скрытого смысла, наведенного контекстом, после чего найти соответствующие заменители в языке перевода, которые должны быть переведены на эстетические эквиваленты, уместные в культуре языка перевода [12].

Во-вторых, с учетом принимающей культуры при необходимости следует заменить некоторые художественные детали или опустить их. В стихотворном переводе понимание деталей в подлиннике очень важно, однако их буквальный перевод иногда вызывает двусмысленность или непонимание основной мысли стихотворения. При возможном возникновении у читателей непонимания языка перевода необходимо заменить детали для достижения одинакового эстетического эффекта. Если в подлиннике содержится много исторических реалий или крылатых слов, их не следует переводить дословно, а передавать их имплицируемый смысл иными способами.

В-третьих, надо точно воспроизвести настроение поэта, гамму переживаемых им эмоций, обеспечив таким образом адекватное эстетическое сопереживание у читателей перевода древнекитайского стихотворения.

Анализ тактик перевода древней китайской поэзии на русский и английский языки

Известный русский китаист и переводчик китайской поэзии Л.З. Эйдлин перевел около 200 древнекитайских стихотворений династии Тан, которые были опубликованы в первом томе сборника стихов «Драгоценные строфы китайской поэзии», изданного в 1999 году издательством «Петербургское Востоковедение». В этих сборниках наиболее полно представлены переводы Л.З. Эйдлина, среди которых переводы на русский язык 13 стихотворений Мэн Хаожаня.

---

[9] Гао Минкай 高名凯. 汉语语法论。北京：商务印书馆，1986, 366页。

[10] Robins, R.H. General Linguistics. Beijing: Foreign Language Teaching ang Reseach Press, 2000. P. 208.

[11] Ян Лэй 杨雷. 援西格中，融会贯通——以庞德翻译理论剖析《鹿柴》英译本。//西南民族大学学报，2004, p. 398–399.

[12] Ян Цзинлинь 杨静琳. 中文古诗英译的意境传达新探。//广西民族师范学院学报，2016年第6期, p. 55 。

Стихотворение Мэн Хаожаня «В деревне у друга» (букв. «Посещаю хутор старого друга») мы взяли для сопоставительного анализа передачи образной системы в подлиннике, в переводе Л.З. Эйдлина на русский язык и в переводе представителя китайской культуры Тан Ихе на английский язык. При сопоставлении учитывались смысловой, звуковой и графический аспекты перевода.

Анализ переводов на русском и английском языках
стихотворения Мэн Хаожаня
«Посещение хутора старого друга» («过故人庄»)

Построчный перевод:	**Комментарии к словам:**
guò gù rén zhuāng **过故人庄** **Посещение хутора старого друга** **（唐）孟浩然 – Мэн Хаожань** gù rén jù jī shǔ, 故 人 具 鸡 黍， Старый друг приготовил желтое пшено с курицей, yāo wǒ zhì tián jiā 邀 我 至 田 家。 Пригласил меня прийти на свой хутор. lǜ shù cūn biān hé, 绿 树 村 边 合， Изумрудный лес окружает деревню, qīng shān guō wài xiá 青 山 郭 外 斜。 Синие горы лежат за стенами деревни. kāi xuān miàn cháng pǔ, 开 轩 面 场 圃， Открывая окно, смотрим на гумно и огород, bǎ jiǔ huà sāng má 把 酒 话 桑 麻。 Поднимая бокал, говорим о тутовнике и конопле dài dào chóng yáng rì, 待 到 重 阳 日， Дожидаясь до подъема на горы 9 сентября, huán lái jiù jú huā 还 来 就 菊 花。 Еще приду любоваться хризантемой и выпить водку из нее. *Пер. автора статьи Ван Цзиньлинь*	⑴过：拜访。故人庄：老朋友的田庄。 庄，田庄。 ⑵具：准备，置办。鸡黍：指农家待客的丰盛饭食（字面指鸡和黄米饭）。 黍（shǔ）：黄米，古代认为是上等的粮食。 ⑶邀：邀请。至：到。 ⑷合：环绕。 ⑸郭：古代城墙有内外两重， 内为城，外为郭。这里指村庄的外墙。 斜（xiá）：倾斜。因古 需与上一句押韵， 所以应读xiá。 ⑹开：打开，开启。轩：窗户。面：面对。 场圃：场，打谷场、稻场；圃，菜园。 ⑺把酒：端着酒具，指饮酒。 把：拿起。端起。 话桑麻：闲谈农事。 桑麻：桑树和麻。这里泛指庄稼。 ⑻重阳日：指夏历的九月初九。 古人在这一天有登高、饮菊花酒的习俗。 ⑼还（huán）：返，来。就菊花： 指饮菊花酒，也是赏菊的意思。 就，靠近，指去做某事。 *(Комментарий приведен с сайта древней китайской поэзии.* *URL : http://www.gushiwen.org/)*

Meng Haoran **STOPPING AT A FRIEND'S FARM-HOUSE**	Мэн Хаожань **В ДЕРЕВНЕ У ДРУГА**
Preparing me chicken and rice, **old friend** : You entertain me at your farm. **We watch** the green trees that circle your village And the pale blue of outlying mountains. We open your window over garden and field, To talk mulberry and hemp **with our cups** in our hands. …Wait till the Mountain Holiday —— I am coming again in chrysanthemum time. Пер. Тан Ихе	*Мой старый друг* *на курицу с пшеном* *Позвал меня* *в крестьянское жилище...* *Зеленый лес* *деревню обступил,* *Цепь синих гор* *за ней уходит косо.* *Сидим, глядим* *на ток и огород.* *Пьем, говорим* *о конопле и тутах...* *Когда придет* *«двойной девятки» день,* *Сюда вернусь* *к цветенью хризантемы!* Пер. Л.З. Эйдлина

Комментарий к основной мысли стихотворения

Стихотворение «Посещение хутора старого друга» («过故人庄») поэтом Мэн Хаожанем написано, когда тот жил отшельником в горах Лумэнь, о посещении своего старого друга по фамилии Тянь. В стихотворении описана сельская идиллия: красивый пейзаж, тихая и спокойная сельская жизнь, дружба со старым другом, благодушное настроение и стремление поэта к такой жизни. В стихотворении зарифмованы четные строки. Картина последовательно перечисляет события: приглашение, приход, созерцание пейзажа за трапезой, неторопливую беседу и выраженное при прощании намерение встретиться вновь. Язык стихотворения естественный, прямой, экономный и логичный.

В первых двух строках «故人具鸡黍，邀我至田家» без всякого приукрашивания сообщается о старой дружбе поэта с крестьянином, показана непринужденность обстановки и прослеживается канва для развития последующих событий.

Во второй парной строке «绿树村边合，青山郭外斜。» дается описание деревни, окруженной зеленым лесом и цепью синих гор. Красивая, гармоничная картина природы создает атмосферу последующего приятного общения между хозяином и гостем.

В третьей парной строке «开轩面场圃，把酒话桑麻» перед глазами мирно беседующих друзей через открытое окно возникает пейзаж сельского гумна и огорода, что подразумевает не только картины идиллической жизни, но и постоянного крестьянского труда.

Во второй и третьей парных строках автор последовательно перечисляет детали пейзажа — зеленые деревья, темные горы, сельские хутора, гумно, поле конопли и тутовник, гармонично сочетая их в одной идиллической картине, побуждая читателя углубиться в ее смысл, представить живой разговор между хозяином и гостем. Нарисованная поэтом картина олицетворяет реальный факт процветания Китая при династии Тан. Именно в такой обстановке поэт забыл о своих неудачах в политической карьере и утратил печальное настроение и чувство одиночества во время своей отшельнической жизни.

В последних парных строках «待到重阳日，还来就菊花» описан прощальный момент друзей. Под обещанием поэта посетить эти места, чтобы любоваться хризантемой и пить из нее водку, скрывается глубокий смысл — вновь ощутить вовлеченность поэта в сельскую жизнь, испытать гостеприимство хозяина и теплоту дружеских отношений.

Анализ и оценка переводов Эйдлина и Тан Ихе

Л.З. Эйдлин в своем переводе разбил стихотворение на 4 строфы, разделил каждые парные строки на четыре фразы в белом стихе без рифмовки в конечном слоге, соблюдаемой в подлиннике. Переводчик использовал настоящее время для создания впечатления живого пейзажа вокруг и передачи радости его созерцания.

...
Цепь синих гор
    за ней уходит косо.
Сидим, глядим
    на ток и огород.
Пьем, говорим
    о конопле и тутах...

Однако почему-то в описании видимого (как вблизи, так и в отдалении) переводчик выбрал прошедшее время совершенного вида и настоящее время несовершенного вида:

Зеленый лес
    деревню обступил,
Цепь синих гор
    за ней уходит косо.

В первых двух строчках утрачен подтекст: гость приглашен вроде бы на заурядную трапезу, на самом же деле тушеная курица с пшеном в китайской деревне считается блюдом для угощения уважаемых, дорогих гостей:

Мой старый друг
на курицу с пшеном
Позвал меня
в крестьянское жилище...

Кроме того, мы считаем, что в названии перевода Л.З. Эйдлина отсутствует сема процессуальности действия у глагола 过 в значении «посещение» и важная лексема 庄 (хутор). В последней строке отсутствует информация об обычае пить водку из хризантемы. Но, тем не менее, мы считаем, что перевод Л.З. Эйдлина информационно насыщен смыслами, скрытыми за конкретикой деталей. Особенно удачна замена культурно-специфического названия праздника 重阳日 на смысловой заменитель *«двойной девятки» день,* что дает русским читателям возможность точного понимания по контексту настоящего смысла конечной строки стихотворения и общего замысла поэта.

Для сравнения рассмотрим также перевод этого стихотворения на английский язык, выполненный носителем китайского языка. С эстетической точки зрения Тан Ихе так же, по нашему мнению, не смог воспроизвести рифмованную форму подлинника, заменив ее на свободный стих. Однако из-за формальной структурной ограниченности английского языка переводчику пришлось поменять описание деталей пейзажа на англоязычный лад: добавлена структура подлежащего-сказуемого для употребления исторического настоящего времени, которого нет в языке-подлиннике *(We watch the green trees...),* применена тактика замены культурно-специфичного понятия 重阳日 на название обычая «Mountain Holiday», которое связано с подъемом на высоту и легче воспринимается представителями британской культуры.

Итак, сравнивая переводы этого стихотворения на русский и английский язык, мы видим, что для точной передачи основной мысли и художественных образов древнекитайской поэзии важно глубокое понимание национальной культуры и скрытых за деталями смыслов, а также обоснованная замена соответствующих культурных концептов для сближения древнекитайской поэзии со своими читателями. Различия в переводах связаны не только с языковым уровнем владения языком-подлинником (древним китайским языком) и языком перевода, но и с уровнем понимания языковых знаков, содержащих особую культурную специфику. Чем больше элементов культуры, тем сложнее справиться с переводом.

Список использованной литературы

1. 高名凯. 汉语语法论。北京：商务印书馆，1986, 366页。Гао Минкай. Теория грамматики китайского языка [Текст]. — Пекин : Шанъу иньшугуань (Торговый типографический дом), 1986. — 366 с. (на кит. яз.)

2. 何文静. 他山之石，可以攻玉-意象主义对古诗翻译的理论启示，三峡大学学报（人文社会科学版），2009年第6期，96–98页。Хе Вэньцзин. Камень с других гор поможет изготовить нефрит. Теоретическое просвещение имажизма к переводу древнекитайской поэзии [Текст] // Вестник Саньсяйского университета (Гуманитарные науки). — 2009. — № 6. — С. 96–98. (на кит. яз.)

3. 江柳，诗歌美学理论与实践。武汉：长江文艺出版社，1988，294页。Цзян Лю. Теория и практика поэтической эстетики [Текст]. — Ухань : Чанцзян, 1988. — 294 с. (на кит. яз.)

4. 冷迪. 追逐最优美的文化足迹：诗歌——中国古代诗歌与英语传统诗歌比较及中英语文化解读//山东教育学院学报，2005,年第1期，42–45页。Лэн Ди. Ходьба по самым красивым культурным следам: Стихотворения. — Сравнение древнекитайской и англоязычной традиционной поэзии и их культурная интерпретация [Текст] // Вестник Шаньдунского института образования. — 2005. — № 1. — С. 42–45. (на кит. яз.)

5. 刘宓庆，翻译美学导论。北京：中国对外翻译出版公司，2005，371页。Лю Мичин. Введение в эстетику перевода [Текст] / Внешнепереводческая издательская компания Китая. — Пекин, 2005. — 371 с. (на кит. яз.)

6. 刘月明. 接受美学视野下的译者与译文本//中国文学研究，2015年第4期，124–128页。Лю Юэмин. Переводчики и переводные тексты с точки зрения приемной эстетики [Текст] // Исследование китайской филологии. — 2015. — № 4. — С. 124–128. (на кит. яз.)

7. 孙锐. 英语形合手段在中国古诗翻译中的应用//重庆工学院学报，2008年第3期，149–151页。Сунь Жуй. Использование англоязычных способов передачи отношений гипотаксиса в переводе древнекитайской поэзии [Текст] // Вестник Чунцинского технического института. — 2008. — № 3. — С. 149–151. (на кит. яз.)

8. 吴晟. 中国古代诗学探论。北京：商务印书馆，2012，271页。У Шэн. О древнекитайской поэтике [Текст]. — Пекин : Шанъу иньшугуань, 2012. — 271 с. (на кит. яз.)

9. 杨雷. 援西格中，融会贯通——以庞德翻译理论剖析《鹿柴》英译本。//西南民族大学学报，2004年第6期，p. 398–399. Ян Лэй. Анализ переводов на английском языке древнекитайского стихотворения Ван Вэя «Там, где обитает олень» теорией перевода Эзры Паунда (Ezra Pound) [Текст] // Вестник Юго-Западного народного университета. — 2004. — № 6. — С. 398–399. (на кит. яз.)

10. 杨静琳. 中文古诗英译的意境传达新探。//广西民族师范学院学报，2016年第6期，53–56页。Ян Цзинлинь. Пересмотр способов передачи основной мысли в переводе древнекитайской поэзии на английский язык [Текст] // Вестник Гуансийского народного педагогического университета. — 2016. — № 6. — С. 53–56. (на кит. яз.)

11. 唐一鹤. 英译唐诗三百首。天津：天津人民出版社，2005, 333页。Тан Ихе. 300 переводов древнекитайских стихотворений на английском языке [Текст]. — Тяньцзинь : Тяньцзиньское нар. изд-во, 2005. — 333 с.

12. Robins, R.H. General Linguistics [Text]. — Beijing : Foreign Language Teaching and Research Press, 2000. — 450 p.

References

1. Gao Mingkai. Theory of Chinese Grammar [Text]. — Beijing : Shanyu Yinshuguan, 1986. — 366 p.

2. Hé Wénjìng. The Stone from other mountains can help to get a jade stone. Theoretical basis of Imagism for translation of Ancient Chinese Poetry [Text] // Herald of San Xia University (Humanitarian Studies). — 2009. — Iss. 6. — Pp. 96–98.

3. Jiang Liu. Theory and Practice of Poetic Aesthetics [Text]. — Wuhan : Changjiang, 1988. — 294 p.

4. Leng Di. Following the Most Beautiful Objects of Culture. Poems: Comparison of Ancient Chinese and English Poetic traditions and their culture-based interpretation [Text] // Newsletter of Shandong Institute of Education. — 2005. — Iss. 1. — Pp. 42–45.

5. Liu Miqing. Introduction to Aesthetics of Translation [Text]. — Beijing : Zhōngguó duìwài wàifān fānyìchū, 2005. — 371 p.

6. Liú Yuèmíng. Translators and Translated Texts from the Viewpoint of the Receptor Aesthetics [Text] // Research in Chinese Philology. — 2015. — Iss. 4. — Pp. 124–128.

7. Sun Rui. Using the English language means of expressing hypotaxis in translation of ancient Chinese poetry [Text] // Chongqing Technological Institute Herald. — 2008. — Iss. 3. — Pp. 149–151.

8. Wu Sheng. On the Poetics of Ancient China [Text]. — Beijing : Shāngwù yìnshūguǎn (Commercial Press), 2012. — 271 p.

9. Yang Lei. Analysis of Wang Wei's poem "Where the Deer Dwells" in English translation in the light of Ezra Pound's translation theory [Text] // Xinán mínzú dàxué [South-West National University], 2004. — Iss. 6. — Pp. 398–399.

10. Yang Jinglin. Revising the means of rendering the poet's message in translation of ancient Chinese poetry into English [Text] // Guǎngxī mínzú shīfàn xuéyuàn xuébào [Guangxi National Pedagogical University Herald]. — 2016. — Iss. 6. — Pp. 53–56.

11. Tang Yihe. Three hundred poems of the Tang Dynasty translated into English [Text]. — Tiānjīn : Tiānjīn rénmín chūbǎnshè, 2005. — 333 p.

12. Robins, R.H. General Linguistics [Text]. — Beijing : Foreign Language Teaching Research Press, 2000. — 450 p.

Сведения об авторе

Ван Цзиньлин — доктор филологических наук, профессор, директор Института иностранных языков Чанчуньского университета, почетный профессор, удостоенный премии «Чанбайшань» как лучший ученый провинции Цзилинь. Почтовый адрес: 130022, г. Чанчунь, Вэйсин лу, д. 6543. Тел.: 1357 874-05-75. Электронный адрес: elizaveta@163.com

Wang Jinling — Ph. D. (Doctor of Philology), Professor, Director of the Foreign Languages College, Changchun University; holder of "Changbaishan" award (Best Scholarof Jilin Province). Postal address: 6543, Weixing Road, Changchun, 130022, China. Tel.: 1357 874-05-75. E-mail: elizaveta@163.com

УДК 81’26

Д.И. Маяцкий

Некоторые необычные выразительные средства художественного языка в ариях китайской классической драмы (на примере *юаньцюй* XIII–XIV веков)

В статье рассматриваются теоретические вопросы поэтики китайского стиха арий-*юаньцюй*, касающиеся употребления в них как традиционных, так и необычных для классической поэзии Китая средств художественной выразительности. Особое внимание уделяется последним, которые в отечественной синологии специально еще не исследовались, но могут иметь высокую актуальность для специалистов, заинтересованных переводом произведений этого жанра на русский язык. Речь идет о встречающихся в *юаньцюй* специфических композиционных построениях и методах рифмовки. Автор предлагает типологию основных специфических приемов, дает их характеристику, иллюстрирует примерами, делится соображениями о возможности их передачи в тексте русского перевода. Принимая во внимание особенности фонетики китайского языка, согласно которым слова разных частей речи могут иметь одинаковые финали, и учитывая то обстоятельство, что ритмический рисунок *юаньцюй* мог обусловливаться мелодикой музыкальных (нередко утраченных) произведений, под сопровождение которых они должны были исполняться, автор обосновывает необязательное использование отдельных фонетических приемов в тексте русского перевода из-за невозможности накладывать его на оригинальную музыку.

китайская поэзия, эпоха Юань, арии, юаньцюй, форма, рифма, художественные приемы, комментирование, переводы, трудности

Maiatsky, Dmitry

Some unusual expressive means of artistic language in the arias of Chinese classical drama (based on the example of the *yuanqu* of XIII–XIV centuries)

The article deals with some theoretical issues of the poetics of the Chinese *yuanqu* poetry and discusses its means of artistic expressiveness, both traditional and unusual for the classical poetry of China. The emphasis is placed on the unusual ones, since they have not been specifically investigated in Russian sinology. Such means can be highly relevant for specialists who are engaged in translation of *yuanqu* works into Russian. The author discusses several specific compositional constructions and rhyme patterns occurring in the verses of this genre. He gives a classification of the most significant specific techniques, characterizes them and illustrates by examples. At the same time, the author shares his views concerning their translatability into Russian. Taking into account the phonetic peculiarities of the Chinese language (in which different parts of speech can have the same final sounds), and also taking into account the fact that the rhythmic pattern of the *yuanqu* could be conditioned by the melody of the musical accompaniment (with many melodies lost by now) the author suggests that there is no need to seek Russian equivalents for *every* phonetic device, especially if there is no longer original *yuanqu* music to set it to.

chinese poetry, the Yuan era, arias, “yuanqu”, structure, rhyme, art techniques, commenting, translating, difficulties

Юаньцюй (元曲, «юаньские арии») — особый жанр поэзии, господствовавший в китайской литературе в эпоху правления монгольской династии Юань (元, 1279–1368). Главная особенность этих стихотворений заключалась в том, что они создавались для исполнения под музыкальное сопровождение. Поскольку музыка, на которую они складывались, часто имела неровный ритмический рисунок, в стихотворных строках произведений было разное количество слов, обычно варьировавшееся от трех до десяти. Например, в арии «На мотив “Водица”» (水调歌头) из первой картины пьесы «Лютня» («Пипа цзи») драматурга Гао Цзэчэна (“琵琶记”，高责诚，1305–1360) в первой и второй строках по пять слов, в третьей — четыре, в четвертой — семь и т. д. Для наглядности приведем строфу из этой арии, разделив строки косой чертой:

秋灯明翠幕，/夜桉览芸编。/今来古往，/其间故事几多般。/少甚佳人才子，/也有神仙幽怪，/琐碎不堪观。/正是不关风化体，/纵好也徒然[1]。

[1] Гао Мин. Лютня. Пекин : Китайское изд-во, 2000. С. 1.

© Маяцкий Д.И., 2017

Осень. Свет лампы [падает на] изумрудные занавески. / Вечер. За столом листаю «рутовые книги» [2]. / С древности по нынешнюю пору / Историй столько разных [приключилось]! / Уйма о каких-нибудь талантливых мужах и прекрасных девицах, / Есть и о святых небожителях да об удивительном. / [Все это] мелочи, недостойные внимания. / Истинно так: [они] не изменяют нравы, / Пусть замечательны, но все же бесполезны [3].

Стихи этого жанра, как правило, составляли поэтическое ядро пьес северной, особенно популярной в юаньское время, ветви китайской классической драмы *цзацзюй* (杂剧, «смешанные представления»; другие названия драм — юаньская драма, юаньские *цзацзюй*), могли создаваться для исполнения отдельно от драм, а также включаться в структуру пьес южной ветви классической драмы — *наньси* (南戏, «южные пьесы»). В первом случае арии образовывали циклы — *таошу* (套数, букв. «очередь в наборе»), во втором и третьем — становились нециклизованными *сяолинами* (小令, «маленькие песни») [4]. При этом они получали название по мелодиям, на которые создавались [5].

В отечественной литературе публиковалось небольшое количество научных работ, посвященных юаньским ариям и драмам [6]. Как правило, в них рассматриваются вопросы, касающиеся проблем северной ветви драмы: происхождение и развитие пьес, распространение их сюжетов, а также творчество и отдельные произведения драматургов [7]. Особо стоит отметить капитальную монографию московского ученого-китаеведа В.Ф. Сорокина (1927–2015) [8], где представлен широкий спектр проблем, в том числе уделяется внимание музыкально-поэтической форме *юаньцюй* и некоторым ее типичным изобразительным приемам [9]. Художественные особенности юаньской драмы южной ветви исследованы в монографии автора данной статьи [10].

Кроме того, на русском языке изданы переводы пьес многих юаньских драматургов, в частности 15 пьес *цзацзюй* [11] и одной *наньси* [12]. Арии на русском языке публиковались в сборниках китайских стихов [13].

---

[2] Кит. «юнь бянь» 芸编. В древности в Китае окуривали книги садовой рутой (кит. «юнь сян цао» 芸香草), чтобы уберечь их от порчи насекомыми, поэтому книги источали характерный аромат, позволивший автору строк назвать книги «рутовыми».

[3] Перевод китайского текста приводится по: Маяцкий Д.И. Гао Цзэчэн и его пьеса «Пипа цзи». СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, 2015. С. 155–156.

[4] Сорокин В.Ф. Китайская классическая драма XIII–XIV вв. Генезис. Структура. Образы. Сюжеты. М. : Наука, 1979. 334 с. С. 91.

[5] Там же. С. 93.

[6] Приведем неполный список таких работ: Гайда И.В. Китайский традиционный театр *сицюй*. М., 1971. 124 с. ; Его же. О народных истоках китайского театра // Проблемы востоковедения. М., 1959. № 1. С. 105–112 ; Малиновская Т.А. Очерки по истории китайской классической драмы в жанре *цзацзюй* (XIV–XVII века). СПб., 1996. 240 с. ; Маяцкий Д.И. Гао Цзэчэн и его пьеса «Пипа цзи». СПб., 2015. 462 с. ; Его же. Структурные элементы в пьесе «Пипа цзи» («Лютня») и художественные приемы драматурга Гао Цзэчэна (1305–1360) // Проблемы литератур Дальнего Востока : материалы V Междунар. науч. конф., 27 июня — 1 июля 2012 года. СПб., 2012. С. 315–335 ; Меньшиков Л.Н. К вопросу об авторе «Западного флигеля» // Проблемы востоковедения. М., 1961. № 2. С. 149–151 ; Его же. Народные элементы в китайской драме // Китаист-филолог. Л., 1951. № 1. С. 78–104 ; Петров В.В. Юаньская драма // Юаньская драма. М. ; Л., 1966. С. 5–26 ; Позднеева Л.Д. Литература эпохи монгольского завоевания (13–14 вв.) // Литература Востока в средние века : учеб. М., 1970. С. 173–205 ; Рифтин Б.Л. (Китайская) Драматургия // История Всемирной литературы. М., 1973. Т. 4, вып. 8. С. 168–184 ; Его же. Теория китайской драмы (12 — начало 17 в.) // Проблемы теории литературы и эстетики в странах Востока. М., 1964 ; Серебряков Е.А. О пьесе юаньского драматурга Ма Чжи-юаня «Осень в Ханьском дворце» // Филология стран Востока. Л., 1963. С. 110–125 ; Сорокин В.Ф. Китайская классическая драма XIII–XIV вв. Генезис. Структура. Образы. Сюжеты. М., 1979 ; Его же. Китайская классическая драма: вопросы жанровой специфики // Проблемы Дальнего Востока. М., 1977. № 4 ; Его же. Трактат «Рассуждение о пении» // Историко-филологические исследования. М., 1967 ; Федоренко Н.Т. Гуань Хань-цин — великий драматург Китая. М., 1958 ; Цыбина Е.А. К вопросу о зарождении и развитии китайской классической драматургии // Вопросы китайской филологии. М., 1963.

[7] *Юаньцюй* имеет две региональные ветви — северную и южную.

[8] Сорокин В.Ф. Китайская классическая драма XIII–XIV вв. Генезис. Структура. Образы. Сюжеты.

[9] Там же. С. 91–115.

[10] Маяцкий Д.И. Гао Цзэчэн и его пьеса «Пипа цзи».

[11] Эти пьесы представлены в следующих изданиях: Ван Ши-фу. Западный флигель, где Цуй Ин-ин ожидала луну / пер. и предисл. Л.Н. Меньшикова. М. : Художественная литература, 1960 ; Гуань Ханьцин. Спасение падшей / пер. В. Семанова и Г. Ярославцева // Восточный альманах. М., 1958. № 3 ; Китайская классическая драма / ред., сост. Т.И. Виноградова. — СПб. : Северо-Запад Пресс, 2003 ; Классическая драма Востока. М. : Художественная литература, 1976 ; Юаньская драма. М. : Искусство, 1966.

[12] Маяцкий Д.И. Гао Цзэчэн и его пьеса «Пипа цзи». С. 155–450.

[13] Таких сборников выходило довольно много. Укажем на несколько из них: Антология китайской поэзии / пер. с кит. под общ. ред Го Можо и Н.Т. Федоренко. Т. 1–4. М. : Художественная литература, 1957. Т. 3. С. 121–179 ; Китайская пейзажная лирика / под общ. ред. В.И. Семанова. М. : Московский университет, 1984. С. 203–255 ; Китайская поэзия в переводах Льва Меньшикова. СПб. : Петербургское Востоковедение. 2007. С. 275–296.

Создатели *юаньцюй* в процессе творчества ориентировались на многовековые достижения китайской поэзии и, как правило, использовали привычные для литераторов прежних эпох средства художественной выразительности. Отдельно среди этих средств можно выделить фонетические, лексические, синтаксические, фразеологические, тропы и стилистические фигуры. Особенно популярны в китайской поэзии такие традиционные изобразительные приемы, как эпитеты, сравнения, противопоставления, параллелизмы, интерполяции, реминисценции, повторы и некоторые другие. Отличает стихи *юаньцюй* от других жанров классической поэзии стремление авторов не использовать сложные образы, поскольку стихи обычно адресовались представителям широких демократических кругов. В отличие от классических стихов *ши* и *цы*, арии также рифмовались не в соответствии со строгими правилами классического стихосложения, а по упрощенной схеме их создателей с нацеленностью на живую разговорную речь и мелодику музыкального сопровождения. Это обстоятельство, по мнению В.Ф. Сорокина, делало правила чередования рифм в ариях более простыми и гибкими [14].

В качестве иллюстрации характерного набора традиционных языковых средств, применявшихся в *юаньцюй*, мы приведем некоторые строки арии «Седьмая песня из Лянчжоу» (梁州第七), взятые произвольно из второго действия пьесы «Обида Доу Э» (窦娥冤) Гуань Ханьцина (关汉卿, 1210–1280). В арии героиня Доу Э осуждает поведение вдовы Цай, забывшей о долге верности умершему супругу и пытающейся выйти замуж повторно:

Одна, ***словно Чжо Вэньцзюнь****, хлопочет, продает вино, моет посуду и мужа уверить хочет, что она, домашнего рвенья полна, никогда не вступает в спор.*
Другая, ***как Мэн Гуан****, угощая супруга, покорно столик до лба поднимет, потупит взор...*
Вот ***новой любви черед, — ей честь и почет, а старой — урон да разор****.*
На ***мужней могиле комья земли не просохли, а на вешалке — новое платье, новый убор****.*
Где же ныне жена*, чьи слезы Великую стену подмыли, когда рыдала она на могиле и плач оглашал простор?!*
Где же ныне жена*, что шелк промывала и, спасая героя, почила на дне, в речной глубине, — многим женам пример и укор.*
Где же ныне жена*, что мужа ждала, взойдя на скалу, и стала одной из гор?!..* [15]
(Пер. А. Штейнберга)

В первых двух строках героиня обращается к сравнениям, связанным с двумя историческими реминисценциями. В одном случае она вспоминает про Чжо Вэньцзюнь, супругу древнего поэта Сыма Сянжу (司马相如, 179–117 гг. до н. э.), хранившую ему верность, невзирая на мимолетные увлечения мужа. В другом — говорит про Мэн Гуан (孟光), жену чиновника Лян Хуна (梁鸿, V в. н. э.), так сильно почитавшую мужа, что всякий раз, когда подавала ему снедь и вино, сгибалась в поклоне и поднимала столик на уровне своей головы.

В последующих строках автор, используя приемы противопоставления и повтора, обращается к литературным реминисценциям. Слова «Великую стену подмыли» отсылают нас к преданию, согласно которому верная жена Мэн Цзяннюй 孟姜女, отчаявшись дождаться мужа, отправленного властями на строительство Великой стены, сама отправилась на его поиски. Когда ей стало известно, что муж умер, она стала так горько рыдать, что стена обвалилась и среди обломков показался труп ее мужа. «Шелк промывала» — намек на порядочность простой крестьянки, которую когда-то встретил спасавшийся от врагов генерал У Цзысюй. Девушка в тот момент полоскала в реке белье. Она пожалела генерала, дала ему еды, а потом утопилась в реке, дабы У Цзысюй (伍子胥, ?–484 г. до н. э.) был спокоен и не опасался, что она расскажет про него. Наконец, слова «стала одной из гор» отсылают к легенде, согласно которой некая жена ждала возвращения мужа с государевой службы. Она так долго стояла на вершине горы и всматривалась в даль, что окаменела.

Приведем иероглифическую запись и фонетическую транскрипцию фрагмента, чтобы посмотреть поведение рифмы:

这一个似卓氏般当垆涤器，这一个似孟光般举桉齐眉……旧恩忘却，新爱偏宜。坟头上土脉犹湿，架儿上又换新衣。那裡有奔丧处哭倒长城？那裡有浣纱时甘投大水？那裡有上山来便化顽石[16]？

[14] Сорокин В.Ф. Китайская классическая драма XIII–XIV вв. Генезис. Структура. Образы. Сюжеты. С. 103.
[15] Гуань Ханьцин. Обида Доу Э // Классическая драма Востока. М. : Художественная литература, 1976. С. 277.
[16] Гуань Ханьцин. Обида Доу Э. С. 19.

Zhe yi ge si Zhuo shi ban dang lu di **qi**, / Zhe yi ge si Meng Guang ban ju an qi **mei**... / Jiu en wang **que**, / Xin ai pian **yi**. / Fen tou shang tu mai you **shi**, / Jia er shang you huan xin **yi**. / Na li you ben sang chu ku dao Chang **cheng**? / Na li you wan sha shi gan tou da **shui**? / Na li you shang shan lai bian hua wan **shi**?

Сравнение строк китайского текста показывает, что строки, за исключением слов “que” (вдруг, против ожидания) и “cheng” (стена), рифмуются на “i”. Видимо, автор Гуань Ханьцин в указанных двух случаях был вынужден отойти от выбранной рифмы, поскольку, как уже отмечалось выше, правила создания арий допускали вольность в отношении рифмы.

Хотелось бы попутно заметить, что переводчик А. Штейнберг попытался решить проблему Гуань Ханьцина и прорифмовал все строки без исключения, не изменив смысл стихотворения. Однако ему не было известно, какое музыкальное сопровождение у этой арии.

Продемонстрировав типичную арию, покажем несколько своеобразных композиционных приемов и методов рифмовки, которые встречаются в произведениях юаньских драматургов и авторов арий, но для классической китайской поэзии являются необычными. Подобные случаи можно встретить иногда в работах китайских ученых Цян Цзюньфэна 墙峻峰 [17], Ван Цюня 王群 [18], Чжоу Сяотяня 周啸天 [19] и др. В публикациях российских синологов, насколько нам известно, они еще ни разу не затрагивались.

Случаи, о которых мы говорим, строятся на игре с рифмой или с лексическими единицами. Приведем их в произвольном порядке и обозначим терминологическими названиями, устоявшимися в китайских исследованиях.

Одновременно попытаемся обратить внимание на трудности, которые связаны с передачей изобразительных средств и которые могут возникнуть при переводе подобных произведений на русский язык.

1. Первый вид стихотворной формы, который мы рассмотрим, носит название «короткий столбик» (短柱体) [20]. Это форма стихотворения с четырьмя-шестью слогами в строке и сквозной рифмой, идущей через слог; рифмуется каждое второе слово; на всю арию используется одна рифма. Примером употребления может служить ария «Срываю ветку корицы» (折桂令) поэта Юй Цзи (虞集, 1272–1348):

鸾**舆**三**顾**茅**庐**，/ 汉**祚**难**扶**，/ 日**暮**桑**榆**。// 深**渡**南**泸**，/ 长**驱**西**蜀**，/ 力**拒**东**吴**。// 美**乎**周**瑜**妙**术**，/ 悲**夫**关**羽**云**殂**。// 天**数**盈**虚**，/ 造**物**乘**除**。// 问**汝**何**如**，/ 早**赋**归**欤**[21]。

Luan **yu** san **gu** mao **lu**, / Han **zuo** nan **fu**, / Ri **mu** sang **yu**. // Shen **du** nan **lu**, / Chang **qu** xi **Shu**, / Li **ju** dong **Wu**. // Mei **hu** Zhou **Yu** miao **shu**, / Bei **fu** Guan **Yu** yun **cu**. // Tian **shu** ying **xu**, / Zao **wu** cheng **chu**. // Wen **ru** he **ru**, / Zao **fu** gui **yu**.

*Царская **колесница** [Лю Бэя] трижды **приезжала** к тростниковой **хижине** [Чжугэ Ляна]* [22].
*[Но] ханьский **трон** трудно [было] **сохранить**,*
*Туты и **вязы** [уже в лучах] солнечного **заката*** [23].
*[Чжугэ Лян] **переправлялся** [за] глубокую южную [реку] **Лу**[шуй]* [24].
*Долго **носился** [в походах] по западному **Шу*** [25].
*Сильный **отпор** [давал] восточному [царству] **У*** [26].

---

[17] Цян Цзюньфэн. 300 юаньских арий. Ухань : Янцзыское литературное изд-во, 2015.

[18] Ван Цюнь. Коротко о юаньских ариях. Шанхай : Восток, 2000.

[19] Чжоу Сяотянь. Не умея декламировать стихи, могу читать их нараспев: десятидневные размышления о *ши* и *цы*. Чэнду : Литература и искусство Сычуани, 2009. URL : https://books.google.ru/books?id= NnbJDAAAQBAJ&pg= PA1&lpg=PA1&dq=周啸天.

[20] Цян Цзюньфэн. 300 юаньских арий. С. 193.

[21] Там же.

[22] Реминисценция троекратного посещения известного в Китае даоса древности Чжугэ Ляна (III в. н. э.) родственником ханьских императоров Лю Бэем. Лю Бэй, прослышав о необыкновенной мудрости Чжугэ Ляна, надеялся взять его на службу и с его помощью предотвратить гибель династии Хань (правила с 206 г. до н.э. по 220 г. н.э.). Встреча успешно состоялась лишь в третий раз, в первые два посещения мудреца либо не было дома, либо он спал.

[23] Фраза связана с представлением древних китайцев и означает «здоровье человека на склоне лет». В нашем стихотворении речь идет о последних днях существования династии Хань.

[24] Река Лушуй (Луцзян), или Цзиньшацзян, в провинции Сычуань на юге Китая.

[25] Историческая область в юго-восточной части Китая (в основном в провинции Сычуань).

[26] Одно из трех государственных образований, на которые распалась династия Хань (Хань, Вэй и У). Три страны вели борьбу за власть над Китаем.

Прекрасным ***ведь*** *[было] редкое [военное]* ***мастерство*** *Чжоу* ***Юя*** [27]*!*
О, как *прискорбно, что Гуань* ***Юй*** *уже* ***погиб****!*
Небом ***предопределено*** *сущее и* ***несущее****.*
Творения ***возвышаются****, приходят в* ***упадок****.*
Спрошу ***тебя****, поступить* ***как****?*
Скорее ***взять отпуск*** *и домой вернуться* ***ли***? (Пер. Д. Маяцкого)

Оригинальные строки произведения, которое состоит из 12 строк с разным количеством слогов в строке (от четырех до шести), мы расположили в горизонтальной последовательности. Строки отделены друг от друга косыми чертами. В качестве рифмы выступают фонетически близкие слоги, содержащие звук “u” (для удобства визуального восприятия они выделены жирным шрифтом).

Стихотворение содержит размышления лирического героя о судьбе страны и о своем будущем. Обращаясь к славной истории Китая и к философии, он приходит к выводу, что, когда есть небесное предопределение, даже выдающиеся исторические лица (Чжугэ Лян, Гуань Юй) не в силах изменить ход истории. Подобные соображения дают герою внутреннее оправдание его ухода со службы.

Переводчик, выполняя художественный перевод этого произведения на русский язык, сможет, на наш взгляд, передать образность и все приемы, кроме фонетического. Даже если построить, используя возможности русского языка, такую форму стиха, где рифмовалось бы количество слогов, эквивалентное количеству рифмующихся слогов в тексте оригинала, то такое стихотворение, вероятно, вызовет недоумение у русского читателя. В то же время текст оригинала китайским реципиентом не будет восприниматься как искусственный, поскольку китайский язык слоговой. Общеизвестно, что около 90 процентов слов в нем состоит из одного или двух слогов, количество неповторяющихся слогов немного превышает 400, поэтому в языке очень развита омонимия, преодолеть которую позволяет лексическое окружение.

2. Второй тип стихотворной формы *юаньцюй* — «мостик из одного бревна» (独木桥体) [28]. Это песни с одним словом-рифмой для всего стихотворения, при этом рифмуются только последние иероглифы в каждой строке. Для примера рассмотрим анонимное стихотворение «Осенний [прилет] лебедя с пограничных застав» (塞鸿秋):

爱他时似爱初生**月**，/ 喜他时似喜看梅梢**月**，/ 想他时道几首西江**月**，/ 盼他设计似盼辰钩**月**。// 当初意儿别，/ 今日相抛撇，/ 要相逢似水底捞明**月** [29]。

Ai ta shi si ai chu sheng **yue**, / Xi ta shi si xi kan mei shao **yue**, / Xiang ta shi dao ji shou “Xi jiang **yue**”, / Pan ta she ji si pan Chen gou **yue**. / Dang chu yi er bie, / Jin ri xiang pao pie, / Yao xiang feng si shui di lao ming **yue**.

Когда полюбила его, словно полюбила молодой ***месяц****,*
Когда радуюсь ему, будто радуюсь созерцанию поднявшейся над вершинами слив ***луне****,*
*Когда думаю о нем, произношу строки из арии «****Луна*** *над западной рекой»* [30]*,*
Дождаться его, все равно что дождаться встречи планеты Меркурий [31] *с* ***Луной****.*
Прежде мы лишь думали о разлуке,
А теперь он меня оставил,
Хочу увидеться с ним — а это все равно что из воды выловить отражение ***луны****.*
(Пер. Д. Маяцкого)

В стихотворении семь строк, количество слогов в которых варьируется от пяти до девяти. Первая, вторая, третья, четвертая и седьмая (последняя) строки завершаются словом «луна/месяц» 月. Конечные слоги в пятом (bie — «разлука, разлучиться») и шестом (pie —

[27] Полководец Чжоу Юй помог Лю Бэю малыми силами разгромить врага Цао Цао в знаменитой битве у Красной скалы.

[28] Ван Цюнь. Коротко о юаньских ариях. С. 57–58.

[29] Там же.

[30] Речь идет об одной из многочисленных арий с аналогичным названием, где поется о ночном томлении девушки в ожидании любимого. Образы луны и берега реки обычно символизируют разлуку влюбленных. Река, словно Млечный Путь на небе, их разделяет.

[31] Кит. Чэньгоу — планета Меркурий. Поскольку эту планету трудно увидеть на звездном небе, используемое сравнение подразумевает осуществление заветной мечты.

«бросить, оставить») стихах рифмуются с «луной» (yue), но семантически из построения не выпадают, поскольку Луна в китайской культуре традиционно ассоциируется с разлукой.

Наверное, такая форма, в отличие от предыдущей, особых трудностей у переводчика не вызовет.

3. Следующий вид стихотворной рифмы — «наслаивающиеся (громоздящиеся) рифмы» (叠韵体) [32]; рифмуются все слова в строке, кроме последнего слова (могут рифмоваться последние слоги стихов, но это будет другая рифма). Для примера приведем часть арии на мотив «Белая бабочка» (粉蝶儿) автора, известного под псевдонимом Хэй Лаоу (黑老五):

从东陇风动松呼，/ **听叮咛定睛争**觑，/ **望苍茫圹广黄**芦。// 恰樵夫遇渔父，/ 递知机携物。// 便盘旋千转前湖 [33].....。

Cong dong long feng dong song hu, / **Ting ding ning ding jing zheng** qu, / **Wang cang mang kuang guang huang** lu. // Qia qiao fu yu yu fu, / Di zhi ji xie wu. // Bian pan xuan qian zhuan qian hu…

Не ветер ли, дующий с востока, качает сосны?
Услышав его назойливый шум, открываю глаза и всматриваюсь,
Вижу в темной бескрайней дали желтый тростник.
Собиратель хвороста встретил рыбака,
Обменявшись знанием тайн природы и вещами,
Они разбрелись, петляя вдоль озера... (Пер. Д. Маяцкого)

В данном примере автор выдерживает единую основную рифму “ng” в первом, втором и третьем стихах. В шестом стихе рифма “n” немного отличается, хотя и может рассматриваться как фонетически близкая. В четвертой и пятой строках рифма полностью меняется, причем в каждой из этих строк рифма своя и выдерживается на протяжении строки.

Эту форму рифмовки однозначно в русском переводе воспроизвести нереально, поскольку в китайском языке глаголы, существительные, прилагательные и предлоги часто могут иметь одинаковое окончание, а в русском языке — нет.

4. «Изменение рифмы» (犯韵体) [34]; рифмуются первое и последнее слово каждой строки, при этом от строки к строке рифма может меняться. Приведем несколько строк из анонимной песни на мотив «Аромат ветки корицы» [35] (桂枝香):

娇娃低**叫**，/ **萧**郎含**笑**，/ **映**纱窗体态轻**盈**，/ **描**不就形容奇**妙** [36]。... ...

Jiao wa di **jiao**, / **Xiao** lang han **xiao**, / **Ying** sha chuang ti tai qing **ying**, / **Miao** bu jiu xing rong qi **miao**…

Прекрасная девица приглушенно восклицает,
Молодой господин сдерживает улыбку,
Отражаются в затянутом флёром окне грациозные движения,
Не описать, не передать [их] необычность и красоту… (Пер. Д. Маяцкого)

5. «Анадиплосис» (顶真/针体) [37]; стихи с репризой (повтором) последнего знака предыдущей строки в начале следующей. Для примера приведем анонимное произведение «Маленькое персиковое дерево в красном» (小桃红). Поскольку в стихотворении для нас важна лексика, а не фонетика, транскрипцию указывать не будем:

断肠人寄断肠**词**，/ **词**写心间**事**。/ **事**到头来不由**自**，/ **自**寻**思**。/ **思**量往日真诚**志**。/ **志**诚是**有**，/ **有**情谁**似**？/ **似**俺那人儿 [38]。

---

[32] Ван Цюнь. Коротко о юаньских ариях. С. 58.
[33] Там же. С. 58.
[34] Ван Цюнь. Коротко о юаньских ариях. С. 58.
[35] По причине анонимности это произведение с трудом поддается датировке и вполне возможно, что оно относится не к юаньскому, а к минскому времени (1369–1644).
[36] Там же. С. 58.
[37] Чжоу Сяотянь. Не умея декламировать стихи, их можно читать нараспев: десятидневные размышления о *ши* и *цы*. URL : https://books.google.ru/books?id=NnbJDAAAQBAJ&pg=PT258&lpg=PT258&dq=不会吟诗也会吟+顶真体.
[38] Сборник юаньских арий / ред. Чэнь Найцянь. Пекин : Древняя литература, 1958. С. 391.

Жестокий человек прислал жестокие ***слова****,*
В ***словах*** *говорится о сердечных* ***делах****.*
Дела *изначально не зависят от нас* ***самих****,*
Сама *предалась* ***размышлению****.*
Размышляю *о былом искреннем* ***чувстве****.*
Чувство *действительно* ***было****,*
Бывшее *чувство на чье было* ***похоже****?*
Похоже *было как раз на его чувство*. (Пер. Д. Маяцкого)

Этот прием у переводчика вызвать трудностей не должен, так как он известен по произведениям русской литературы и часто встречается в фольклорной поэзии. Сравните у А. Кольцова «Песня (Дуют ветры…)» (1840):

Дуют ***ветры****,*
Ветры *буйные,*
Ходят ***тучи****,*
Тучи *тёмные.*

6. «Удвоение слов» (叠字体) [39]; в каждой строке стиха слова удваиваются. Примером может служить ария «В небе чистый песок» (天净沙) Цяо Цзи (乔吉, 1280–1345):

莺莺燕燕春春，/ 花花柳柳真真。/ 事事风风韵韵，/ 娇娇嫩嫩，/ 停停当当人人 [40]。

Ying ying yan yan chun chun, / Hua hua liu liu zhen zhen. / Shi shi feng feng yun yun, / Jiao jiao nen nen, / Ting ting dang dang ren ren.

Иволги-иволги, ласточки-ласточки, весна-весна,
Цветы-цветы, ивы-ивы, подлинные-подлинные.
[В каждом] деле, [в каждом] деле движения-движения, манеры-манеры,
Изящны-изящны и грациозны-грациозны.
Правильная-правильная идеальная-идеальная героиня-героиня. (Пер. Д. Маяцкого)

В песенке описывается красота и грациозность некой дамы. Форма для русского слуха очень специфична, так как строится на удвоении слов, характерном для китайского языка, в котором удваивать можно слова многих частей речи (существительные, прилагательные, глаголы, числительные, счетные слова). В китайском языке такая операция выполняет особые грамматические функции. Применительно к прилагательным удвоение создает усиление признака предмета (*идеальная-идеальная = очень идеальная, грациозны-грациозны = очень грациозны* и т. д.); в случае с существительными — указывает на всеохватность (*движения-движения = все движения / каждое движение*) или поочередность (*одно движение за другим*). В русском языке удвоение существительных и прилагательных в подобной функции может быть употреблено, но потребует ввода дополнительных служебных слов (*движение за движением*) или приставок (*грациозный-преграциозный*). Вместе с тем стихотворение скрывает за собой глубокий культурный фон: перечисленные в нем образы (птицы, ивы, цветы, весна) создают уверенность в стойкости «правильной» и «идеальной» героини к соблазнам любовных увлечений.

7. «Ввод слов» (嵌字体) [41]. Существует много разновидностей таких стихотворений. Общим для них является органичное введение в каждую строку либо одного и того же слова, либо (в определенной последовательности) числительных или слов, обозначающих понятия, которые обычно выступают в сочетании с другими понятиями из того же ряда (например, названия пяти первоэлементов, пяти цветов, пяти звуков, сторон света и т. п.).

А) Вводится одно и то же слово. Но это не анафора, так как позиция слова в строках может меняться, и не симплока, так как позиция вводимых слов может меняться (подлежащее, дополнение). Кроме того, слово может вводиться в строку дважды. Рассмотрим в качестве примера арию «Человек, опершийся об ограду» (凭阑人) поэта Чжан Кэцзю (张可久, 1270–1348):

江水澄澄江月明，江上何人搦玉筝？隔江和泪听，满江长叹声 [42]。

---

[39] Ван Цюнь. Коротко о юаньских ариях. С. 59.
[40] Сборник юаньских арий. С. 394.
[41] Чжоу Сяотянь. Не умея декламировать стихи, их можно читать нараспев…
[42] Сборник юаньских арий. С. 426.

*В **реке** вода хрустально-прозрачная, над **рекой** ясный месяц,*
*На **реке** кто играет на чжэне* [43]*?*
*Отделенный **рекой**, со слезами его звукам внимаю,*
*Над **рекой** протяжные вздохи раздаются*. (Пер. Д. Маяцкого)

Сравним с симплокой у В. Маяковского в финальных строках его стихотворения «Юбилейное» (1924):

*Ненавижу **всяческую** мертвечину!*
*Обожаю **всяческую** жизнь!*

Б) Вводятся понятия из определенного набора. Приведем для примера арию «Чистая река» (双调清江引) Гуань Юньши (贯云石, 1286–1324) без указания транскрипции:

金钗影摇春燕斜，木杪生春叶。水塘春始波，火候春初热，土牛儿载将春到也 [44]。

*Тени **золотых** шпилек качаются как хвосты весенних ласточек,*
*На кронах **деревьев** появились весенние листья.*
***Водная** [гладь] в пруду покрылась рябью от весенних [ветров],*
***Огненное** солнце весной палить начинает.*
***Земляного** быка грузят в повозку, чтобы встретить весну*. (Пер. Д. Маяцкого)

В) Вводятся числительные. Этот прием используется в арии «Двенадцатый месяц» (十二月) в третьем действии пьесы «Душа Цянь-нюй расстаётся с телом» (倩女离魂) Чжэн Гуанцзу (郑光祖, 1260–1320):

原来是一枕南柯梦里，和二三子文翰相知。
他访四科习五常典礼，通六艺有七步才识。
凭八韵赋纵横大笔，九天上得遂风雷 [45]。

*Но всё оказалось несбыточным **сном** (букв. **«одним** сном»)* [46]*:*
Что он очутился с талантами славными [47] *в сонме одном (букв. «познакомился с **двумя-тремя** талантами»),*
*Он тонкий знаток **четырёх** направлений* [48]*, и **пять** отношений* [49] *незыблемы в нём.*
***Шесть** книг* [50] *досконально он знает и за **семь** шагов он стихи сочиняет* [51]*,*
*И **восемь** рифмованных строк повсюду расскажут о нём* [52]*,*
*По всем **девяти** небесам* [53] *раскатится имя его, словно гром* [54]. (Пер. Л.Н. Меньшикова)

8. «Повторы с перефразировкой» (反复体) [55]; каждая первая строка строфы перефразируется во второй строке, при этом один знак из первой строки повторяется в последующих строках строфы. С использованием этого приема строится ария «Водный небожитель» (双调水仙子) Лю Тинсиня (刘庭信, ?–?):

---

[43] Древний струнный музыкальный инструмент наподобие гуслей.
[44] Цян Цзюньфэн. 300 юаньских арий. С. 115.
[45] Чжэн Гуанцзу. Душа Цянь-нюй расстается с телом // Избранные пьесы *цзацзюй* людей эпохи Юань. С. 376.
[46] Буквально «сон о стране Нанькэ» («сон о стране под южной веткой») — намек на историю молодого книжника, мечтавшего о чиновничьей службе, а потом заснувшего под деревом. Во сне ему привиделось, будто он успешно сдал государственные экзамены и оказался на службе у императора. Герой высоко поднялся по карьере, пережил взлеты и падения, из-за государственных хлопот не знал покоя даже в глубокой старости. Увиденный сон побудил героя отказаться от былой амбициозности и утвердил его в мысли, что его жизнь в сельской местности все-таки счастливая.
[47] То есть герою привиделось, будто он в числе лучших талантов выдержал чиновничьи экзамены.
[48] Четыре направления конфуцианства — этика, риторика, политика и литература.
[49] Пять отношений — пять видов отношений между людьми, образующие основу конфуцианской этики: между отцом и сыном, государем и подданным, мужем и женой, старшими и младшими, между друзьями.
[50] Шесть книг конфуцианского канона: «Книга перемен», «Книга музыки», «Книга установлений», «Книга песен», «Книга исторических записей» и «Летопись царства Лу».
[51] Намек на известного поэта и мастера импровизации Цао Чжи, который однажды сложил прекрасное стихотворение быстрее, чем его брат-император Цао Пи прошел семь шагов.
[52] Речь идет о стихотворных славословиях, которые посвящались победителям на экзаменах.
[53] В представлении древних китайцев небо имело девять ярусов.
[54] Чжэн Гуанцзу. Душа Цянь-нюй расстается с телом. С. 100.
[55] Чжоу Сяотянь. Не умея декламировать стихи, их можно читать нараспев…

恨重叠，/ 重叠恨，/ 恨绵绵，/ 恨满晚妆楼。//
愁积聚．/ 积聚愁，/ 愁切切，/ 愁斟碧玉瓯。//
懒梳妆，/ 梳妆懒，/ 懒设设，/ 懒爇黄金兽。//
泪珠弹，/ 弹珠泪，/ 泪汪汪，/ 汪汪不住流。//
病身躯，/ 身躯病，/ 病恹恹，/ 病在我心头。//
花见我，/ 我见花，/ 花应憔瘦。//
月对咱，/ 咱对月，/ 月更害羞。//
与天说，/ 说于天，/ 天也应愁 [56]。

Негодование наслаивается одно на другое,
Наслаивающееся одно на другое негодование,
Негодование *тянется бесконечно,*
Негодованием *наполнена туалетная комната.*

Грусть накапливается,
Накапливающаяся грусть,
Грусть *печальная,*
Грусть *налита в чашу из зеленого нефрита.*

Лениво прихорашиваюсь,
Прихорашиваться лень,
Лениво *раскладываю [предметы]*
Лениво *воскуряю [ароматы] в курильнице-зверушке.*

Слезы-жемчужины капают,
Капают слезы-жемчужины,
Слезы ***застилают глаза,***
Застилают глаза *и непрерывно текут.*

Недуг поразил [меня],
[Меня] поразил недуг.
Недуг *изнуряет,*
Недуг *в моем сердце...*

Цветы взирают на нас,
Мы взираем на цветы,
Цветы *откликаются и чахнут.*

Месяц напротив нас,
Мы напротив месяца,
Месяц *еще больше смущается.*

Небо говорит с нами,
Мы говорим с небом,
Небо *тоже откликается и грустит*. (Пер. Д. Маяцкого)

9. «Повторение строк» (重句体) [57]; все слова из второй строки, кроме первой, повторяются в третьей строке. Рассмотрим случай употребления такой формы на примере арии «Дворец лунной жабы» (双调蟾宫曲) литератора Тан Ши (汤式, XIV в.).

冷清清人在西厢，/ 叫一声张郎，/ 骂一声张郎。//
乱纷纷花落东墙，/ 问一回红娘，/ 絮一回红娘。//
枕儿馀，衾儿省，/ 温一半绣床，/ 闲一半绣床。//
月儿斜，风儿细，/ 开一扇纱窗，/ 掩一扇纱窗。//
荡悠悠梦绕高唐，/ 萦一寸柔肠，/ 断一寸柔肠 [58]。

---

[56] Цян Цзюньфэн. 300 юаньских арий. С. 300.
[57] Ван Цюнь. Коротко о юаньских ариях. С. 60.
[58] Цян Цзюньфэн. 300 юаньских арий. С. 307.

Холодно и тоскливо героине в западном флигеле:
Зовет ***молодого господина Чжана,***
Ругает ***молодого господина Чжана.***

Кружась, цветы падают у восточной стены,
Вопрошаю ***Хун-нян,***
Докучаю ***Хун-нян.***

Одно изголовье и одеяло лишние,
Согреваю ***одну половину узорной постели,***
Держу пустой ***одну половину узорной постели.***

Месяц садится, ветерок слабеет,
Открою ***створку затянутого сеткой окна,***
Прикрою ***створку затянутого сеткой окна.***

Кружит во сне моя душа вокруг Гаотана [59]*,*
Потянется ***к нему душа,***
Отвергнет ***его душа.*** (Пер. Д. Маяцкого)

Ария отсылает нас к пьесе «Западный флигель» (西厢记) драматурга Ван Ши-фу (王师傅, около 1250–1307 гг.) [60], повествующей о любви героини Ин-ин к молодому книжнику Чжан Гуну, отправившемуся в столицу на экзамены. В арии воспроизведены переживания Ин-ин, не находящей себе места и без конца вопрошающей служанку Хун-нян, нет ли вестей от Чжан Гуна.

Таким образом, рассмотренные нами примеры из произведений *юаньцюй* разных авторов, неизбежно подводят нас к следующему вопросу: существует ли необходимость передавать в переводах на другой язык формальные признаки различных типов композиционных построений и рифмовок юаньских арий? Если такая необходимость существует, то как решать проблему поиска эквивалентов? Крайне непросто дать однозначный ответ на этот вопрос, так как, с одной стороны, используемые авторами приемы, являясь частью их творческого замысла, выделяют среди других написанные ими произведения, с другой стороны, возможности русского языка, отличаясь от возможностей китайского, не всегда позволяют справиться с поставленной задачей. Известные препятствия в переводе могут возникать также и по той причине, что арии *юаньцюй* когда-то создавались под конкретные мелодии, которые зачастую давно уже утрачены. Оторвавшись от музыки, такие арии превратились в произведения, предназначенные не для пения, а для визуального прочтения или исполнения без музыкального сопровождения. Однако нам представляется: если мелодия доступна — переводчику следует учесть и ее тоже; если она утрачена — можно попытаться воспроизвести хотя бы ритмику китайского текста. В случае, когда соблюдение формальных признаков может лишить перевод естественности или изменить его смысл, следует воспроизводить эти признаки частично. Именно так поступил в рассмотренном выше переводе Л.Н. Меньшиков, отказавшись от ввода цифр «два» и «три». Практически невозможно, на наш взгляд, передать в русском языке первый («короткий столбик»), третий («наслаивающиеся рифмы») и шестой («удвоение слов») виды рифмовок. Здесь главным препятствием выступают грамматические и фонетические особенности русского языка, а также многосложность русских слов.

Список использованной литературы

1. Ван Ши-фу. Западный флигель, где Цуй Ин-ин ожидала луну [Текст] / пер. и предисл. Л.Н. Меньшикова. — М. : Художественная литература, 1960. — 282 с.
2. Китайская классическая драма [Текст] / ред., сост. Т.И. Виноградова. — СПб. : Северо-Запад Пресс, 2003. — 414 с.
3. Классическая драма Востока [Текст]. – М. : Художественная литература, 1976. — 879 с.
4. Маяцкий, Д.И. Гао Цзэчэн и его пьеса «Пипа цзи» [Текст]. — СПб.: СПбГУ, 2015. — 462 с.
5. Сорокин, В.Ф. Китайская классическая драма XIII–XIV вв. Генезис. Структура. Образы. Сюжеты [Текст]. — М. : Наука, 1979. — 334 с.

[59] Гаотан — горы, где, по преданию, древний правитель Чу Сян-ван встретил во сне местную богиню и предложил ей свою любовь, но богиня отвергла его. Гаотан символизирует мечту возлюбленных о трудноосуществимой встрече.

[60] Ван Ши-фу. Западный флигель, где Цуй Ин-ин ожидала луну.

6. Юаньская драма [Текст] / сост. и вступ. ст. В. Петрова. — М. : Искусство, 1966. — 511 с.

7. Ван Цюнь. Коротко о юаньских ариях [Текст]. — Шанхай : Восток, 2000. — 295 с. (王群。元曲浅说。—上海：东方，2000。— 295页。). (На кит. яз.)

8. Гао Мин. Лютня [Текст] / комм. Цай Юньчжана. — Пекин : Китайское изд-во, 2000. — 335 с. (高明。琵琶记。/ 蔡运长注。— 北京：华夏出版社，2000。— 335 页。). (На кит. яз.)

9. Избранные пьесы *цзацзюй* людей эпохи Юань [Текст]. — Пекин : Народная литература, 1958. — 548 с. (元人杂剧选。— 北京：人民出版社，1958。— 548页。). (На кит. яз.)

10. Сборник юаньских арий / ред. Чэнь Найцянь. — Пекин : Древняя литература, 1958. — 469 с. (元人小令集/ ed. 陈乃乾。— 北京：古典文学出版社，1958。— 469页). (На кит. яз.)

11. Цян Цзюньфэн. 300 юаньских арий [Текст]. — Ухань : Янцзыское литературное изд-во, 2015. — С. 193 (墙峻峰。元曲三百首。— 武汉：长江文艺出版社，2015。— 318页。). (На кит. яз.)

12. Чжоу Сяотянь. Не умея декламировать стихи, могу читать их нараспев: десятидневные размышления о *ши* и *цы* [Электронный ресурс]. — Чэнду : Литература и искусство Сычуани, 2009. — 259 с. (周啸天。不会吟诗也会吟：诗词创作时日谈。— 成都：四川文艺出版社，2009. — 259页). — Режим доступа : https://books.google.ru/books?id=NnbJDAAAQBAJ&pg=PA1&lpg=PA1&dq=周啸天. (На кит. яз.)

References

1. Wang Shi-fu. Zapadniy fligel, gde Cui Ying-ying ozhidala Lunu [The Western Pavilion, where Cui Ying-ying was waiting for the Moon] [Tekst] / Transl. and preface by L.N. Menshikov. — Moscow : Hudozhestvennaya Literatura, 1960. — 282 p. (in Russ.)

2. Kitaiskaya klassicheskaya drama [Chinese Classical Drama] [Tekst] / ed., comp. by T.I. Vinogradova. — St. Petersburg : Severo-Zapad Press, 2003. — 414 p. (in Russ.)

3. Klassicheskaya drama Vostoka [Classical Drama of the Orient] [Tekst]. — Moscow : Hudozhestvennaya literatura, 1976. — 879 p. (in Russ.)

4. Maiatckii, D.I. Gao Zecheng i yego pyesa “Pipa ji” [Gao Zecheng and his play “Pipa ji”] [Tekst]. — St.Petersburg: St.-Petersburgskiy gosudarstvenniy universitet, 2015. — 462 p. (in Russ.)

5. Sorokin, V.F. Kitaiskaya klassicheskaya drama XIII-XIV vv.: Genezis, struktura, obrazy, siuzhety [Chinese Classical Drama of XIII–XIV centuries: Genesis, structure, images, plots] [Tekst]. — Moscow : Nauka, 1979. — 334 p. (in Russ.)

6. Yuanskaya drama [Yuan Drama] [Tekst] / Comp. and preface by V. Petrov. — Moscow : Iskusstvo, 1966. — 511 p. (in Russ.)

7. Wang Qun. Yuanqu qianshuo [Breafly about Yuan arias] [Text]. — Shanghai : Dongfang, 2000. — 295 p. (王群。元曲浅说。— 上海：东方，2000。— 295页。). (in Chin.)

8. Gao Ming. Pipa ji [The Lute] [Text] / comm. by Cai Yunzhang. — Beijing : Huaxia chubanshe, 2000. — 335 p. (高明。琵琶记。/ 蔡运长注。—北京：华夏出版社，2000。— 335 页。). (in Chin.)

9. Yuanren zaju xuan [Selected zaju plays of people of the Yuan era] [Text]. — Beijing: Renmin chubanshe, 1958. — 548 p. (元人杂剧选。—北京：人民出版社，1958。— 548页。). (in Chin.)

10. Yuanren xiaoling ji [A collection of Yuan arias] / ed. Chen Naiqian. — Beijing: Gudian wenxue chubanshe, 1958. — 469 p. (元人小令集/ ed. 陈乃乾。—北京：古典文学出版社, 1958。— 469页). (in Chin.)

11. Qiang Junfeng. Yuan qu 300 shou [300 Yuan arias] [Text]. – Wuhan: Changjiang wenyi chubanshe, 2015. — 318 p. (墙峻峰。元曲三百首。—武汉：长江文艺出版社，2015。— 318页。). (in Chin.)

12. Zhou Xiaotian. Bu hui yin shi ye hui yin: Shi ci chuangzuo shi ri tan [Unable to recite poems, I can read them in a sing-song manner: Ten-day reflections on shi and ci] [Electronic resource]. Chengdu: Sichuan wenyi chubanshe, 2009. — 259 p. (周啸天。不会吟诗也会吟：诗词创作时日谈。—成都：四川文艺出版社，2009. — 259页). — Mode of access: URL: https://books.google.ru/books?id=NnbJDAAAQBAJ&pg=PA1&lpg=PA1&dq=周啸天(in Chin.)

Сведения об авторе

Маяцкий Дмитрий Иванович — кандидат филологических наук, доцент кафедры китайской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, член Европейской ассоциации китаеведения. Почтовый адрес (раб.): 199034, С.-Петербург, Университетская наб., д. 11, Восточный факультет СПбГУ, комн. 186. Тел. (раб.): (8812) 324-0749. Электронный адрес: taishan@yandex.ru.

Maiatsky, Dmitry — Ph.D. (Philology), Associate Professor, Dpt. of Chinese Philology, St.Petersburg State University. Member of the European Association of Chinese Studies. Postal address: 11, Universiteskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia. Office tel.: (8812) 324-0749. E-mail.: taishan@yandex.ru.

Требования к публикациям
и правила предоставления рукописей авторами

(The Requirements for publication
are also available in English at: http://fljournal.rsu.edu.ru/en/)

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина».

Журнал «Иностранные языки в высшей школе» выходит с 2004 года с периодичностью (с 2009 года) — один раз в три месяца.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 23 ноября 2012 года. *Регистрационный номер ПИ № ФС 77-51731.*

Подписной индекс журнала — № 36852 в каталоге «Роспечать».

Журналу присвоен международный стандартный серийный номер (ISSN) 2072-7607.

Журнал с 1 декабря 2015 года ***входит в перечень рецензируемых научных изданий***, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций по филологии (языкознание и литературоведение) на соискание ученой степени кандидата наук и на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал, следуя своим традициям, принимает также статьи по методике преподавания иностранных языков при наличии в них серьезной лингвистической составляющей.

Значительное внимание уделяется проблемам теории и практики перевода, в том числе художественного перевода.

Список специальностей научных статей, публикуемых в журнале «Иностранные языки в высшей школе»:

Индекс	*Специальности*	*Науки*
10.02.20	Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	филологические
10.02.19	Теория языка	филологические
10.02.04	Германские языки	филологические
10.02.05	Романские языки	филологические
10.02.22	Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (с указанием конкретного языка или языковой семьи)	филологические
10.01.08	Теория литературы. Текстология	филологические
10.01.03	Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)	филологические
10.02.01	Русский язык *	филологические
10.02.21	Прикладная и математическая лингвистика	филологические
** Русский язык рассматривается либо как иностранный, либо как материал для сопоставительного исследования.*		

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных авторов на русском языке или на английском как языке межнационального общения. В порядке исключения возможна публикация на других ведущих европейских языках — немецком или французском.

Условия и порядок приема публикаций:

1. Редакционный совет принимает к публикации статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости и соответствующие тематике журнала. Научные статьи направляются на независимую экспертизу членам редколлегии и при положительном заключении, являющемся основанием для публикации, включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.

2. Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

3. Для аспирантов и соискателей кандидатских диссертаций обязательно наличие отзыва научного руководителя.

4. Стоимость одной страницы публикации (шрифт 14 Times New Roman, 1,5 интервала) в 2017 году остается прежней — 400 рублей. Для очных аспирантов (граждан РФ) публикация бесплатна.

5. Статьи должны быть оформлены в строгом соответствии с техническими требованиями.

6. Окончательное решение о приеме научной статьи к публикации принимается редакционным советом журнала «Иностранные языки в высшей школе». Извещение о решении редакционной коллегии направляется автору.

Требования к оформлению статей:

Статьи присылаются по электронной почте на адрес e.ustinova@rsu.edu.ru (с копией по адресам e.ustinova.rsu@gmail.com и fljournal@rsu.edu.ru). Отзыв научного руководителя (для аспирантов и соискателей) присылается по почтовому адресу: 390000, Рязань, ул. Свободы, д. 46, Рязанский государственный университет, Институт иностранных языков, Устиновой Елене Сергеевне. Электронный вариант отзыва научного руководителя присылается вместе со статьей как приложение в формате, воспроизводящем подпись и печать.

Объем статьи с учетом информативности текста может варьироваться от 6–7 до 20–24 страниц в 1,5 интервала при шрифте 14 Times New Roman. Текст статьи следует оформлять стилем «Строгий» Microsoft Office Word. Редакционный совет оставляет за собой право сокращать статью (по согласованию с автором) или рекомендовать автору расширить статью.

Статья сопровождается заголовком, развернутым шифром УДК, аннотацией и списком ключевых слов на русском языке, а также заголовком, аннотацией и списком ключевых слов на английском языке (независимо от языка статьи).

Объем аннотации — 100–250 слов. Аннотация на английском языке на русскоязычную статью должна быть подробнее аннотации на русском языке, так как для читателей, не владеющих русским языком, это единственный источник информации. Аннотации должны отражать цель исследования, его новизну, суть авторского видения проблемы, основные положения, выдвигаемые автором, и результаты.

Рекомендуется деление статьи на основные части с помощью подзаголовков.

Приветствуется наличие ссылок на иноязычные публикации зарубежных исследователей.

При ссылках на электронные ресурсы следует указывать дату обращения. Ссылки на Википедию недопустимы.

Оформление списка использованной литературы на русском языке:

Книги (монографии, диссертации, учебные пособия):

Гальскова, Н.Д. Теория обучения иностранному языку. Лингводидактика и методика [Текст] : учеб. пособие / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. — 3-е изд., стер. — М. : Академия, 2006. — 336 с.

Статьи:

Карасик, В.И. Интерпретация дискурса: топик, формат, модус [Текст] // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2015. — № 1 (96). — С. 73–79.

на английском языке (References):

Книги (монографии, диссертации, учебные пособия):

1. Blokh, M.Y. (2008). *Teoreticheskaya grammatika angliyskogo yazyka* [Theoretical Grammar of the English Language]. Moscow : Vysshaya shkola, 421 p.

2. Lakoff, G., Johnson M. (2003). *Metaphors we live by*. University of Chicago Press, 191 p.

Статьи:

1. Stepanov, V., Ukhova, P. (2016). The Evaluative Potential of French Student Slang. *Inostrannye yazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education], N 4, pp. 17–24.

Название всей книги (монографии, журнала) выделяется курсивом.

Подстрочные ссылки выполняются автоматически (алгоритм: «*вставка — ссылка — сноска — продолжить — применить ко всему документу — вставить*») и оформляются с продолжающейся нумерацией. Маркер сноски — арабская цифра. Кегль подстрочной сноски 10, шрифт Times New Roman.

Не допускаются ручные переносы.

Сведения об авторах (на русском и английском языках):

- фамилия, имя, отчество автора (полностью; буква «ё» не должна заменяться на «е»);
- ученая степень, звание, должность и место работы (с точным, официальным названием кафедры и вуза);
- информация о месте учебы аспиранта либо соискательства автора (кафедра, вуз);
- отрасль науки и специальность предполагаемой защиты;
- наличие правительственных званий, относящихся к профессии (например, заслуженный работник высшей школы РФ);
- приблизительное количество научных публикаций: монографий, учебно-методических пособий, статей;
- адрес с почтовым индексом, все возможные средства связи, удобные для быстрого согласования правки (служебный, домашний, мобильный телефоны, факс, e-mail); отдельно следует указать адрес и телефон, которые будут опубликованы в журнале, и адрес и телефон, которые будут использоваться только для связи и отсылки авторского экземпляра.
- основные направления научных исследований.

Направляя статью для публикации в журнале «Иностранные языки в высшей школе», автор тем самым изъявляет согласие на ее размещение на сайте РГУ имени С.А. Есенина, а также в Российской электронной библиотеке на условиях открытого бесплатного полнотекстового доступа через шесть месяцев после публикации статьи и размещения метаданных в НЭБ.

Электронные адреса и контактный телефон: (4912) 21-57-23, (4912) 97-15-15 (доб. 1030)
e.ustinova@rsu.edu.ru; fljournal@rsu.edu.ru

Иностранные языки в высшей школе

Научный журнал

Выпуск 2 (41)

2017

Главный редактор
Колкер Яков Моисеевич

Редакторы иностранного текста:
Е.С. Устинова (английский язык)
Е.В. Игнатова (немецкий язык)
Ван Цзиньлин (китайский язык)
Н.К. Костина (французский язык)

Редакторы Т.Н. Свитнева, Ю.А. Филатова
Технический редактор Д.А. Филатов

Дата выхода в свет 23.06.2017. Цена свободная.
Поз. № 20. Заказ № 176. Гарнитура Times New Roman, SimSun.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 15,34. Уч.-изд. л. 12,4. Тираж 200 экз.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Адрес издателя:
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Адрес типографии:
Редакционно-издательский центр РГУ имени С.А. Есенина
390000, г. Рязань, ул. Ленина, 20а